

**ПЕСНИ
РУССКИХ
БАРДОВ**

III

YMCA-PRESS

**ПЕСНИ
РУССКИХ БАРДОВ**

ТЕКСТЫ

СЕРИЯ 3

YMCA - PRESS

11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

КАССЕТА III-1Владимир Высоцкий

Мяч затаился в стриженной траве...	1
Возле города Пекина...	1
Очи черные, очи страстные...	2
Утро туманное, утро седое...	2
Было так: я любил и страдал...	2
Полчаса до атаки...	3
Без запретов и следов...	3
Мне в ресторане вечером вчера...	4
Едешь ли в поезде, в автомобиле...	5
Я самый непьющий из всех мужиков...	6
Целую знамя-пропыленный шелк...	7
В Пекине очень мрачная погода...	8
В этом доме большом...	8
Хоть бы облачко, хоть бы тучка...	9
Твердил он нам, - Моя она...	9
Зачем мне считаться шпаной и бандитом...	10
Вот раньше жизнь: и вверх и вниз...	11
Нам вчера прислали из рук вон плохую весть...	11
Нам ни к чему сюжеты и интриги...	12
В наш тесный круг не каждый попадал...	12
Я любил и женщин и проказы...	13
Где твои семнадцать лет...	13
На Тихорецкую состав отправится...	14
Сгорели мы по недоразумению...	14
Передо мной любой понтер, ну просто карлик...	15
Мы вместе грабили одну и ту же хату...	16
Нынче все срока закончены...	16

КАССЕТА III-2Владимир Высоцкий

Ох, где был я вчера...	17
Такова уж воровская доля...	17
А ну-ка, пей-ка, кому не лень...	18
Ты думаешь, что мне не по годам...	18
Всего лишь час дают на артобстрел...	19
На границе с Турцией или с Пакистаном...	19
Цыганка с картами...	20
Он капитан и родина его Марсель...	21
Стою я раз на стреме...	21
Я однажды и в очко, и в штос играл...	22
Я однажды гулял по столице...	22
Говорят, арестован добрый парень...	23
О нашей встрече, что там говорить...	23
Это был воскресный день...	24
У меня было сорок фамилий...	25
Потеряю истинную веру...	25
Парня спасем, парня - в детдом...	25
Сегодня в нашей комплексной бригаде...	26
Кучера из МУРа укатали Сивку...	26

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Рано утром проснешься...	27
Не делили мы тебя...	27
Я был душой дурного общества...	27
Что же ты зараза...	28
Ты уехала на короткий срок...	29
У тебя глаза, как нож...	29
Я в деле и со мною нож...	30
Город уши заткнул...	30
У нас вчера-позавчера...	31
Сегодня я с большой охотой...	31
Вот главный вход...	32
Корабли постоят и ложатся на курс...	33
Дела, меня замучали дела...	33
Гололед на земле, гололед...	33

КАССЕТА III-3Владимир Высоцкий

В ресторане по стенкам...	35
Жил я с матерью и батей...	35
Мне этот бой не забыть нипочем...	36
Я стою, стою спиной к строю...	36
Разбег, толчок - и стыдно подыматься...	37
Вот и разошлись пути-дороги вдруг...	38
Сколько чудес за туманами кроется...	38
Была пора: я рвался в первый ряд...	39
Я не люблю фатального исхода...	40
Сколько слухов наши уши поражает...	40
Был шторм, канаты рвали кожу с рук...	41
Жили-были на море...	42
Наш Федя с детства связан был с землею...	43
Десять тысяч - и всего один забег остался...	43
Если друг оказался вдруг...	44
Здесь вам не равнина...	44
Я спросил тебя, зачем идете в гору вы...	44
Дайте собакам мяса...	45
На стол колоду, господа...	45
Нас тянет на дно, как балласты...	46
Всего один мотив...	47
Возвращаюсь я с работы...	47
У вина достоинства, говорят, целебные...	48
Неправда, над нами не бездна, не мрак...	49
Сегодня не слышно биения сердец...	49

КАССЕТА III-4Владимир Высоцкий

Товарищ Сталин, вы большой ученый...	51
У меня гитара есть...	51
Позабыв про дела и тревоги...	52

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Камнем грусть висит на мне...	52
Капитана в тот день называли на "ты"...	52
Протопи ты мне баньку по-белому...	54

Алексей Хвостенко /совместно с А.Волохонским/

Нам архангелы пропели...	56
Сломали ребята копилку...	57
Льет дождем июнь...	57

Рлтий Ким

Мороз трещит, как пулемет...	58
Мы об Марксе твердим и об Ленине...	58
Ой, не плывите, хунвейбины...	59
Стукачи собрались...	59
Послушайте, да вы,наверно, слышали...	60
Пятьдесят лет назад...	61
Живем мы в нашем лагере...	62
До чего же плохо все у нас пока...	62
Люблю свою бандуру...	63
Все улицы как будто стали краше...	63
Четырнадцать лет падан попал в тюрьму...	64
Солнце светит, но не греет...	64

КАССЕТА III-5Борис Алмазов

Под громкое, троекратное, раскатистое ура...	66
Все резче графика у глаз...	66
Мне теперь все чаще снится...	66
Солнце, горячее солнце...	67
Мы ушли и в дорогах запутались...	67
Мой дед летал во сне...	68
По каким Италиям...	68
А ты говоришь, я не рад...	69
Вот и вспомнил я старые истины...	69
Где ж скрылись вы, серебряные кони...	70
Да что вперед загадывать...	70
Предок, кинжал не носил я ...	70
А у нас по Дону осенью...	71
За Охтою, за Охтою...	71
Из дальнего детства, как сон незабывтый...	72
Мечтающий о чуде...	72
Я выйду из товарного вагона...	73
Сквозь печали, боль, тоску...	73
И падал я в душные травы...	73
Ой, мамо, мамо...	74
На заржавленных рельсах...	74
В чулках полосатых...	75
Где ж ты, моя Настенька...	76
Давайте после драки...	76
Нынче осенью все как огнем затопило...	76

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Петух, сумасшедший горнист...	77
О польское счастье...	77
Как я мечтал о мужской руке...	78
Эту песню услышал впервые...	78
По улице нашей зеленой...	79
Когда затихала больница...	80
Ты ушла в Мазурские болота...	80
Ах вы, тоненькие мальчики...	80
Туман голубыми кудрями...	81
Окраина, заводами пропахшая...	81

КАССЕТА III-6Леонид Нахамкин

Плывут над миром облака...	82
Я рад, что жизнь пришла ко мне...	82
Время летит скворцом...	83
Первый гром обозами...	83
Слышите, стонет в мокром ковчете...	83
Отлет, только я не лечу...	84

Валентин Глазанов

А ну, как разыскать мне тебя...	85
Мокрый клен за окном...	85
Все дела, дела...	86
Давай сойдем на полустанке...	86
А мы ночуем в облаке...	86
Плывут над озером туманы...	87
По жухлой листве...	87
На фронт трамвай уходил...	88

Юрий Визбор

О, Москва, Москва святая...	89
Зимний вечер...	89
Солнце дрожит в воде...	90
Я смутно помню...	90
Ты уйдешь усталая...	90
Тихим вечером...	91
Ночами долго курят астрономы...	92
Взметнулась вверх рука...	92
Льжи у печки стоят...	93
Снова просеки костром горят...	93
Вставайте, граф...	94
На плато Расвумчор...	95
Пошел на взлет наш самолет...	95
Лето село в зарю...	96

КАССЕТА III-7Л.Фрайтер и Н.Комиссарова

Ходим с тобой по одним площадям...	97
------------------------------------	----

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Шурша мостовыми, шурша за порогом...	97
Средь всех любимой сльвшая...	98
Я вас любил, мои дожди...	98
Догорает старый вальс...	99
Рассыпаны звезд голубые горошины...	99
Там, за снежной пылью...	99
Стою, стою, роняя руки...	100
Прости меня...	100
Над Бабьим Яром...	101
Весенней ночью думай обо мне...	102
Ночь напролет...	102
Третий день пляшут метели...	102
Прости меня, дружок...	103
Ноченька...	103
Снова твое бесконечное "жди"...	104
Листья пожелтели...	104
Дождь стучит...	104
Когда стучится в окна ветер хмурый...	105
Сосны да ели вокруг...	105
Снова выросла у лета...	106
Который раз ко мне приходит облако...	106
Не осталось ни спиченки...	107
У льва есть хвост...	107
Пони девочек катает...	107
Распахнуты двери...	108
Было восемь, стало - семь...	108

КАССЕТА III-8Евгений Бачури

Бежит ручей...	110
Огюст, Орест и Оноре...	110
Сизый, лети, голубок...	110
Ах, что-то нынче...	111
Кто крепко держится в седле...	111
Куда, куда ты уносишь меня...	111
Ты-крупница, я - крупница...	112
Из придорожно-влажной тени...	112
Злодейство и варварство...	112
Ты, негаданный, нежданный...	113
Если падают листья...	113
Над миром - небо...	114
Откуда нам знать, почему...	114
За окном шуршат деревья...	115
Я куплю себе последние ботинки...	115
Олень, ветвистые рога...	116
Жила безвестная старушка...	116
Я спрошу у Господа...	117
Если б дали мне в золотой короне власть...	117
Снились сны: зеленые луга...	118
Осторожность превыше всего...	118

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

КАССЕТА III-9Александр Галич

Белая вошь.	120
Разговор с музой.	122
Непричастный к искусству...	122
По рисунку палешанина...	125
Мы не хуже Горация.	127
Все засранцы, все нахлебники...	128
Красный треугольник.	129
Неизвестный, увенчанный славой бранной...	130
Бессмертный Кузьмин.	132
Все не вовремя.	134
Баллада о том, как надо пить на троих.	135

КАССЕТА III-10Александр Галич

О принципиальности	137
Спрашивает мальчик, - Почему?..	137
Говорят, что где-то есть острова...	138
Мы поехали за город...	138
Баллада о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина №273 Копылов Н.А.	139
Как мне странно, что ты - жена...	141
Баллада о прибавочной стоимости	142

Элий Ким

Песня гренадеров	145
Песни о Камчатке: Капитан Беринг	145
Тук-тук-тук, мотор стучит...	146

Александр Галич

Плохо спится палачам по ночам...	148
Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969	149
Композиция № 27	150
Ой, не шейте вы, евреи, ливреи...	151
По-осеннему деревья належке.	151
В новогодний бедлам...	152
101 Псалом	154
Цыганская песня	154
Вот он скачет, витязь удалой...	156
А врач сказал... /Смерть Ивана Ильича/	156
У лошади была грудная жаба...	156

Владимир Высоцкий

Мяч затаился в стриженной траве,
Секунда паузы на поле и в эфире. /Припев/
Они играют по системе "дубль в",
А нам плевать, у нас - "четыре-два-четыре".

Ох, инсайд, для него, что футбол, что балет,
И всегда он играет по правому краю.
Справедливости в мире и на поле нет,
Посему я всегда только слева играю.

Припев

Вот инсайд гол забил, получив точный пас.
Я хочу, чтоб он встретился мне на дороге,
Но не могу - меня тренер поставил в запас,
А ему сходят с рук перебитые ноги.

Ничего, я немножечко повременю,
И пускай не дают от команды квартиру,
Догоню, я сегодня его догоню.
Пусть меня не заявят на первенство миру.

Припев

Ничего, после матча его подожду,
И тогда побеседуем с ним без судьи мы.
Пропаду, чует сердце мое попаду
Со скамьи запасных на скамью подсудимых.

Припев.

- - -

Возле города Пекина ходят-бродят хунвейбины
И старинные картины ищут-рыщут хунвейбины,
И не то что хунвейбины любят статуи, картины,
А вместо статуй будут урны революции культурной.

И ведь главное - знаю отлично я, как они произносятся,
Но что-то весьма неприличное на язык ко мне просится: /Припев/
Хун-вей-бины.

Вот придумал им забаву ихний вождь товарищ Мао -
Не ходите дети в школу, приходите бить крамолу.
И не то, чтоб эти детки были вовсе малолетки,
А изрубили эти детки очень многих на котлетки.

Припев

Вот немного посидели, а теперь похулиганим.
Что-то тью в самом деле, - думал Мао с Ляо-Бянем.
Чем еще уконтропупишь мировую атмосферу?
Вот мы покажем крупный кукиш США и СССРу.

Припев.

Очи черные, очи страстные,
 Очи жгучие и прекрасные,
 Как люблю я вас, как боюсь я вас,
 Знать, увидел вас я не в добрый час.

Как увижу вас, очи черные,
 Мне мерещатся ночи темные,
 Очи черные, очи страстные,
 Очи жгучие и прекрасные.

По обычаю да по русскому,
 По обычаю петербургскому
 Не могу я жить без шампанского
 Да без табора, да без цыганского.

Повторяется первая строфа/

Поцелуй меня, ты мне нравишься,
 Поцелуй меня - не отравись,
 Поцелуй меня, потом я тебя,
 Потом вместе мы поцелуемся

/Повторяется первая строфа/

- - -

Утро туманное, утро седое,
 Нивы печальные, снегом покрытые.
 Нехотя вспомнишь и время былое,
 Вспомнишь и лица давно позабытые. /2 раза/

Вспомнишь обидные, страстные речи,
 Взгляды, так жадно, так нежно ловимые,
 Первые встречи, последние встречи,
 Тихого голоса звуки любимые. /2 раза/

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
 Многое вспомнишь родное, далекое,
 Слушая рокот колес непрерывный,
 Глядя задумчиво в небо широкое. /2 раза/

Обидно, эх досадно, до слез и до мучения,
 Что в жизни так странно мы встретились с тобой. /2 раза/

Развязка, как сказка, завязка - страданье,
 Но пропасть разрыва легла между нами,
 Но пропасть разрыва легла между нами -
 Мы только знакомы, как странно, как странно.

Обидно, эх досадно, до слез и до мученья,
 Что в жизни так поздно мы встретились с тобой. /2 раза/

- - -

Было так: я любил и страдал,
 Было так: я о ней лишь мечтал.
 Я ее видел тайно во сне
 Амазонкой на белом коне.

Что мне была вся мудрость скучных книг,

Когда к ее коленям мог припасть я,
 Что с вами было, королева грез моих,
 Что с вами стало, мое призрачное счастье?

Понял я, больше песен не петь,
 Понял я, больше снов не смотреть.
 Дни тянулись к ней нитями лжи,
 С ними были одни миражи.

Я жгу остатки праздничных одежд,
 Я струны рву, освобождаясь от дурмана.
 Мне не служить рабом у призрачных надежд,
 Не поклоняться больше идолам обмана.

/2 раза/

- - -

Полчаса до атаки, скоро снова под танки,
 Скоро слушать разрывов концерт.
 А бойцу молодому передали из дому
 Небольшой голубой треугольный конверт.

И как будто не здесь ты, если почерк невесты,
 Или пишет отец твой и мать.
 Но случилось другое, видно зря перед боем
 Поспешили солдату письмо передать.

Там стояло сначала "Извини, что молчала,
 Ждать не буду." И все, весь листок.
 Только снизу приписка "Уезжаю не близко.
 Ты спокойно вой и прости, если что".

Вместе с первым разрывов парень крикнул тоскливо:
 -Почтальон, что ты мне притащил?
 За минуту до смерти в треугольном конверте
 Пулевое ранение я получил.

Он шагнул из траншеи с автоматом на шее,
 Он разрывов беречься не стал.
 И в бою под Сурой он обнялся с землею,
 Только ветер обрывки письма разметал.

/2 раза/

- - -

Без запретов и следов, об асфальт сжигая шины,
 Из кошмара городов рвутся за город машины:
 И громоздкие, как танки, форды, линкольны, селены,
 Элегантные мустанги, мерседесы, ситроены.

Будто знают, игра стоит свеч,
 Это будет, как кровная месть городам.
 Поскорей, только б свечи не сжечь,
 Карбюратор, и что у них есть еще там.

И не видно полотна - лимузины, лимузины.
 Среди них как два пятна две красивые машины,

Словно связанные тросом - а где тонко там и рвется -
Акселераторам, подсосам больше дела не найдется.

Будто знают, игра стоит свеч,
Только б вырваться, выплатив все по счетам.
Ну а может он скажет ей речь
На клаксоне, иль что у них есть еще там.

Это скопище машин на тебя таит обиду,
Светло-серый лимузин, не теряй ее из виду.
Впереди, гляди, разъезд, больше риска, больше веры,
Опоздаешь! Так и есть, ты промедлил, светло-серый.

Они знали, игра стоит свеч,
А теперь что ж сигналить рекламным щитам.
Ну а может, гора ему с плеч,
Иль с капота, иль что у них есть еще там.

Нет, развилка как беда: стрелки врозь - и вот не здесь ты.
Неужели никогда не съезжаются разъезды?
Это сходится один... и врубив седьмую скорость,
Светло-серый лимузин позабыл нажать на тормоз.

Что ж съезжаться - пустые мечты,
Или это есть кровная месть городам?
Покатились колеса, мосты
И сердца, или что у них есть еще там.

- - -

Мне в ресторане вечером вчера
Сказали с юморком и этикетом,
Что, говорят, киснет водка, выдохлась икра,
И что у них там за столом ученый по ракетам.

И многих помня с водкой пополам,
Не разобрав, что плещется в бокале,
Я улыбаясь подходил к столам
И отзывался, если окликали.

Вот он, надменный, словно Ришелье,
Как благородный папа в старом скетче.
Но это был директор ателье,
И не был засекреченный ракетчик.

Со мной гитара, струны к ней в запас,
И я гордился тем, что тоже в моде.
К науке тяга сильная сейчас,
Но и к гитаре тяга есть в народе.

Я ахнул залпом и разбил бокал,
Мгновенно мне гитару дали в руки,
Я три своих аккорда перебрал,
Запел и запил от любви к науке.

Я пел и думал, вот икра стоит,
А говорят, кеты не стало в реках,
А мой ракетчик где-нибудь сидит
И мыслит в миллионах и в парсеках.

И обнимая женщину в колье,
И сделав вид, что хочет в песню вжиться,
Задумался директор ателье,
О том, что завтра скажет сослуживцам.

Он предложил мне позже на дому,
Успев включить магнитофон в портфеле:
-Давай дружить домами.- Я ему
Сказал:- Давай. Мой дом - твой дом моделей.

И я нарочно разорвал струну
И утаил, что есть запас в кармане.
Сказал:-Привет! Зайти не премину
В другой раз, если будет марсианин.

Я шел домой под утро, как старик,
Мне под ноги катились дети с горки,
И аккуратный первый ученик
Шел в школу получать свои пятерки.

Ну что ж, мне по делам и поделом.
Не мы - лишь первые пятерки получают.
Не надо подходить к чужим столам
И отзываться, если окликают.

- - -

Едешь ли в поезде, в автомобиле,
Или гуляешь, хлебнувши винца,
При современном машинном обильи
Трудно по жизни пройти до конца.

Вот вам авария в Замоскворецьи:
Трое везли хоронить одного.
Все и шофер получили увечья,
Только который в гробу ничего.

Бабы по найму рыдали сквозь зубы,
Дьякон, и тот верхней ноты не брал.
Громко фальшивили медные трубы,
Только который в гробу не соврал.

Бывший начальник и тайный разбойник
В лоб лобызал и брезгливо плевал,
Все приложились, и только покойник
Так никого и не поцеловал.

Но грянул гром , ничего не попишешь-
Силам природы на смерти плевать.
Все разбежались под плиты и крыши,
Только покойник не стал убежать.
А что ему дождь, от него не убудет.
Вот у живущих закалка не та.
Ну а покойники, бывшие люди,-
Смелые люди и нам не чета.

Как ни спешу, тебя опережает
Клейкий ярлык, как отметка на лбу,

Ах, ничего тебе не угрожает,
Только когда ты в дубовом гробу.

Можно в отдельной, а можно и в общей -
Мертвух квартирный вопрос не берет.
Ох, молодец, этот самый усопший,
Вовсе не требует лишних хлопот.

В царстве теней, в этом обществе строгом
Нет ни опасностей, нет ни тревог.
Ну а у нас - все мы ходим под Богом,
Только которым в гробу, ничего.

Слышу кругом - он покойников хвалит.
Да нет, я в обиде на нашу судьбу -
Ведь всех нас когда-нибудь кто-то задавит,
За исключением тех, кто в гробу.

- - -

Я самый непьющий из всех мужиков,
Во мне есть моральная сила.
И наша семья большинством голосов,
Снабдив меня списком на восемь листов,
В столицу меня снарядила.

Чтобы я привез снохе с ейным мужем по дохе,
Чтобы брату с бабой кофе растворимый,
Двум невесткам по ковру, зятю черную икру,
Тестю что-нибудь армянского разлива.

Я ранен, контужен, я малость боюсь
Забыть что кому по порядку.
Я список вещей заучил наизусть,
А деньги зашил за подкладку.

Значит, брату две дохи, сестрин муж, ему духи,
Тесть сказал, давай бери, что попадется,
Двум невесткам по ковру, зятю беличью икру,
А сестре плевать чего, пущай зальется.

Я тыкался в спины, блуждал по ногам,
Шел грудью к плащам и рубашкам,
Чтоб список вещей не достался врагам,
Его проглотил я без страха.

Но помню, шубу просит брат, куму с бабой все подряд,
Тестю водки ереванского разлива,
Двум невесткам по ковру, зятю заячью нору,
А сестре плевать чего, но чтоб красиво.

Да что ж мне пустым возвращаться назад?
Но вот я набрел на товары.
-Какая валюта у вас? - говорят.
-Небось,- говорю,- не доллары.

Растворимой мне махры, зять подойдет без икры,
Тестю, мол, даешь духи для опохмелки,

Двум невесткам все равно, мужу сестрину вино,
Ну а мне вот эти желтые тарелки.

Не помню про фунты, про стерлинги слов,
Сраженный ужасной догадкой.
Зачем я тогда проливал свою кровь,
Зачем ел тот список на восемь листов,
Зачем мне рубли за подкладкой?

Но все же надо взять доху, зятю кофе на меху,
Тестю хрен, а кум и пивом обойдется,
Также взять коньяк в пуху, растворимую сноху,
Ну а брат и в серебре не перебьется.

- - -

Целуя знамя-пропыленный шелк и выплонув в отчаяньи протезы,
Фельдмаршал звал:- Вперед, мой славный полк! Презрейте смерть, мои
головорезы!

И смятыми знаменами горды, воспалены талантливою речью,
Расталкивая спины и зады, одни стремились в первые ряды,
И первыми ложились под картечью.

Хитрец и тот, который не был смел,
Не пожелав платить такую цену,
Полз в задний ряд, но там не уцелел, - его свои же брали на прицел
И в спину убивали за измену.

Сегодня каждый третий без сапог, но после битвы заживут, как Крезы.
Прекрасный полк, надежный, верный полк, отборные в полку головорезы.

А третье средь битвы и беды
Старались сохранить и грудь и спину,
Не выходя ни в первые ряды, ни в задние, но как из-за еды,
Дрались за золотую середину.

Они напишут толстые труды,
И будут гибнуть в рамках на картине,-
Те, кто не вышли в первые ряды, но не были и сзади, и горды,
Что честно прозябали в середине.

Уже трубач без почестей умолк, не слышно меди, тише звон железа.
Прекрасный полк, надежный, верный полк, отборные в полку головорезы.

Но нет, им честь знамен не запятнать,
Дышал фельдмаршал весело и ровно.
Чтоб их в глазах потомков оправдать, он молвил:- Кто-то должен умирать,
А кто-то должен выжить безусловно.

Пусть нет звезды тусклее, чем у них,
Уверенно дотянут до кончины,
Скрываясь за отчаянных и злых, последний ряд оставив для других, -
Умеренные люди середины.

В грязь втоптаны знамена - славный шелк, фельдмаршальские жезлы и протезы.
Ах, славный полк. Да был ли славный полк, в котором сплошь одни
головорезы?

- - -

В Пекине очень мрачная погода,
У нас в Тамбове на заводе перекур.
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантур.

Тем, что вы договор не подписали,
Вы причинили всем народам боль,
И извращая факты, доказали,
Что вам дороже генерал Де Голль.

Нам каждый день насущный мил и дорог,
Но если даже вспомнить старину,
То это вы изобретали порох
И строили китайскую стену. /2 раза/

Мы понимаем, вас совсем не мало,
Чтоб триста миллионов погубить.
Но мы уверены, что сам товарищ Мао
Ей Богу, очень, очень хочет жить. /2 раза/

Когда вы рис водою запивали,
Мы проявляли интернационализм.
Небось, когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм.

Бойтесь вы, что реваншисты в Бонне,
Что Вашингтон грозитя перегнуть...
Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем "кузькину им мать".

Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды,
Не раздувайте вы войны пожар,
Мы нанесем им, если будет надо,
Ответный термоядерный удар. /2 раза/

И не интересуйтесь нашим бытом,
Мы сами знаем, где у нас чего,
Как наш ЦК сказал в письме открытом,
Мы одобряем линию его.

А если зуд, без дела не страдайте,
У вас еще достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев. /2 раза/

- - -

В этом доме большом раньше пьянка была
Много дней, много дней.
Ведь в Каретном ряду первый дом от угла
Для друзей, для друзей.

За пьянками, гулянками, за банками, полбанками,
За спорами, за ссорами, раздорами /Припев
Ты стой на том, что этот дом, пусть ночью, днем, - всегда твой дом,
И здесь не смотрят на тебя с укорами.

И пускай иногда недовольна жена,
 Но Бог с ней, но Бог с ней.
 Ведь есть у нас что-то больше, чем рюмка вина -
 У друзей, у друзей.

Припев.

- - -

Хоть бы облачко, хоть бы тучка
 В этот год на моем горизонте,
 Но однажды я встретил попутчика,
 Расскажу про него, знакомьтесь.

Он сказал: - Вам куда? До Вологды?
 Ну до Вологды, это - полбеды.

Чемодан мой от водки ломится,
 Предложил я, как полагается:
 -Может выпить нам, познакомиться,
 Поглядим, кто быстрее сломается.

Он сказал:- Вылезать нам в Вологде,
 Ну а Вологда, это вона где.

Я не помню, на чем сломался,
 Помню, он подливал, поддакивал.
 Мой язык как шнурок развязался,
 Я кого-то ругал, оплакивал.

И проснулся я в городе Вологде,
 Но убей меня - не припомню где.

А потом мне пришили дельце
 По статье уголовного кодекса.
 Успокоили - все перемелется,
 Дали срок, не дали опомниться.

Пятьдесят восьмую дают статью,
 Ничего, - говорят, - вы так молоды.
 Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью,
 Он бы хрен доехал до Вологды.

Он живет себе в городе Вологде,
 А я на Севере, а Север вона где.

- - -

Твердил он нам - Моя она!-
 -Да ты смеешься, друг, да ты смеешься.
 Уйди пацан, ты очень пьян,
 А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься.

А он кричал:- Теперь мне все одно,
 Садись в такси, поехали кататься,
 Пусть счетчик шелкает, пусть все равно
 В конце пути придется расчитаться.

/2 раза/

Не жалко мне таких парней.
 -Ты от греха уйди, - твержу я снова.
 А он ко мне, и все о ней.
 -А ну ни слова, гад, гляди, ни слова.

Ударил в виски мне кровь с вином,
 И также продолжая улыбаться,
 Ему сказал я тихо:- Все равно
 В конце пути придется рассчитаться. /2 раза/

К слезам я глух и к просьбам глух,
 В охоту драка мне, ох как в охоту.
 И хочешь, друг, не хочешь, друг,
 Плати по счету, друг, плати по счету.

А жизнь мелькает, как в немом кино,
 Мне хорошо, мне хочется смеяться.
 А счетчик щелкает и щелкает, и все равно
 В конце пути придется рассчитаться. /2 раза/

- - -

Зачем мне считаться шпаной и бандитом?
 Не лучше ль пробраться мне в антисемиты?
 На их стороне, хоть и нету законов,
 Поддержка и энтузиазм миллионов. /2 раза/

Решил я, и значит, кому-то быть битым,
 Но надо ж узнать, кто такие семиты.
 А вдруг это очень приличные люди,
 А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет. /2 раза/

Но друг и учитель, алкаш в бакалее,
 Сказал, что семиты - простые евреи.
 Да это ж такое везение, братцы,
 Теперь я спокоен, чего мне бояться. /2 раза/

Я долго крепился и благоговейно
 Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
 Народ мне простит, но спрошу я невольно,
 Куда отнести мне Абрама Линкольна. /2 раза/

Средь них пострадавший от Сталина Каплер,
 Средь них уважаемый мной Чарли Чаплин,
 Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
 И даже основоположник марксизма. /2 раза/

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
 Что пьют они кровь христианских младенцев,
 И как-то в пивной мне ребята сказали,
 Что очень давно они Бога распяли.

Им музыку надо, они по запарке
 Замучили, гады, слона в зоопарке,
 Украли, я знаю, они у народа,
 Весь хлеб урожая минувшего года.

По Курской, Казанской железной дороге
 Построили дачи, живут там как боги.

На все я готов - на разбой и насилие,
И бью я жидов, и спасаю Россию.

- - -

Вот раньше жизнь: и вверх и вниз идешь без конвоира,
Покуришь план, пойдешь на бан и шиплешь пассажиров.
А на разбой берешь с собой надежную шалаву,
Потом за грудь кого-нибудь и делаешь варшаву.

Пока следят, пока грозят, мы это переносим.
Наелся всласть. Но вот взялась Петровка 38.
Прошел детдом, тюрьму, приют, и срока не боялся,
Когда ж везли в народный суд, немного волновался.

Зачем нам врут - "народный суд" - народу я не видел.
Судье простор, и прокурор тотчас меня обидел.
Ответил на вопросы я, но приговор с издевкой,
И не согласен вовсе я с такой формулировкой.

Не отрицаю я вины - не в первый раз садился,
Но написали, что с людьми я грубо обходился.
Неправда, тихо подойдешь, попросишь сторублевку...
Причем тут нож, причем грабеж? Меняя формулировку!

Эх, был бы зал, я б речь сказал: - Товарищи, родные!
Зачем пенять, ведь вы меня кормили и поили.
Мне каждый деньги отдавал без слез, угроз и крови.
Огромное спасибо вам за все на добром слове.

И этот зал мне б хлопать стал, и я б, прервав рыданья,
Им тихим голосом сказал: - Спасибо за вниманье.
Ну правда ведь, - неправда ведь, что я грабитель ловкий.
Как людям мне в глаза смотреть с такой формулировкой?

- - -

Нам вчера прислали из рук вон плохую весть,
Нам вчера сказали, что Алеха вышел весь.
Как же так, он Наде говорил, что пофартит,
Что сыграет свадьбу, на неделю загудит.

Но не видать девахе этот свадебный кутеж,
Потому что в драке налетел на чей-то нож,
Потому что плохо, хоть не в первый раз уже
Получал Алеха дырки новые в душе.

Для кого ж он душу, как рубаху, залатал -
Чтоб его убила в пьяной драке сволота?
Если б все в порядке - мы б на свадьбу нынче шли.
Но с ножом в лопатке мусора его нашли.

Что ж, поубивается девчонка, поревет.
Что ж, посомневается и слезы оботрет,
А потом без вздоха ототрет любому дверь. /Повторяется после следующей
Ничего, Алеха, все равно тебе теперь. строфы/.

Мы его схороним очень скромно - что рыдать?
 Некому о нем и похоронную послать.
 Потому - никто не знает, где у Лехи дом.
 Вот такая смерть шальная всех нас ждет потом.

.

- - - - -

Нам ни к чему сюжеты и интриги,
 Про все мы знаем, что ты нам не дашь.
 Я, например, на свете лучшей книгой
 Считаю кодекс уголовный наш.

И если мне неймется и не спится,
 Или с похмелья нет на мне лица,
 Открою кодекс на любой странице,
 И не могу - читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
 Но знаю я, разбой у них в чести.
 Вот только что я прочитал про это:
 "Не ниже трех, не выше десяти".

Вы вдумайтесь в простые эти строки,
 Что нам романы всех времен и стран?
 В них все бараки, длинные, как сроки,
 Скандалы, драки, карты и обман.

Сто лет бы мне не видеть этих строчек,
 За каждой вижу чью-нибудь судьбу.
 И радуюсь, когда статья не очень -
 Ведь все же повезет кому-нибудь.

И сердце бьется раненою птицей,
 Когда начну свою статью читать,
 И кровь в висках так ломится, стучится,
 Как мусора, когда приходят брать.

/2 раза/

- - -

В наш тесный круг не каждый попадал,
 И я однажды - проклятая дата -
 Его привел с собою и сказал:
 -Со мною он, нальем ему, ребята.

/2 раза/

Он пил, как все, и был как будто рад.
 А мы, его мы встретили, как брата.
 А он наавтра продал всех подряд.
 Ошибся я, простите мне, ребята.

/2 раза/

Суда не помню, было мне невмочь.
 Потом барак, холодный, как могила.
 Казалось мне, кругом сплошная ночь,
 Тем более, что так оно и было.

/2 раза/

Я сохранил хотя б остаток сил.
 Он думает, отсюда нет возврата.

Он слишком рано нас похоронил,
Ошибся он, поверьте мне, ребята.

/2 раза/

И день наступит, ночь не на года.
Я попрошу, когда придет расплата:
-Ведь это я привел его тогда,
И вы его отдайте мне, ребята.

/2 раза/

- - -

Я любил и женщин и проказы,
Что ни день, то новая была.
И ходили устные рассказы
По району про мои любовные дела.

И однажды как-то на дороге
Рядом с морем - с этим не шути -
Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.

А у ней широкая натура,
А у ней открытая душа,
А у ней отличная фигура,
А у меня в кармане ни гроша.

Потому что ей в подарок кольца,
Кабаки, духи из первых рук.
А взамен - немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.

-Я тебе, - она сказала, - Вася,
Дорогое самое отдам.
А я сказал, - За сто рублей согласен,
Ну а больше, с другом пополам.

Женщины, как очень злые кони -
На дыбы, закусят удила.
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась, ушла.

А через месяц улеглись волнения,
Через месяц вновь пришла она.
У меня такое ощущение,
Что ее устроила цена.

/2 раза/

- - -

Где твои 17 лет? - На Большом Каретном.
А где начало твоих бед? - На Большом Каретном.
А где твой черный пистолет? - На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет? - На Большом Каретном.

/Припев/

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы

Припев

Переименован он теперь,
 Стало все по новой там, верь не верь.
 И все же где б ты не был, где ты не бредешь,
 Нет-нет, да по Каретному пройдешь.
 Еще бы

Припев.

- - -

На Тихорецкую состав отправится,
 Вагончик тронется, перрон останется.
 Стена кирпичная, часы вокзальные,
 Платочки белые, платочки белые, платочки белые,
 Платочки белые, глаза печальные.

Ты у окошечка стоишь негрустная,
 И только корочка в руке арбузная.
 Ну что с девчонкою такую станется...
 Вагончик тронется, вагончик тронется, вагончик тронется,
 Вагончик тронется, перрон останется.

Начнет выпытывать купе курящее
 Про мое прошлое и настоящее.
 Навру с три короба, пусть удивляются.
 Кто провожал меня, кто провожал меня, кто провожал меня,
 Кто провожал меня, их не касается.

Откроет душу мне матрос в тельняшечке -
 Как одиноко жить ему, бедняжке.
 Сойдет на станции и не оглянется.
 Вагончик тронется, вагончик тронется, вагончик тронется,
 Вагончик тронется, а он останется.

- - -

Сгорели мы по недоразумению:
 Он за растрату сел, а я за Ксению,
 У нас любовь была, но мы расстались.
 Она кричала, сопротивлялась.

На нас двоих нагрянула ЧК, и вот теперь мы оба с ним ЗК,
 ЗК Васильев и Петров ЗК.

А в лагерях не жизнь, а темень тьмущая:
 Кругом майданчики, кругом домушники,
 Кругом ужасное к нам отношение
 И очень странные поползновения.

Ну а начальству наплевать за что и как, мы для начальства те же самые ЗК-
 ЗК Васильев и Петров ЗК.

И вот решили - бежать нам хочется,
 Не то все это очень плохо кончится -
 Нас каждый день мордуют уголовники
 И главный врач зовет к себе в любовники.

И вот в бега решили мы, ну а пока мы оставались теми же ЗК -
ЗК Васильев и Петров ЗК.

Четыре года мы побег готовили,
Харчей три тонны мы наэкономили,
И нам с собою даже дал половничек
Один ужасно милый уголовничек.

И вот ушли мы с ним, в руке рука, рукоплескали нашей дерзости ЗК -
ЗК Петрову, Васильеву ЗК.

И вот по тундре мы, как сиротиночки,
Не по дороге все, а по тропиночке.
Куда мы шли - в Москву или в Монголию -
Он знать не знал, паскуда, я - тем более.

Я доказал ему, что Запад, где закат. Но было поздно - нас зацапало ЧК -
ЗК Петрова, Васильева ЗК.

Потом приказ про нашего полковника,
Что он поймал двух крупных уголовников.
Ему за нас и деньги и два ордена,
А он от радости все бил по морде нам.

А после этого прибавили срока, и вот теперь мы те же самые ЗК -
ЗК Васильев и Петров ЗК.

- - -

Передо мной любой понтер ну просто карлик,
Я их держу за просто мелких фраеров.
Возьмите мне один билет до Монте-Карло,
Я потревожу ихних шулеров.

Не соблазнят меня и ихние красотки,
А на рулетку, ну только б мне взглянуть -
Их банккометы мне вырежут подметки,
А я - на поезд и в обратный путь.

Я привезу с собою массу впечатлений,
Попью коктейли и покушаю шампань.
Я привезу с собою кучу ихних денег,
И всю валюту сдам в советский банк.

Играть я буду и на красных и на черных,
Я в Монте-Карло обложу все углы.
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зеленые столы.

/2 раза/

Я говорю про все про это без ухарства,
Шутить мне некогда - расстрел мне на носу.
Но пользу нашему родному государству
Наверняка я этим принесу.

/2 раза/

- - -

Мы вместе грабили одну и ту же хату,
 Проникли вместе в одну и ту же дверь,
 И мы с ним встретились, как два молочных брата, / 2 раза/
 Друг друга не выдавшие вообще.

Нас вместе переслали в порт Находку,
 Меня отпустят завтра, отпустят завтра их,
 Мы с ними встретились, как три рубля на водку, /2 раза/
 И разошлись, как водка на трюих.

Как хорошо устроен белый свет,
 Меня вчера отметили в приказе -
 Освободили раньше на пять лет, на пять лет,
 И подпись: Ворошилов, Георгадзе.

За хлеб и воду и за свободу спасибо нашему советскому народу.
 За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе спасибо нашей городской прокуратуре.

Да это ж математика богов -
 Меня лет на двенадцать осудили,
 У жизни отобрали семь годов,
 И пять теперь обратно возвратили.

За хлеб и воду и за свободу спасибо нашему советскому народу.
 За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе спасибо нашей городской прокуратуре.

- - -

Нынче все срока` закончены,
 А у лагерных ворот,
 Что крест на крест заколочены, /2 раза/
 Надпись "Все ушли на фронт".

За грехи за наши нас простят,
 Ведь у нас такой народ -
 Если родина в опасности, /2 раза/
 Значит, всем идти на фронт.

Там год за три, если Бог хранит,
 Как и в лагере зачет.
 Нынче мы на равных с ВОХРаи, /2 раза/
 Нынче все ушли на фронт.

У начальника Березкина
 Ох и гонор, ох и понт,
 И душа крест накрест досками,
 Но и он пошел на фронт.
 Лучше было б сразу в тыл его.
 Только с нами был он смел.
 Высшей мерой наградил его
 Трибунал за самострел.

Ну а мы, все оправдали мы,
 Наградили нас потом,
 Кто живые, тех медалями,
 А кто мертвые, крестом.
 И другие заключенные
 Пусть читают у ворот
 Нашу память застекленную - /2 раза/
 Надпись "Все ушли на фронт".

- - -

КАССЕТА III-2Владимир Высоцкий

- - -

Ох, где был я вчера, не найду, хоть убей,
Только помню, что стены с обоями.
Помню, Клавка была и подруга при ней,
Целовался на кухне с обоими.

А на утро я встал - мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал, всех хотел застрашать,
Что я гольм скакал, что я песни орал,
А отец, говорил, у меня генерал.

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продыхнуть
Донимал их блатными аккордами.

А потом кончил пить, потому что устал,
Начал об пол крушить благородный хрусталь,
Лил на стены вино, а кофейный сервиз,
Растворивши окно, просто выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слово сказать,
Но потом потихоньку оправились,
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
А потом уже все позабавились.

Кто плевал мне в лицо, а кто водку лил в рот,
А какой-то танцор бил ногами в живот...
Молодая вдова, верность мужу храня,-
Ведь живем снова - пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную.-
Развяжите!- кричал,- Да и дело с концом.-
Развязали, но вилки попрятали.

Тут вообще началось - не опишешь в словах,
И откуда взялось столько силы в руках?
Я как раненый зверь, напоследок чудил:
Выбил окна и дверь и балкон уронил.

Ох, где был я вчера, не найду днем с огнем,
Только помню, что стены с обоями...
И осталось лицо, и побои на нем,
И куда теперь выйти с побоями.

Если правда оно, ну хотя бы на треть,-
Остается одно: только лечь, помереть.
Хорошо, что вдова все смогла пережить,
Пожалела меня и взяла к себе жить.

- - -

Такова уж воровская доля,
В нашей жизни часто так бывает-
Мы навеки расстаемся с волей,
Но наш брат нигде не унывает. /2 раза/

Может, жизнь погибель мне готовит:
Солнца луч блеснет на небе редко.
Дорогая, ведь ворон не ловят,
Только соловьи, сидим по клеткам. /2 раза/

- - -

А ну-ка, пей-ка, кому не лень,
Вам жизнь - копейка, а мне - мишень.
Который в фетрах, давай на спор -
Я на сто метров, а ты - в упор.

Не та раскладка, но я не трус.
Итак, десятка - бубновый туз.
Ведь ты же на спор стрелял в упор,
Но я ведь снайпер, а ты - тапер.

Куда вам деться, мой выстрел - хлопок:
Девятка в сердце, десятка - в лоб...
И черной точкой на белый лист
Легла та ночка на мою жизнь.

- - -

Ты думаешь, что мне не по годам?
Я очень редко раскрываю душу.
Я расскажу тебе про Магадан.
Слушай!

Я видел Нагайскую бухту да тракты,
Улетел я туда не с бухты-барахты.

Однажды я уехал в Магадан,
Не от себя бежал, не от чахотки.
Я вскоре там напился в драбадан
Водки!

Кто не видел Нагайской бухты, дурак тот.
Улетел я туда не с бухты-барахты.

За мной летели слухи по следам,
Опережая самолет и вьюгу.
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!

Я видел Нагайскую бухту да тракты.
Улетел я туда не с бухты-барахты.

Я повода врагам своим не дал -
Не взрезал вены, не порвал аорту.
Я взял, да как уехал в Магадан,
К черту!

Кто не видел Нагайской бухты, дурак тот.
Улетел я туда не с бухты-барахты.

Я, правда, здесь оставил много дам,
Писали мне: все ваши дамы биты.

Ну что ж, а я уехал в Магадан.
Квиты!

И я видел Нагайскую бухту да тракты.
Улетел я туда не с бухты-барахты.

Теперь подходит дело к холодам.
И если так случится, пусть досадно,-
Я снова враз уеду в Магадан.
Ладно!

Я увижу Нагайскую бухту да тракты.
Улечу я туда не с бухты-барахты.

- - -

Всего лишь час дают на артобстрел,
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому до ордена, ну, а кому до вышки. / 2 раза /

За этот час не пишем ни строки.
Молись богам войны - артиллеристам.
Ведь мы ж не просто так, мы - штрафники,
Нам не писать: считайте коммунистом. / 2 раза /

Перед атакой водку? - Вот мура.
Свое отпили мы еще в гражданку.
Поэтому мы не кричим: Ура!
Со смертью мы играемся в молчанку. / 2 раза /

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу.
И если не поймает в грудь свинец,
Медаль на грудь поймает за отвагу. / 2 раза /

Ты бей штыком, а лучше бей рукой -
Оно надежней, да оно и тише.
И ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше. / 2 раза /

Считает враг, морально мы слабы.
За ним и лес, и города сожжены...
Вы лучше лес рубите на гробы -
В прорыв идут штрафные батальоны. / 2 раза /

Вот шесть ноль ноль
И вот сейчас обстрел.
Ну, бог войны, давай без передышки.
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому до ордена, ну, а кому до вышки. / 2 раза /

- - -

На границе с Турцией или с Пакистаном
Полоса нейтральная - справа где кусты -
Наши пограничники с нашим капитаном,
А на левой стороне ихние посты.

А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты.

Капитанова невеста жить решила вместе,
Прикатила, говорит: милый, то да се.
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте.
Что за свадьба без цветов - пьянка да и все.

А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты.

А к ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила - налетела блажь -
И тоже: Милый,- говорит /только по турецки/,-
Свадьба будет,- говорит,- свадьба.И шабаш.

А на нейтральной полосе...

.....

Наши пограничники храбрые ребята -
Трое вызвались идти, а с ними капитан.
Да разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в ту же ночь вдарить по цветам?

Ведь на нейтральной полосе....

.....

Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Но и ихний капитан тоже в доску пьян.
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И по-русски крикнув "Мать!", рухнул капитан.

А на нейтральной полосе.....

.....

Спит капитан и ему снится,
Что открыли границу, как ворота в Кремле.
Ему и на фиг не нужна была чужая граница,
О пройтись хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя - ведь земля-то ничья,
Ведь она нейтральная.

А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты.

- - -

Цыганка с картами, дорога дальняя,
Дорога дальняя, казенный дом...
Быть может, старая тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждет.

Таганка, те ночи полные огня.
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант.
Погибли юность и талант
В твоих стенах.

/Этот припев повторя-
ется после куплетов./

Я знаю милая: больше не встретимся,
Дороги разные нам суждены.
Опять по пятницам пойдут свидания,
И слезы падают моей родни.

Припев.

- - -

Он - капитан, и родина его Марсель.
Он обожаем споры, шум и драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль,
И любит девушку из Нагасаки.

У ней следы проказы на руках,
У ней татуированные знаки,
И вечерами джигу в кабаках
Танцует девушка из Нагасаки.

У ней такая маленькая грудь
И губы, губы алые, как маки...
Уходит капитан в далекий путь
И любит девушку из Нагасаки.

Кораллы алые как кровь,
И шелковую блузку цвета хаки,
И пылкую и страстную любовь
Везет он девушке из Нагасаки.

Вернулся капитан издалека,
И он узнал, что джентльмен во фраке
Однажды, накурившись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки.

У ней такая маленькая грудь... /повторяется строфа/

- - -

Стою я раз на стреме, держусь за карман,
И вдруг ко мне подходит незнакомый мне гражданин.
Он говорит мне тихо: Куда бы нам пойти,
Где можно было б лихо нам время провести.

Он предложил мне денег и жемчугу стакан,
Чтоб я бы ему передал советского завода план.
А он говорит, в Марселе такие кабаки,
Такие там девчонки, такие бардаки.

Там девочки танцуют голые, там дамы в соболях,
Лакеи носят вина, а воры носят фрак.

И сдали того субчика войскам НКВД.
С тех пор его по тюрьмам я не встречал нигде.
Меня благодарили власти, жал руку прокурор...
А после посадили под усиленный надзор.

С тех пор, друзья и братцы,
Одну имею цель:
Чтоб как-нибудь пробраться
Мне в тот сказочный Марсель.

Где девочки танцуют голые, где дамы в соболях...

.....

- - -

Я однажды и в очко, и в штос играл,
А с кем играл, - не помню этой стервы.
Я ему тогда, глупцу, кальсоны проиграл, / 2 раза /
Ох, зря пошел я в пику, а не в черву.

Он сперва как следует колоду стасовал,
А потом не выдержали нервы:
Он рубли с кремлем кидал, а я сплуну глотал, / 2 раза /
И пошел я в пику, а не в черву.

Руки задрожали, будто кур я воровал,
Будто сел играть я в самый первый.
Он сперва для понта мне полсотни проиграл - / 2 раза /
И пошел я в пику, а не в черву.

Ставки повышались, все шло слишком хорошо,
Но потом я сделал ход неверный:
Он поставил на кон этих двух, и я пошел, / 2 раза /
И пошел я в пику, а не в черву.

- - -

Я однажды гулял по столице и
Двух прохожих случайно зашиб.
И попавши за это в милицию,
Я увидел ее - и погиб.

Я не знаю, что там она делала.
Видно, паспорт пришла получать.
Молодая красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней и запомнил парадное,
Что сказать ей - ведь я ж хулиган.
Выпил я и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну, а ей улыбались прохожие,
Мне хоть просто кричи караул!..
Одному человеку по рожу я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал
Деньги просто рекою текли/
Я ж такие ей песни заказывал.
А в конце заказал "журавли".

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь.
Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь.

Говорил я, что жизнь вся потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне.
А она мне сказала, - Я верю вам
И отдамся по сходной цене.

Я ударил ее, птицу белую,
Закипела горячая кровь.
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь.

- - -

Говорят, арестован добрый парень за три слова,
Говорят, арестован Мишка Ларин за три слова.
Говорят, что не помог ему заступник. Честно слово,
Мишка Ларин как опаснейший преступник аттестован.
А то ведь правда, несправедливость.
Говорю, не виновен, не со зла ведь, но вино ведь,
Говорю, не виновен, а ославить - разве новость?
Говорю, что не поднял бы Мишка руку на ту суку,
Так возьмите же вы Мишку на поруки - вот вам руку.
А то ведь правда, несправедливость.

Говорят, что до свадьбы он придет, до женитьбы.
Вот бы вас бы послать бы, вот бы вас погноить бы.
Вот бы вас бы на Камчатку, на Камчатку, нары дали б...
Пожалели бы вы нашего Мишату, порыдали б.
А то ведь правда, несправедливость.

Говори, заступитесь, повторяю, - на поруки.
Если ж вы покусипитесь, заявляю, - ждите суки.
Я ж такое вам устрою, я ж такое вам устрою...
Друга Мишку не забуду и вас в землю всех зарю.
А то ведь правда, несправедливость.

- - -

О нашей встрече, что там говорить, -
Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий.
Но мы с тобою сразу стали жить, / 2 раза /
Не опасаясь пагубных последствий.

Я сразу сузил круг твоих знакомств,
Одел, обул и вытащил из грязи,
Но за тобой тащился длинный хвост / 2 раза /
Длиннящий хвост твоих коротких связей.

Потом, я помню, бил друзей твоих,
Мне с ними было как-то неприятно.
Хотя быть может, были среди : них / 2 раза /
Наверняка отличные ребята.

О чем просила, делал мигом я,
Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной.
Из-за тебя под поезд прыгал я, / 2 раза /
Но, слава Богу, не совсем удачно.

И если б ты ждала меня в тот год,
 Когда меня отправили на дачу,
 Я б для тебя украл весь небосвод, / 2 раза /
 И две звезды кремлевские впридачу.

И я клянусь - последний буду гад! -
 Не ври, не пей, - и я прошу измену.
 И подарю тебе Большой театр / 2 раза /
 И Малую спортивную арену.

А вот теперь я к встрече не готов:
 Боюсь тебя, боюсь ночей интимных,
 Как жители японских городов / 2 раза /
 Боятся повторенья Хиросимы.

- - -

Это был воскресный день, и я не лазил по карманам -
 В воскресенье отдыхать - вот мой девиз.
 Вдруг свисток, меня хватают, обзывают хулиганом,
 А один узнал, кричит: Рецидивист!

Брось, товарищ, не ершись. Моя фамилия Сергеев.
 Ну, а кто рецидивист, - ведь я ж понятия не имею.

Это был воскресный день, но мусора не отдыхают,
 У них тоже план. Давай, хоть удавись.
 Ну, а если перевыполняют, так их там награждают.
 На бес золота там вор-рецидивист.

С уважением мне, - Садись. - Угощают "Беломором". -
 Значит, ты рецидивист? Распишись под протоколом.

Это был воскресный день, светило солнце, как бездельник,
 И все люди, кто с друзьями, кто с семьей.
 Ну а я сидел, скучал, как в самый гнусный понедельник -
 Мне майор попался очень деловой. -

Сколько раз судились вы? - Плохо я считать умею. -
 Но все же вы рецидивист? - Да нет, товарищ, я - Сергеев.

Это был воскресный день, а я потел, я лез из кожи,
 Но майор был в математике горазд.
 Он чегой-то там сложил, потом умножил, подытожил
 И сказал, что я судился десять раз.

Подал мне начальник лист, расписался как умею,
 Написал: Рецидивист по фамилии Сергеев.

Это был воскресный день, я был усталым и побитым,
 Но одно я знаю, одному я рад:
 В семилетний план поимки хулиганов и бандитов
 Я ведь тоже внес свой очень скромный вклад.

- - -

У меня было 40 фамилий,
У меня было 7 паспортов,
Меня 70 женщин любили,
У меня было 200 врагов.

Но я не жалею. /Повторяется после каждой строфы/.

Я всегда во все светлое верю,
Например, в наш советский народ,
Но не поставят мне памятник в сквере
Где-нибудь у Петровских ворот.

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу,
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу.

И всю жизнь мою колот и ранят -
Вероятно, такая судьба.
Но все равно меня не отчеканят
На монетах вместо герба.

- - -

Потерю истинную веру,
Больно мне за наш СССР -
Отберите орден у Насера,
Не подходит к ордену Насер.

Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим "братом",
Но давать Героя - это брось.

А почему нет золота в стране? -
Раздарили, гады, раздарили.
Лучше бы давали на войне,
А Насеры б после нас простили. / 2 раза /

- - -

Парня спасем, парня в детдом
На воспитанье.
Даром учить, даром кормить,
Даром питанье.

Жизнь как вода, вел я всегда
Жизнь бесшабашную.
Все-ерунда, кроме суда / 2 раза /
Самого страшного .

Припев. Повторяется после
каждой строфы.

Все вам дадут, все вам споют,
Будьте прилежными.
А за оклад ласки дарят
Самые нежные.

- - -

Сегодня в нашей комплексной бригаде
 Прошел слухок о бале-маскараде.
 Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков,
 Назначили все это в зоосаде.

Зачем идти при полном при параде?
 Скажи мне, моя радость, Христа ради.-
 Она мне - Одевайся, мол, я тебя стесняюсь,
 Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

Я платье, говорит, взяла у Нади,
 Я буду нынче как Марина Влади.
 И проведу, хоть тресну я, часы свои воскресные,
 Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде.

Зачем же я себя утюжил, гладил?
 Меня поймали тут же в зоосаде -
 Ведь массовик наш Колька, дал мне маску алкоголика -
 И на троих звали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде.
 Глядь - две жены, ну, две Марины Влади.
 Одетые животными, с двумя же бегемотами
 Я тоже озверел и стал в засаде.

Наутро дали премию в бригаде,
 Сказав мне, что на бале-маскараде
 Я будто бы не только сыграл им алкоголика,
 А был у бегемотов я в ограде.

- - -

Кучера из МУРа укатали Сивку,
 Закатали Сивку в Нарьян-Мар,
 Значит, не погладили по загривку,
 Значит, дали полностью гонорар.

На дворе вечерит,
 Ну а Сивка чифирит.

Ночи по полгода за Полярным кругом,
 И конечно, Сивка заскучал.
 Обзавелся Сивка Буркой - закадычным другом -
 С ним он ночи длинные коротал.

На дворе вечерит,
 Сивка с Буркой чифирит.

Сивка на работу, до седьмого поту
 За обоих вкалывал, конь-конем,
 И тогда у Бурки появился кто-то,
 Занял место Сивкино за столом.

На дворе вечерит,
 Бурка с кем-то чифирит.

Лошади, известно, тоже человеки,
 Сивка долго думал и решал.
 И однажды Бурка с кем-то вдруг исчез навеки,
 Ну а Сивка в каторгу захромал.

На дворе вечерит,
Сивка в каторге горит.

- - -

Рано утром проснешься и раскроешь газету -
На последней странице золотые слова:
Это Клим Ворошилов даровал нам свободу,
И теперь на свободе будем мы воровать.

Рано утром проснешься, на поверку построят.
Вызывают: Васицьев! - ты выходишь вперед.
Это Клим Ворошилов и братишка Буденый
Подарили свободу, и их любит народ.

/ 2 раза /

- - -

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили, так это позади.
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
Алеша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал.
Я сказал, - Я не забуду в жизни Вали.-
А я тем более, - мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней, попробуй разбери -
У него твой профиль выколот снаружи,
А у меня душа исколота внутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху,-
Пусть слова мои тебя не оскорбят -
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубашку,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Лешки
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя, верней, твоя, татуировка
Много лучше и красивше, чем его.

/ 2 раза /

- - -

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе, ей-ей,
Мою фамилию, имя, отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица,
И весь Савеловский вокзал дрожал,
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей, скокарей,
 Свой человек у щипачей,
 И гражданин начальник Токарев, падла Токарев,
 Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
 И не скучал без крупных дел.
 Но кто-то там однажды скурвился, ссучился,
 Шепнул, навел - и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
 Но на допросы вызывал.
 А я всегда ему приветливо
 И очень скромно отвечал.

Не брал я на душу покойников
 И не испытывал судьбу,
 И я, начальник, спал спокойненько
 И весь ваш МУР видал в гробу.

И дело не было отложено,
 И огласили приговор,
 И дали все, что мне положено...
 Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
 За мой такой веселый нрав,
 А прокурор просил всей строгости
 И был, по-моему, неправ.

С тех пор заглохло мое творчество,
 Я стал скучающий субъект.
 Зачем же быть душой общества,
 Когда души в ем вовсе нет?

- - -

Что же ты, зараза, бровь себе подбрила,
 Ну, для чего надела, падла, синий свой берет,
 И куда ты, стерва, лыжи наострила?
 От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет.

Знаешь ты, что я души в тебе не чаю,
 Для тебя готов я днем и ночью воровать.
 Но в последнее время, чтой-то замечаю,
 Что ты стала мене слишком часто изменять.

Если это Колька, или даже Славка, -
 Супротив товарищей не стану возражать,
 Но если это Витька с Первой Переяславки,
 Я ж те ноги обломаю, в бога душу мать.

Рыжая шалава, от тебя не скрою,-
 Если ты и дальше будешь свой берет носить,
 Я тебя не трону, а в душе зарю
 И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть.

А настанет лето, ты еще вернешься,
 Ну, а я себе такую бабу отквачу,
 Что тогда ты, стерва, от зависти загнешься,
 Скажешь мне: Прости меня! - А я плевать не захочу.

- - -

Ты уехала на короткий срок,
 Снова свидеться нам не дай Бог.
 А меня в товарный и на восток, / 2 раза /
 И на приiski в Бодайбо.

Не заплачешь ты и не станешь ждать,
 Навещать не станешь родных,
 Ну, а мне плевать, я здесь добывать
 Буду золото для страны.

Все закончилось, смолкнул стук колес,
 Шпалы кончились, рельсов нет.
 Эх бы взвыть сейчас, жалко, нету слез -
 Слезы кончились на земле.

Ты не жди меня, ладно, Бог с тобой,
 А что туго мне, не грусти.
 Только помни, не дай Бог тебе со мной
 Снова встретиться на пути.

Срок закончится, я уж вытерплю
 И на волю выйду как пить.
 Но пока я в зоне на нарах сплю,
 Я постараюсь все позабыть. / 2 раза /

Здесь леса кругом гнутся по ветру,
 Синева кругом, как не выть?
 Позади семь тысяч километров, / 2 раза /
 Впереди семь лет синевы.

- - -

У тебя глаза, как нож, если прямо ты взглянешь,
 Я забываю, кто я есть и где мой дом.
 А если косо ты взглянешь, как по сердцу полоснешь
 Ты холодным, острым, серым тесаком.

Я здоров, к чему скрывать, я пятаки могу ломать,
 Я недавно головой быка убил.
 Но с тобой жизнь скоротать - не подковы разгибать,
 А прибить тебя морально нету сил.

Вспомни, было ль хоть разок, чтоб я из дому убер?
 Ну когда же надоест тебе гулять?
 С гаражу я прихожу, язык за спину заложу
 И бегу тебя по городу шукать.

Я все ноги исходил, велосипед себе купил,
 Чтоб в страданиях облегчения была.
 Но налетел на самосвал, к. Скифософскому попал -
 Навестить меня ты даже не пришла.

И хирург, седой старик, он весь обмяк и как-то сник,
Он шесть суток мою рану зашивал.
А когда кончился наркоз, стало больно мне до слез,
Для кого ж я своей жизнью рисковал.

Ты не радуйся, змея, скоро выпишут меня.
Отомщу тебе тогда без всяких схем.
Я те точно говорю, - остру бритву наострю / 2 раза /
И обрею тебя наголо совсем.

- - -

Я в деле, и со мною нож, и в этот миг меня не трожь.
А после я всегда иду в кабак.
И кто бы что не говорил, я сам добыл и сам пропил, / 2 раза /
И дальше буду делать точно так.

Ко мне подходит человек и говорит: В наш трудный век
Таких, как ты, хочу уничтожать.
А я парнижку наколол - не толковал, а запорол, / 2 раза /
И дальше буду также поступать.

А хочешь мирно говорить, - садись за стол и будем пить.
Вдвоем и потолкуем, и решим.
А если хочешь так, как он, - у нас для всех один закон, / 2 раза /
И дальше он останется таким.

- - -

Город уши заткнул. и уснуть захотел,
И все граждане спрятались в норы.
А у меня в этот час еще тысяча дел, - / 2 раза /
Задержни шторы и проверь запоры.

Только зря, не спасет тебя крепкий замок,
Ты не уснешь спокойно в своем доме,
Потому что я вышел сегодня на скок, / 2 раза /
А Колька Демин на углу на стреме.

И пускай сторожит тебя ночью лифтер,
И ты свет не гасил по привычке,
Я давно уже гвоздик к замочку притер, / 2 раза /
Попил водички и забрал вещички.

Ты увидел, услышал, как листья дрожат
Твои тощие, хилые мощи...
Дело сделал свое я - и тут же назад, / 2 раза /
А вещи тебе в Марьиной роще.

А потом до утра можно пить и гулять,
Чтоб звенели и пели гитары,
И спокойно уснуть, чтобы не увидеть / 2 раза /
Во сне кошмары, мусоров и нары.

Когда город уснул, когда город затих,
Для меня лишь начало работы,
Спите, граждане, в теплых квартирках своих, / 2 раза /
Спокойной ночи, до будущей субботы.

- - -

У нас вчера-позавчера шла спокойная игра,
Козырей в колоде каждому хватало.
И сходились мы на том, что, оставшись при своем,
Расходились, а потом давай сначала.

Но вот явились к нам они, сказали здрасьте,
Мы их не ждали, а они уже пришли.
А в колоде как-никак четыре масти -
Они давай хватать тузы и короли.

И пошла у нас с утра неудачная игра,
Не мешайте и не хлопайте дверями.
И шерстят они нас в пух, им - успех, а нам - испуг,
Но тузы они ведь бьются козырями.

Но вот явились к нам они, сказали здрасьте,
Мы их не ждали, а они уже пришли,
А в колоде как-никак четыре масти,
И им достались все тузы и короли.

Шла неравная игра, одолели шулера.
Карта прет им, ну а нам - пойду покличу.
Зубы щелкают у них, видно каждый хочет в миг
Кончить дело и начать делить добычу.

А вот явились к нам они, сказали здрасьте,
Мы их не ждали, а они уже пришли,
А в колоде как-никак четыре масти,
И им достались все тузы и короли.

Только зря они шустры, - не сейчас конец игры.
Жаль, что вечер на дворе такой безлунный.
Мы плетемся наугад, нам Фортуна кажется зад,
Но ничего, мы рассчитаемся с Фортуной.

И вот явились к нам они, сказали здрасьте,
Мы их не ждали, а они уже пришли.
Но в колоде все равно четыре масти.
И нам достанутся тузы и короли!
И нам достанутся тузы и короли!

- - -

Сегодня я с большой охотой
Распоряжусь своей субботой.
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своей жизнью я.

- Постой, чужак, она ж наводчица.
Зачем?.. - Да так, уж очень хочется. -
Постой, чужак, у нас компания.
Пойдем в кабак, зальем желания.

- Сегодня вы меня не пачкайте.
Сегодня пьянка мне до лампочки.
Сегодня Нинка соглашается.
Сегодня жизнь моя решается.

- Ну и дела же с этой Нинкою.
Она ж жила со всей Ордынкою.
И с нею спать, ну кто захочет сам? -
- Плевать на это. Очень хочется.

Сказала, лобит - все, заметано.
- Отвечу, рупь за сто, что врет она.
Она ж того, ко всем ведь просится...
- А мне чего? Мне очень хочется.

- Она ж хрипит, она же... грязная,
И глаз подбит, и ноги разные.
Всегда одета, как уборщица.
- Плевать на это, очень хочется.

Все говорят, что не красавица.
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что наводчица?
А мне еще сильнее хочется.

- - -

Вот главный вход. Но только вот,
Упрашивай, - я лучше сдохну.
Вхожу я через черный ход,
А выходить стараюсь в окна.

Не вгоняю я в гроб никого,
Но вчера меня тепленького
/Хоть бываю и хуже я сам/
Оскорбили до ужаса.

И плюнув в пьяное мурло,
И обвязав лицо портьерой,
Я вышел прямо сквозь стекло
В объятья к милиционеру.

И меня окровавленного,
Всенародно прославленного,
Прям, как был я в амбиции,
Довели до милиции.

И кулаками покарав,
И попинав меня ногами,
Мне присудили крупный штраф
За то, что я нахулиганил.

А потом перевязанному,
Несправедливо наказанному
Сердобольные мальчижи
Дали спать на диванчике.

Проснулся я - еще темно -
Успел поспать и отдохнуть я.
Я встал и, как всегда, в окно,
Но на окне - стальные прутья.

И меня, патентованного,
Ко всему подготовленного,
Эти прутья печальные
Ввергли в бездну отчаянья.

А рано утром - верь не верь -
Я встал, от слабости шатаюсь,
И вышел в дверь! Я вышел в дверь.
С тех пор в себе я сомневаюсь.

В мире тишь и безветрие,
Чистота и симметрия.
На душе моей гадостно.
И живу я безрадостно.

- - -

Корабли постоят и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоды.
Не пройдет и полгода, и я появлюсь,
Чтобы снова уйти, чтобы снова уйти на полгода. / 2 раза /

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин,
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе, я не верю судьбе, а себе - еще меньше. / 2 раза /

Но мне хочется думать, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я конечно, вернусь, весь в друзьях и в мечтах,
Я конечно сплужу, я конечно сплужу, не пройдет и полгода. / 2 раза /

- - -

Дела, меня замучали дела.
Каждый день, каждый день, каждый день.
До тла сгорели песни и стихи - дребедень...
Весь год жила-была, и вдруг взяла - собралась и ушла.
И вот опять веселые дела
У меня.

Теперь хоть целый вечер подари, подари, подари.
Поверь, я буду только говорить.

Из рук, из рук вон плохо шли дела у меня, шли дела,
И вдруг сгорели пламенем до тла - не дела, а зола.
Весь год жила-была и вдруг взяла, собралась и ушла.
И вот такие грустные дела
У меня.

Теперь хоть целый вечер подари, подари, подари.
Поверь, не буду даже говорить.

- - -

Гололед на земле, гололед,
Целый год напролет гололед.
Гололед на земле, гололед.
Будто нет ни весны, ни лета,
Чем-то скользким одета планета.
Люди, падая, бьются об лед.
Гололед на земле, гололед.
Целый год напролет гололед.

Даже если планету в облет,
Не касаясь планеты ногами,-
Не один, так другой упадет,-
Гололед на земле, гололед -
И затопчут его сапогами.
Гололед на земле, гололед,
Целый год напролет, целый год
Будто нет ни весны, ни лета,
Люди, падая, бьются об лед.
Гололед на земле, гололед.
Целый год напролет гололед.

- - -

Владимир Высоцкий

В ресторане по стенкам висят тут и там
Три медведя, расстрелянный витязь.
За столом одиноко сидит капитан.
-Разрешите, -спросил я. - Садитесь.

Закури.- Извините, "Казбек" не курю.-
Ладно, выпей. Давай-ка посуду.
Да пока принесут. Пей, кому говорят.
Будь здоров. - Обязательно буду.

-Ну так что же, - сказал, захмелев, капитан,-
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок первом под Курском я был старшиной,
За мою спину такое...
Много всякого, брат, за мою спиною,
Чтоб жилось тебе,парень,спокойно.

Он ругался и пил, я за ним по пятам.
Только в самом конце разговора
Я его оскорбил, я сказал:"Капитан,
Никогда ты не будешь майором."

Он заплакал тогда, он спросил про отца,
Он кричал, тупо глядя на блюдо:
-Я всю жизнь отдал за тебя, подлеца,
А ты жизнь прожигаешь, паскуда.

А винтовку тебе, а послать тебя в бой.
А ты водку тут хлещешь со мною...-
Я сидел,как в окопе под курской дугой,
Там, где был капитан старшиною.

- - -

Жил я с матерью и батей на Арбате, здесь бы так.
А теперь я в медсанбате на кровати весь в бинтах.
Что нам слава, что нам Клава-медсестра и белый свет -
Умер мой сосед, что справа, тот, что слева - еще нет.

И однажды, как в угаре, тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал:-Послушай, парень, у тебя ноги-то нет. -
Как же так, неправда, братцы, он наверно пошутил,
Мы отрежем только пальцы, - так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева, все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил, все про ногу говорил.
Издевался, мол, не встанешь, не увидишь, мол, жены,
Поглядел бы ты, товарищ, на себя со стороны.

Если б был я не калека и слезал с кровати вниз,
Я б тому, который слева, просто глотку перегрыз.
Умолял сестрицу Клаву показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, он бы правду мне сказал.

- - -

Мне этот бой не забыть нипочем:
Смертью пропитан воздух,
А с небосклона бесшумным дождем /2 раза/
Падали звезды.

Вон, снова упала, и я загадал:
Выйти живым из боя.
Так свою жизнь я поспешно связал /2 раза/
С глупой звездой.

Я уж решил, миновала беда
И удалось отвертеться,
Но с неба свалилась шальная звезда /2 раза/
Прямо под сердце.

Нам говорили, нужна высота
И не жалеть патроны.
Вон, покатилась вторая звезда /2 раза/
Вам на погоны.

Звезд этих в небе, как рыбы в прудах,
Хватит на всех с лихвою...
Если б не насмерть, ходил бы тогда /2 раза/
Тоже героем.

Я бы звезду эту сыну отдал
Просто на память.
В небе висит, пропадает звезда: /2 раза/
Некуда падать.

- - -

Я стою, стою спиной к строю.
-Только добровольцы, шаг вперед!
Нужно провести разведку боем.
Для чего? А кто их разберет.

Кто со мной, с кем идти? Так, Борисов, так, Леонов, /Припев/
А, еще этот тип из второго батальона.

Мы ползем, к ромашкам припадая,
Ну-ка, старшина, не отставай.
Ведь на фронте два передних края -
Наш и сразу их передний край.

Припев.

Проволоку грызли без опаски:
Ночь, темно и не видать ни зги.
В двадцати шагах чужие каски.
Стоит только защитить мозги.

Припев.

Скоро будет Надя с шоколадом:
В шесть они накроют нас огнем.
Хорошо, нам этого и надо,
С Богом, потихонечку начнем.

С кем обратно ползти? Так, Борисов, так, Леонов.
А, еще этот тип из второго батальона.

Правильно задание выполняем:
Дзот накрыт, и рассекречен дот.
Этот тип, которого не знаю,
Очень хорошо себя ведет.

С кем обратно ползти? Так, Борисов, где Леонов?
А, еще этот тип из второго батальона.

На КП наверное в восторге,
Но фуражки сняли из-за нас.
Правильно, считай, что двое в морге,
Двое остаются про запас.

С кем обратно ползти? Где Борисов? Где Леонов?
Эй, ты жив, эй, ты, тип, из второго батальона?

Я стою спокойно перед строем,
В этот раз стою к нему лицом.
Кажется, чего-то удостоен,
Награжден и назван молодцом.

С кем в другой раз ползти? Где Борисов? Где Леонов?
И затих этот тип из второго батальона.

- - -

Разбег, толчок - и стыдно подыматься.
Во рту опилки, слезы из-под век.
На рубеже проклятом два-двенадцать
Мне планка преградила путь наверх.

Я признаюсь вам, как на духу:
Такова вся спортивная жизнь -
Лишь мгновение ты наверху,
И стремительно падаешь вниз.
Но съем плоды запретные с древа я,
И за хвост подергаю славу я.
Потому что у них у всех толчковая - левая,
А моя толчковая - правая.

Разбег, толчок - свидетели паденья
Свистят и тянут за ноги ко дну.
Мне тренер мой сказал без сожаленья:
Да ты же, парень, прыгаешь в длину.
У тебя растяжение в паху,
Прыгать с правой дурацкий каприз.
Не удержишься ты наверху,
Ты стремительно падаешь вниз.

Но задыхаясь, словно от гнева, я
Объяснил толково я: -Главное,
Что у них у всех толчковая - левая,
А моя толчковая - правая.

Мне не догнать плюгавого канадца,
Он мне в лицо смеется на лету.

Я приступом пошел на 2-12,
И тренер мне сказал напрямую,
Что меня он утопит в пруду,
Чтобы впредь неповадно другим,
Если враз, сей же час не сойду
Я с неправильной правой ноги.

Но я лучше выпью зелье с отравой
И над собою что-нибудь сделаю,
Но свою неправую правую
Я не сменю на правую левую.

Трибуны дружно начали смеяться,
Но пыл мой от насмешек не ослаб.
Разбег, толчок, полет - и 2,12
Теперь уже мой пройденный этап.
И пусть болят мои травмы в паху,
И пусть допрыгался до хромоты -
Но я все-таки был наверху,
И меня не спихнуть с высоты.

Так что съел плоды запретные с древа я,
И поймал за хвост теперь славу я...
Потому что у их у всех, у их, у их толчковая левая,
А моя толчковая - правая.

- - -

Вот и разошлись пути-дороги вдруг:
Один на север, другой на запад.
Грустно мне, когда уходит друг
Внезапно, внезапно.

Ушел - невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю, верю
В друзей.

/Припев/

Наступило время неудач -
Следы и души заносит вьюга.
Все из рук вон плохо, плачь не плачь,
Нет друга, нет друга.

Припев

А когда вернется друг назад
И скажет, ссора была ошибкой,-
Бросим мы на прошлое с ним взгляд
С улыбкой, с улыбкой.

Припев

- - -

Сколько чудес за туманами кроется,
Не подойти, не увидеть, не взять.
Дважды пытались, но Бог любит троицу.
Ладно, придется ему подыграть.

Выучи намертво, не забывай
И повторяй, как заклинание, -
Не потеряй веру в тумане
Да и себя не потеряй.

/Припев/

Был ведь когда-то туман наша вотчина,
Многих из нас укрывал от врагов.
Нынче, туман, твоя миссия кончена.
Хватит тайгу закрывать на засов.

Припев

Тайной покрыто, молчанием сколото -
Наколдовала природа-шаман -
Черное золото, белое золото
Сторож седой, охраняет туман.

Припев

Что же выходит, и пробовать нечего?
Перед туманом ничто человек?
Но от тепла, от тепла человеческого
Даже туман поднимается вверх.

Припев.

- - -

Была пора - я рвался в первый ряд,
И это все от недопониманья.
Но с некоторых пор сажусь назад,
Там, впереди, как в спину автомат,
Тяжелый взгляд, недоброе дыхание.

Может, сзади и не так красиво,
Но намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще надежность и обзор.

/Припев/

Стволы глазищ числом до десяти,
Как дула на мишень, но на живую.
Затылок мой от взглядов не спасти,
И сзади так удобно нанести
Обиду или рану ножевую.

Припев

Мне вреден первый ряд, и говорят,
От мыслей этих я в ненастье ною.
Уж лучше, где темней - в последний ряд.
Отсюда больше нет пути назад,
И за спиной стоит стена стеною.

Припев

И пусть хоть реки утекут воды,
Пусть будут в пух засалены перины,
До лысин, до седины, до бороды
Не выходите в первые ряды
И не стремитесь в примы-балерины.

Припев

Надежно сзади, но бывают дни,
Я говорю себе, что выйду червой.
Не стоит вечно пребывать в тени,
С последним рядом долго не тяни,
А постепенно пробирайся в первый.

Припев

- - -

Я не люблю фатального исхода, поэтому об этом не пою.
Я не люблю любое время года, в которое болею и не пью.
Я не люблю открытого цинизма, в доверчивость не верю, и еще,
Когда чужой мои читает письма, заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину, или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину, я также против выстрелов в упор.
Я ненавижу сплетни в виде версий, червей сомнения, почестей иглу,
Или когда все время против шерсти, или когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой, уж лучше пусть откажут тормоза,
Досадно мне, что слово "честь" забыто, и что в чести наветы за глаза.
Когда я вижу сломанные крылья, нет жалости во мне - и не проста:
Я не люблю насилие и бессилие, но очень жаль распятого Христа.

Я не люблю манежи и арены, на них мильон меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены, я это никогда не полюблю,
Я это никогда не полюблю.

- - -

Сколько слухов наши уши поражает,
Сколько сплетен разъедает, словнс моль.
Ходят слухи, будто все подорожает,
Абсолютно, а особенно штаны и алкоголь.

И словно мухи, тут и там ходят слухи по домам, /Припев/
А беззубые старухи их разносят по умам,
Их разносят по умам.

Слушай, слышал? Под землю город строят,
Говорят, на случай ядерной войны.
Вы слышали? Скоро бани все закроют,
Повсеместно, навсегда, и эти сведенья верны.

Припев

А вы знаете, Мамыкина снимают,
За разврат его, за пьянство, за дебош,
Кстати, вашего соседа забирают, негодяя,
Потому что он на Берню похож.

Припев

Ой, что деется, вчерась траншею рыли,
Откопали две коньячные струи.

Говорят, евреи воду отравили, гады, ядом,
Ну, а хлеб теперь из рыбной чешуи.

Припев

Да, вы знаете, теперь все отменяют,
Отменили даже воинский парад,
Говорят, что скоро все позапрещают, в Бога душу,
Скоро всех к чертям собачьим запретят.

Припев

Закаленные во многих заварухах,
Слухи ширятся, не ведая преград,
Ходят сплетни, что не будет больше слухов,
Абсолютно, ходят слухи, будто сплетни запретят.

Припев

И поют друг другу, шепотом ли, в крик ли,
Крик дурной всегда звучит в устах кликуш.
А к хорошим слухам люди не привыкли,
Говорят, что это выдумки и чужь.

Припев.

- - -

Был шторм, канаты рвали кожу с рук,
И якорная цепь визжала чортом.
Пел ветер песню дьявола, и вдруг
Раздался голос - Человек за бортом!
И сразу - Полный назад! Стоп машина!
На воду шлюпки, помощь!
Вытащить сукина сына, или там, сукину дочь.

Я пожалел, что обречен шагать
По суше, значит, мне не ждать подмоги,
Никто меня не бросится спасать
И не объявит шлюпочной тревоги.
А скажет - Полный вперед! Ветер в спину,
Будем в порту по часам.
Так ему, сукину сыну, пусть выбирается сам.

И мой корабль от меня уйдет,
На нем, должно быть, люди выше сортом.
Впередсмотрящий смотрит лишь вперед,
Ему плевать, что человек за бортом.
Я вижу, мимо суда проплывают,
Ждет их приветливый порт.
Мало ли кто выпадает с главной дороги за борт.

Пусть в море меня вынесет, а там
Шторм девять баллов новыми деньгами.
За мною спустит шлюпку капитан,
И обрету я почву под ногами.
Они зацепят меня за одежду,
Значит, падать одетому - плюс,
В шлюпочный борт, как в надежду, мертвую хваткой вцеплюсь.

Здесь с бака можно плонуть на корму,
 Узлов немного, месяц на Гаванну.
 Но я хочу на палубу к нему,
 К вернувшему мне землю капитану.
 Правда с качкой у них перебор там
 И в штормы от вахт не вздохнуть.
 Но человеку за бортом здесь не дадут утонуть.

Я на борту, курс прежний, прежний путь,
 Мне тянут руки, души, папиросы.
 И я уверен, если что-нибудь,
 Мне бросят круг спасательный матросы. Давайте ж
 Полный вперед, что нам льдина,
 Я теперь ваш, моряки,
 Режь меня, сукина сына, и разрывай на куски.

- - -

Жили-были на море, это значит плавали,
 Курс держали правильный, слушались руля,
 Заходили в гавани, слева ли, справа ли,
 Два красивых лайнера, судна, корабля.

Белоснежнотелая, словно лебедь белая,
 В сказочно-классическом плане,
 И другой, он в тропики плавал в черном смокинге,
 Лорд, трансатлантический лайнер.

Ах, если б ему в голову пришло,
 Что в каждый порт уже давно влюбленно
 Спешит к нему под черное крыло
 Стремительная белая мадонна.

Слезы льет горячие - ценное горячее,
 И всегда надеется в тайне,
 Что быть может, в Африку не уйдет по графику
 Этот недогадливый лайнер.

Ах, если б ему в голову взбрело,
 Что в каждый порт уже давно влюбленно
 Придти к нему под черное крыло
 Опаздывает белая мадонна.

Кораблям и поздняя не к лицу коррозия
 Не к лицу морщины вдоль белоснежных крыл,
 И подтеки синие возле ватерлинии,
 И когда на смокинге левый борт подгнил.

Горевал без памяти, стоя в тихой заводи,
 Гол и раздосадован крайне -
 Ржавый и взъерошенный и командой брошенный
 В гордом одиночестве лайнер.

А ей необычайно повезло -
 Под танго музыкального салона
 Пришла к нему под черное крыло
 И встала рядом белая мадонна.

/3 раза/

- - -

Наш Федя с детства связан был с землею,
Домой таскал и щебень и гранит.
Однажды он принес домой такое,
Что папа с мамой плакали навзрыд.

Студентом Федя очень был настроен
Поднять археологию на щит,
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.

Привез он как-то с практики два ржавых экспонатика
И утверждал, что это древний клад.
Потом однажды в Элисте нашел вставные челюсти
Размером с самогонный аппарат.

Диплом писал про древние святыни,
О скифах, о языческих богах.
При этом так ругался по-латыни,
Что скифы эти корчились в гробах.

Он древние строения искал с остервенением
И часто диким голосом кричал,
Что есть еще тропа пока, где встретишь питекантропа,
И в грудь себя при этом ударял.

Он жизнь решил закончить холостую
И стал бороться за семейный быт.
Я, говорил, жену найду такую -
От зависти заплачете навзрыд.

Он все углы облазил, и в Европе был, и в Азии,
И вскоре раскопал свой идеал,
Но идеал связать не мог в археологии двух строк,-
И Федя его снова закопал.

- - -

10 000, и всего один забег остался.
В это время наш Бескудников Олег зазнался.
Я, говорит, болен, бюллетеню, нету сил,- и сгинул.
Вот наш тренер мне тогда и предложил, - беги, мол.

Я ж на длинной на дистанции помру, не охну,
Пробегу, быть может, только первый круг и сдохну.
Ну сурово эдак тренер мне, мол, надо, Федя.
Главное дело, чтобы воля, говорит, была к победе.

Воля волей, если сил неупорот, а я увлекся:
Я на 10000 рванул, как на 500, и спекся.
Подвела меня - ведь я предупреждал - дышалка.
Пробежал всего два круга и упал, а жалко.

И наш тренер, экс и вицечемпион ОРУДа
Не пускать меня велел на стадион, Иуда.
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски по банке,
А сегодня он кричит, - Меняй коньки на санки.

Жалко тренера, он тренер неплохой. Ну и Бог с ним.
Я ведь нынче занимаюсь борьбой и боксом.
Не имею больше я на счет на свой сомнений -
Все вдруг стали очень вежливы со мной... и тренер.

- - -

Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так...
Если сразу не разберешь, плох он или хорош.
Парня в горы таяни, рискни, не бросай одного его,
Пусть он в связке с тобой в одной. Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах не ах, если сразу раскис и вниз,
Шаг ступил на ледник и сник, оступился и в крик,-
Значит рядом с тобой чужой, ты его не брани - гони,
Вверх таких не берут и тут о таких не поют.

Если он не скулил, не ныл, пусть он хмур был и зол, но шел,
А когда ты упал со скал, он стонал, но держал,
Если шел он с тобой, как в бой, на вершине стоял хмельной,
Значит, как на себя самого, положишься на него. /2 раза/

- - -

Здесь вам не равнина, здесь климат иной, идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь, /2 раза/
Опасный как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал, тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
Внизу не встретишь, как не тянись, за всю свою счастливую жизнь /2 раза/
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент, и непохож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как вечным огнем, сверкает днем вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил. /2 раза/

И пусть говорят, да пусть говорят, но нет, никто не гибнет зря,
Так лучше, чем от водки иль от простуд.
Другие придут, сменив уют на риск и непомерный труд, /2 раза/
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены, а ну, не зевай, ты здесь на везение не уповай,
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала.
Надеемся только на крепость рук, на руки друга и вбитый крюк, /2 раза/
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени, ни шагу назад! И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони, ты счастлив и нем, и только немного завидуешь тем,
Другим, у которых вершина еще впереди. /2 раза/

- - -

Я спасил тебя, - зачем идете в гору вы,
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой.
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово.
Рассмеялась ты и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя.

Первый раз меня из пропасти вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя.

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины,
Но не обиделся, а приговаривал:

Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя.
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя.

А потом на каждом нашем восхождении
Ну почему ты ко мне недоверчивая -
Страховала ты меня с наслаждением
Альпинистка моя гуттаперчивая.

Ох, какая ты неблизкая, неласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя,
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты учила меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я.
До тебя уже мне рукой подать.
Вот долезу и скажу:- Довольно, милая!-
Тут сорвался вниз, но успел сказать:-

Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя.
Мы с тобой теперь одной веревкой связаны,
Стали оба мы скалолазами.

- - -

Дайте собакам мяса, может, они подерутся.
Дайте похмельным кваса, авось, они перепьются.
Чтоб не жалеть воронам, ставьте побольше пугал.
А чтобы любить влюбленным, дайте укромный угол.
В землю бросайте зерна, может, появятся всходы.
Ладно, я буду покорным, дайте же мне свободу.

Псам мясные ошметки дали, а псы не подрались.
Дали пьяницам водки, а они отказались.
Люди ворон пугают, а воронье не боится.
Пары соединяют, а им бы разъединиться.
Лили на землю воду - нету колосьев чуда.
Мне вчера дали свободу. Что я с ней делать буду?

- - -

На стол колоду, господа, крапленая колода.
Он подменил ее, когда, барон, вы пили воду.
Валет наколот, так и есть, барон, ваш долг погашен.
Вы проходимец, ваша честь, вы проходимец, ваша честь, и я к услугам вашим.

Ответьте, если я не прав. Но наперед - все лживо.
Итак, оружие ваше, граф? За вами выбор, живо.
Да полно, выбираю сам - на шпагах, пистолетах?
Хотя сподручней было б вам, хотя сподручней было б вам на дамских амулетах.

Кинжал? Ах, если б вы смогли, — я дрался им в походах.
 Но вы б конечно предпочли на шулерских колодах.
 Закончить не смогли вы кон, верните бриллианты,
 А вы, барон, и вы, виконт, а вы, барон, и вы, виконт, пожалте в секунданты.

Что? Я не слышу ваш а пар. О нет так не годится.
 А в это время Бонапарт, а в это время Бонапарт переходил границу.

Не подымайте, ничего, я встану сам, сумею.
 Я снова вызову его, пусть даже протрезвею.
 Барон, молчать, виконт, не хнычь! Плевать, что тьма народу.
 Пусть он расскажет, старый хрыч, пусть он расскажет, старый хрыч,
 чем он кропил колоду.

Когда расскажет тайну карт, дуэль не состоится.
 А в это время Бонапарт, а в это время Бонапарт переходил границу.

А коль откажется сказать — клянусь своею головою —
 Графиню можете считать сегодня же вдовою.
 И хоть я шуток не терплю, могу я разозлиться.
 Тогда я графу прострелю, тогда я графу прострелю, пардон муа, ягодицу.

Стоял весенний месяц март, летели с юга птицы.
 А в это время Бонапарт, а в это время Бонапарт переходил границу.

- - -

Нас тянет на дно, как балласты,
 Мы цепки, легки, как фаланги,
 А ноги закованы в ласты,
 А наши тела в акваланги.

В пучину не просто полезли.
 Сжимаем до судорог скулы,
 Боимся кессонной болезни
 И, может, немного акулы.

Воды бы, замучала жажда, воды бы.
 Красиво здесь? — Все это сказки,
 Здесь лишь пучеглазые рыбы
 Глядят удивленно нам в маски.

Понять ли лежащим в постели?
 Изведать ли ищущим брода? —
 Нам нужно добраться до цели,
 Где третий наш без кислорода.

Мы плачем, пускай мы мужчины,
 Погиб он в пещере кораллов.
 Как истинный рыцарь пучины,
 Он умер с открытым забралом.

Пусть рок оказался живучим —
 Он сделал, что мог и что должен.
 Победу отпраздновал случай.
 Ну что же, мы завтра продолжим.

- - -

Всего один мотив доносит с корабля,
Один аккредитив на двадцать два рубля.

А жить еще две недели, работы на восемь лет.
Но я докажу на деле, на что способен аскет.

/Припев/

Дежурная по этажу прозилаась мне на днях.
В гостиницу вхожу бесшумно, на руках.
В столовой номер два всегда стоит кефир,
И мыслей полна голова, и все про загробный мир.

Припев

Одну в кафе позвал, увы, романа нет:
Поел и побежал, как будто в туалет.

Припев

О, проклятый Афон - влюбился, словно тля.
Беру последний бон - все двадцать два рубля.
Пленительна, стройна, все деньги на проезд,
Наверное, она сегодня же проест.

А жить еще две недели, работы на восемь лет,
Но я докажу на деле, на что способен скелет.

- - -

Возвращаюсь я с работы, рашпиль ставлю у стены.
Вдруг в окно порхает кто-то из постели от жены.
Я конечно вопрошаю: - Кто такой?
А она мне отвечает: - Дух святой.

Ох, я встречу того духа, ох, отмечу его в ухо.
Дух он тоже духу рознь, коль святой - так Машку брось.
Хочь ты кровь голубая, хочь ты белая кость,
До Христа дойду и знаю, не пожалует Христос.

Машка, вредная натура, так и лезет на скандал,
Разобиделась, дура, - как бы вроде помешал.
Я сперва сначала с лаской - то да се,
А она к стене с опаской - нет, и все!

Я тогда цежу сквозь зубы, но уже конечно грубо:
-Хоть он возрастом и древний, и годов ему не счесть,
У него в любой деревне две- три бабы точно есть.

Я к Марии с предложеньем - я вообще на выдумки мастак -
Мол, в другое воскресенье ты, Мария, сделай так:
Я потоплю под утро, мол, пошел...
А ты прими его как будто. Хорошо?

Ты накрой его периной и запой - тут я с дубиной.
Он крылом, а я - псалом, он колом, а я - кайлом.
Тут, конечно, он сдается, честь Марии спасена.
Потому что мне сдается - этот ангел - сатана.

Вот влетаю с криком с древом, весь в надежде на испуг.
Машка плачет.-Машка, где он? - Улетел, желанный друг. -

-Как же это? Я не знаю. Как успел?

-Да вот так вот,- отвечает, - улетел.

Он,- говорит,- псалом мне прочитал и крылом пощекотал.

-Ты шутить с живым-то мужем? Ах ты, скверная жена,-

Я взмахнул своим оружием - смейся, смейся, сатана.

- - -

У вина достоинства, говорят, целебные.

Я решил попробовать, бутылку взял, открыл -

Вдруг оттуда вылезло что-то непотребное,

Может быть, зеленый змий, а может крокодил.

Ну если я чего решил, я выпью обязательно,
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно.

/Припев/

А оно, зеленое, пахучее, противное,

Прыгало по комнате, ходило ходуном,

А потом послышалось пенье заунывное,

И виденье оказалось грубым мужуком.

Припев.

И если б было у меня времени хотя бы час,

Я бы дворника позвал с метлами, а тут

Вспомнил детский детектив "Старика Хоттабыча"

И спросил,- Товарищ Ибн, как тебя зовут?

Припев

Так что хитрость, говорю, брось свою Иудину,

Прямо, значит, отвечай, кто тебя послал?

И кто загнал тебя сюда-в винную посудину,

От кого скрывался ты и чего скрывал?

Тут мужик поклонь бьет, отвечает вежливо:

-Я не вор, я не шпион, я вообще-то дух.

И за свободу за мою, захотите ежи вы,

Изобью за вас любого, можно даже двух.

Тут я понял, это - джин, он ведь может многое,

Он ведь может мне сказать: враз озолочу!

-Ваше предложение, - говорю, - убогое,

Морды будем после бить, я вина хочу.

Ну а после - чудеса - мне по такому случаю,

Я до небес дворец хочу, ты на то и бес.

А он мне,- Мы таким делам вовсе, - говорит, - не обучены,

И кроме мордобитиев, никаких чудес.

-Врешь, - кричу, - шалишь, - кричу. Но и дух в амбицию,

Стукнул раз, специалист, видно по нему.

Я конечно побежал, позвонил в милицию.

-Убивают,- говорю,- прямо на дому.

Вот они подъехали, показали аспиду,

Супротив милиции он ничего не смог -

Вывели болезного, руки ему за спину -

И с размаху кинули в "черный воронок".

Что с ним стало? Может быть, он в тюрьме мается,
 Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке посидеть.
 Ну а может, он теперь боксом занимается.
 Если будет выступать, я пойду смотреть.

- - -

Неправда, над нами не бездна, не мрак,-
 Каталог наград и возмездий.
 Любуемся мы на ночной зодиак,
 На вечное танго созвездий.

Глядим, запрокинули головы вверх,
 Головы вверх, в безмолвье, тайну и вечность.
 Там трассы судеб и мгновенный наш век
 Отмечены в виде невидимых вех,
 Что могут хранить и беречь нас.

Горячий нектар в холода февралей,
 Как сладкий елей вместо грога,
 Льет звездную воду чудак Водолей
 В бездонную пасть Козерога.

Вселенский поток и извилист и крут,
 Окрашен то ртутью, то кровью.
 Но вырвавшись с мартовской мглой из пут,
 Могучие рыбы на нерест плывут
 По млечным протокам к верховью.

Декабрьский стрелец отстрелялся вконец,
 Он мается, копыя ломая.
 И может без страха резвиться телец
 На светлых урочищах мая.

Из августа изголодавшийся лев,
 Изголодавшийся лев глядит на овена в апреле.
 В июнь к близнецам свои руки воздев,
 Нежнейшие девы созвездия Дев
 Весы превратили в качели.

Лучи световые пробились сквозь мрак,
 Как нить Ариадны конкретны,
 Но и Скорпион, и таинственный Рак,
 От нас далеки и безвредны.

На свой зодиак человек не роптал,
 Человек не роптал. Да звездам страшна ли опала?
 Он эти созвездия с неба достал,
 Оправил он их в драгоценный металл,
 И тайна доступною стала.

- - -

Сегодня не слышно биенья сердец,
 Оно для аллей и беседок.
 Я падаю, грудью хватая свинец,
 Подумать успею напоследок:

На этот раз мне не вернуться,
 Я уйду, придет другой.
 Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
 А сыновья уходят в бой.

Вот кто-то, решив, - после нас хоть потоп,-
 Как в пропасть, шагнул из окопа.
 А я для того свой покинул окоп,
 Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
 Я крепко обнимусь с землей.
 Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
 А сыновья, а сыновья уходят в бой.

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет,
 Кто выйдет к заветному мосту?
 И мне захотелось,- пусть будет вон тот,
 Одетый во все не по росту.

Я успеваю улыбнуться:
 Я видел, кто придет за мной.
 Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
 А сыновья, а сыновья уходят в бой.

- - -

КАССЕТА III-4Владимир Высоцкий

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознании познавший толк,
А я простой советский заключенный,
И мой товарищ серый брянский волк. /2 раза/

За что сижу, по совести не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
И так сижу я в Туруханском крае,
Где при царе бывали в ссылке вы. /2 раза/

И вот сижу я в Туруханском крае,
Где конвоиры строги и грубы.
Я это все, конечно, понимаю,
Как обостренье классовой борьбы. /2 раза/

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры раздували пламя,
Спасибо вам, я греюсь у костра. /2 раза/

Я вижу вас, как вы в партийной кепке
И в кителе идете на парад.
Мы рубим лес, и сталинские щепки,
Как раньше, во все стороны летят. /2 раза/

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Мы их не накрывали кумачом.
Один из них был правым уклонистом,
Второй, как оказалось, не при чем. /2 раза/

Живите ж тыщу лет, товарищ Сталин,
И как бы трудно не было здесь мне,
Я знаю, будет много чугуна и стали
На душу населения в стране. /2 раза/

- - -

У меня гитара есть, расступитесь стены,
Век свободы не видать из-за злой фортуны.
Перережьте горло мне, перережьте вены,
Но только не порвите серебряные струны. /2 раза/

Я зарежусь в землю, сгину в одночасье.
Эх, кто бы заступился за мой возраст юный,
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части,
Эх, только б не порвали серебряные струны. /2 раза/

Но гитару унесли, с нею и свободу.
Упирался я, кричал, - Сволочи! Паскуды!
Вы втопчите меня в грязь и бросьте меня в воду,
Только не порвите серебряные струны. /2 раза/

Что же это братцы, не видать мне что ли
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?
Загубили душу мне, отобрали волю,
А теперь порвали серебряные струны. /2 раза/

- - -

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Как люблю я стоять у дороги, /2 раза/
Запоздалых прохожих пугать.

- Гражданин, разрешите папироску?
- А я не курю. - Извините. Пока.-
И тогда я так тихо без спросу
Отбираю у дяди бока.

Сделав вид, что уж все позабыто,
Отбежав на полсотни шагов,
Обзовет меня дядя бандитом,
Хулиганом -и будет таков.

Но если женщину я повстречаю,
У нее не прошу закурить,
А спокойно ей так намекаю, /2 раза/
Что ей некуда больше спешить.

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги, /2 раза/
Только лучше б мне баб не встречать.

- - -

Камнем грусть висит на мне, в омут меня тянет.
Отчего любое слово больно нынче ранит?
Просто где-то рядом стали табором цыгане
И тревожат душу вечерами.
И как струны поют тополя, хоп, ля-ля-ля-ля, ля-ля,
И звенит, как гитара, земля, ля-ля-ля.

Утоплю тоску в реке, украду хоть ночи я,
Там в степи костры горят, и пламя меня манит.
Душу и рубаху, эх, искромсаю в клочья,
Только пособиите мне цыгане.
Я сегодня пропьюсь до рубля, хоп, ля-ля-ля-ля, ля-ля,
Пусть поет мне цыганка шая, ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля.

- - -

Капитана в тот день называли на "ты",
Шкипер с юнгой сравнялись в талантах,
Распрямяля хребты и срывая бинты,
Бесновались матросы на вантах.

Двери наших мозгов посрывало с петель.-
Миражи берегов, покрывала земель
Этих обетованных желанных
И колумбовых, и Магеланных.

Только мне не видать берегов и земель -
С хода в девять узлов сел по горло на мель,
А у тех молодцов благородная цель,
И в конце-то концов я ведь сам сел на мель.

И ушли корабли, мои братья, мой флот,
 Кто чувствительней, брызги сглотнули.
 Без меня продолжался великий поход,
 На меня ж парусами махнули.

И погоду и случай безбожно кляня,
 Мои пасынки кучей бросали меня,
 Вот два залпа со шлюпок и ладно –
 От Колумба и от Магелана.

Я пью пену, волна не догонит до рта,
 И от палуб до дна обнажились борта,
 А бока мои грязны, таи не таи,
 Так любуйтесь на язвы и раны мои:

Вот дыра у ребра – это след от ядра,
 Вот рубцы от тарана и даже,
 Видно шрамы от крчьев – какой-то пират
 Мне хребет перебил в абордаже.

И как старый неровный гитаровый гриф –
 Это брюхо вспорол мне коралловый риф.
 Задыхаюсь, гнию, так бывает –
 И просоленное загнивает.

Ветры кровь мою пьют и сквозь щели снуют,
 Прямо с бака на ют. Меня ветры добьют.
 Я под ними стою от ура до утра,
 Гвозди в душу мою забивают ветра.

И гулякой шальным все швыряют вверх дном
 Эти ветры, незванные гости.
 Захлебнуться бы им в моих тринах вином
 Или с мели сорвать меня в злости.

Я уверовал в это, как загнанный зверь,
 Но не злобные ветры нужны мне теперь.
 Мои мачты, как дырявые руки,
 Паруса – словно груди старухи.

Будет чудо восьмое – и добрый прибой
 Мое тело омоет живою водой.
 Море – божья роса, с меня снимет табу,
 Вздует мне паруса, будто жилы на лбу.

Догоню я своих, догоню и прошу –
 Позабывшую помни армаду.
 И команду свою я обратно пушу,
 Я ведь зла не держу на команду.

Только кажется нет больше места в строю.
 Плохо шутишь, корвет, потеснись, раскрой.
 Как же так, я ваш брат, я ушел от беды...
 Полевее, фрегат, всем нам хватит воды.

До чего ж вы дошли?
 Значит, что ж, мне уйти?
 Если был на мели –
 Дальше нету пути?

Разомкните ряды, все же мы корабли.
 Всем нам хватит воды, всем вам хватит земли,
 Этой обетованной, желанной,
 И колумбовой, и магеланной.

- - -

Протопи ты мне баньку по-белому,
 Я от белого свету отвык.
 Угорю я, и мне, угорелому,
 Пар горячий развяжет язык.
 Протопи ты мне баньку, хозяйшка,
 Раскалю я себя, распалю,
 На пологе у самого краешка
 Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
 Ковш холодный - и все позади,
 И наколка времен культа личности
 Засинеет на левой груди.

Протопи, протопи, ты мне баньку по-белому,
 Чтоб я к белому свету привык,
 Угорю я, и мне, угорелому,
 Пар горячий развяжет язык.

Сколько веры и лесу повалено,
 Сколь изведано горя и трасс.
 Как на левой груди профиль Сталина,
 А на правой Маринка анфас.
 Эх, за веру мою беззаветную
 Сколько лет отдыхал я в раю,
 Променил я на жизнь беспросветную
 Несусветную глупость мою.

Протопи, протопи, протопи ты мне баньку по-белому,
 Я от белого свету отвык.
 Угорю я, и мне, угорелому,
 Пар горячий развяжет язык.

Вспоминаю, как утречком раненько
 Брату крикнуть успел: "Пособи!" -
 И меня два красивых охранника
 Повезли из Сибири в Сибирь.
 А потом на карьере ли, в топи ли,
 Наглотавшись слезы и сырца,
 Ближе к сердцу кололи мы профили,
 Чтоб он слышал, как бьются сердца.

Протопи, не топи, не топи ты мне баньку по-белому,
 Я от белого свету отвык.
 Угорю я, и мне, угорелому,
 Пар горячий развяжет язык.

Ох, знобит, от рассказа не тошно вам.
 Жар мне мысли прогнал от ума.
 Из тумана холодного прошлого
 Окунаюсь в горячий туман.
 Застучали мне мысли под темечком,
 Получилось - я зря им клеймен...

И хлещу я, и хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи, не топи, протопи ты мне баньку по-белому,
Я от белого свету отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий, ковш холодный развяжет язык.
Протопи, не топи, протопи...

- - -

Алексей Хвостенко /совместно с Анри Волохонским/

Нам архангелы пропели,
Нас давно на небе ждут.
Ровно через две недели
Начинаем страшный суд.

На суд, на суд архангелы зовут,
На суд, на суд нас ангелы зовут,
На суд, на суд, на самый страшный суд,
На самый страшный суд.

Две недели пролетели,
Наступил последний день,
Снова ангелы запели,
Было небо, стала тень.

На суд, на суд архангелы зовут,
На суд, на суд нас ангелы зовут,
На суд, на суд торопится народ,
А мы - наоборот.

Михаил гремит трюмбоном,
Гавриил трубит трубой,
Рафаил за саксофоном,
Уриил дудит в гобой.

На суд, на суд картавые идут,
На суд, на суд плюгавые идут,
На суд, на суд спонявые идут,
Сопливые бегут.

Ну-ка, грянь жезлом железным
Да по глиняным по лбам,
По красивым, по облезлым,
По повапленным гробам.

На суд, на суд покойники идут,
На суд, на суд полковники идут,
За ними подполковники идут,
Хреновину несут.

В Вавилоне дремлет башня,
Небеса стоят вверх дном.
Все дрожат, а нам не страшно -
Пусть смолой горит Содом.

А нас, а нас давно на небе ждут,
Пускай еще немного подождут,
Пускай сперва камору подождут,
А нам протянут жгут.

Мы невинные младенцы,
Двенадцать тысяч юных душ,
Чистой истины владельцы,
Мы всю жизнь мололи чушь.

А нас, а нас не тронут в этот час,
А нас, а нас сперва посадят в таз,

Потом слегка водою обольют -
Вот весь наш страшный суд.

- - -

Сломали ребята копилку, а в ней полтора пятака.
Везут их с конвоем в бутылку, а в небе плывут облака. /2 раза/

Сломалась у бабки карета, и нету в седле ямщика.
Подружка бежала с бр'нетом... а в небе плывут облака. /2 раза/

Судья замочил адвоката - отца своего, старика,
Повсюду рыдают сироты... а в небе плывут облака. /2 раза/

Тонимся мы утренним светом, в ущелье стекает река.
Скучают по зонам поэты... а в небе плывут облака. /2 раза/

Хозяин упрятал деньжонки под крышей в подвал чердака.
Он машет руками в кошонке... а в небе плывут облака. /2 раза/

Не знают ни плана, ни сметы в колхозах его, мудака,
В полях плодоносят букеты... а в небе плывут облака. /2 раза/

Ах жизнь, до чего ты чревата, бочком угрожает ЧК.
Я из дому вышел, ребята... а в небе плывут облака. /3 раза/

- - -

Льет дождем июнь, льет дождем июнь,
А мы с Васей вдвоем под дождем стоим.
Мы стоим под дождем и когда пройдет он ждем,
А когда пройдет он, мы домой пойдём.

Под дождем стоять нам резону нет.
Мы хотим в кабак, только денег нет.
Хоть бы кто-нибудь нас пригласил с собой поесть,
Но у нас кто не работает, так тот не ест.

А работать мы не хотим никак -
На зарплату нам не купить коньяк,
Ну а водку пить и спирт мы не хотим,
Вот потому мы не рабо-та-им.

И сухое вино мы не пьем давно,
Так как денег нет даже на кино.
Мы б сидели в кинe и мечтали б о вине,
Что пьют в киношной сказочной стране.

- - -

Илий Ким

Мороз трещит как пулемет, трещит над полем боя,
И пять машин, как пять собак, рычат и жаждут крови,
И добровольный опервзвод стоит уже конвоем -
Им только б знак, а знак и так сорваться наготове.

Тут за стеною стали в круг законы вне закона.
Корреспонденты в стороне внимательно-нейтральны,
И горстка граждан жметса тут, как зеки в центре зоны -
Пришли за правду порадеть и крест принять опальный.

На тышу академиков и член-корреспондентов,
На весь на образованный культурный легион
Нашлась лишь эта горсточка больных интеллигентов
Вслух высказать, что думает здоровый миллион.

Вон бывший зек стоит себе, ногой колотит ногу,
И вон полковник КГБ ногой колотит ногу.
Вон у студента, у врача, отец замерз на БАМе,
А у того - у стукача - зарыт под Соловками.

И вот стоят лицо в лицо, и суть не в поколениях,
Не сыновья против отцов, а сила против правды.
Видать, опять пора решать, стоять ли на коленях,
Иль в Соловки нам поспешать, иль в оперлейтенанты.

Ах как узок круг этих революционеров,
То-то так легко их окружили во дворе.
И тоже вне народа, и тоже для примера...
И дело происходит тоже в старом декабре.

- - -

Мы об Марксе твердим и об Ленине,
Отцепенцев к столбу пригвоздив.
Все, что мы утверждаем на Пленуме,
Подтверждает потом партактив.
И не в форме тут дело, а в принципе,
Так что в целом и то ничего,
Что как рвенье дойдет до провинции,
Гвозданут иной раз не того.

Призовем из писательской шатии
Самых злых медведей-шатунов.
Облегчим мощью всей демократии
Лебедей-крикунов от штанов.
Ишь зажрались харчей наших, нелюди,
Обнаглели и воду мутят...
Ничего, мы напомним, как лебеди
Обращаются в гадких утят.

И все-таки я кумекаю, что где-то за спиной
Исходит сука некая опять гнилой слюной,
И вместе с подлой кодлою на черном на крыльце
Страну порочит родную в моем лице.

Нет, ну вы послушайте, что они поют.

Нет, вы поставьте эту пленочку на магнитофон, "Ирий Василич, и послушайте,
что они поют.

Нам об Марксе твердят и об Ленине,
 Нам на них отверзают глаза.
 Ну а сами из Маркса ни бе ни ме,
 И из Ленина тож ни аза.
 А на что им копать да пачкаться,
 Стоит слово сказать и начать,
 Как цитата сама обозначится,
 Словно знаменье или печать.

Эрудиция унд юрисдикция
 Означает мозгов нищету,
 Если право у вас и традиция
 Человека считать за щепу.
 Обличат, обзовут отщепенцами,
 Обвинят и младенца во лжи...
 И за то, что не жгут как в Освенциме,
 Ты еще им спасибо скажи.

- - -

Ой, не плётите, хунвейбины,
 Вы поймите наконец -
 Он ведь с нами, наш любимый,
 Наш учитель, наш отец.
 Он в кацапах, и в китайцах,
 И в печонках, и в кишках,
 Он сидит глубоко в яйцах
 И диктует каждый шаг.

Побранил его Никита,
 Злого слова не вернуть,
 Но ведь можно шито-крыто,
 Потихоньку как -нибудь.
 Ну зачем хватать так грубо,
 Можно ж психом объяснить,
 Ну зачем так сразу в зубы,
 Можно ж громкость отключить.

Ну зачем кричать, горланить,
 Намекните в телефон.
 На худой конец, парламент
 Примет вам любой закон.
 Ну а если кто безбожно
 Вдруг поднимет шум и гам -
 Тут уж ладно, тут уж можно,
 Тут уж нужно - по зубам.

- - -

Стукачи собрались на своей единственной явочной квартире, где нет ни одного микрофона. Они в крылатках, горит свеча на столе, "свеча горела". И вокруг нее они, они отводят душу:

Значит так, где-то, кто-то, как-то -
 Ишь нахальство каково -
 Вроде бы пикнул, пукнул, какнул
 И даже чхнул на кой-кого.

А другой слышал, как он какнул,
Как он пукнул во всю мочь,
Но не стукнул и не капнул,
А значит он - и сам непрочь.

Ну, а выводы за вами,
Наше дело доложить.
Наше дело знаем сами -
Ваше тело сторожить.

Значит так, где-то некий некто
Разошелся до того -
Вроде бы пикнул, бекнул, мекнул
И намекнул на кой-кого.
А другой слышал, как он пукнул,
Как он мекнул во всю мочь,
Но лишь крякнул, а не цыкнул,
А значит он - и сам непрочь.

Ну, а выводы за вами,
Наше дело доложить,
Наше дело знаем сами -
Ваше тело сторожить.

Иной раз где-то кто-то что-то...
Чья работа - следу нет.
Но уж это нам забота:
Была б работа, будет след.
Иной раз крикнут, крякнут, хрюкнут,
Не всегда уловит слух.
Но уж если кто-то пукнет -
У нас на то и слух, и нюх.

Ну, а выводы за вами,
Наше дело заложить,
Наше дело знаем сами -
Ваше тело сторожить.

Значит так, секты есть и банды,
И у каждой свой еврей:
У одних Мендель, у других Мандель,
А Мандельштам - и сам архиерей.
Так они ходят между нами,
Их не сразу отличишь:
"Новый мир" в одном кармане,
Ну, а в другом - конечно шиш.

Ну, а выводы за вами,
Наше дело - заложить,
Наше дело знаем сами -
Ваше тело сторожить.

- - -

-Послушайте, да вы наверно слышали -
Опять у нас берут за анекдоты.
Да вот недавно - Иванова вышибли с работы,
Ну что за идиоты.

-А слышали, опять готовят акцию -
Твардовского задумали отставить?
Уж коль не человека, так редакцию,
Но надо ж кого-то обезглавить.

-А вы небось знакомы с этим опусом,
Его писал конечно Солженицын.
За это можно семичасным образом
Накрыться, так годиков на тридцать.

-А как вам эти клятвы, заверения,
Что вывелись у нас антисемиты?
А Бабий яр заброшен тем не менее,
Как будто они все там зарыты.

-А как вам эта глупая комедия
С мощами неизвестного солдата?
-Да все вообще пятидесятилетие.
Вот дата, тут года маловато
Для всех парадов пламенных,
Докладов твердокаменных -
Уж то-то будет скука.
Ни шепота, ни ропота, зато простор для топота, и грохота,
И стука, и стука, и стука...

-Ну хватит, - говорит первый, - Мы уж можем познакомиться.
И вынимает красную книжечку. - И личность ваша, вроде, мне знакома.

Второй отвечает:

- Да-да, конечно, мы встречались, помнится, у Дома напротив гастронома.
- Напротив Мира детского
- У Моста Кузнецкого
- На площади Дзержинского
- Того, я сделал жизнь с кого
- Я шел на заседание
- А я шел на задание

- Так пойдем разопьем поллитровочку
Под прелестные песни Высоцкого.
Подарю вам такую листовочку...
- А я вслух читаю из Троцкого.

- - -

Пятьдесят лет назад маво деда старший брат
В Петрограде Зимний брал Дворец.
Он старался, брал его, а у деда моего
Между тем родился мой отец.
Пели мальчику "много лет",
Вот и смена для нас, стариков,
По газетам, по всем по приметам
Ты, мой милый, пойдешь далеко.

Сорок лет тому назад маво деда старший брат
 За троцкизм убыл из рядов.
 У него родной мой дед лично принял партбилет
 И сказал немало горьких слов.
 И тому уж тридцать лет, как исчез родной мой дед
 За свое троцкистское родство.
 "У кого есть партия, для чего тому семья?" -
 Так в доносе папы моего.

Годик в годик журут двадцать лет тому назад
 Появился я на белый свет.
 "Он мне дорог, сей птенец", - так шутил в гостях отец,
 И при этом гладил партбилет.
 Десять лет тому назад воротился в Ленинград
 Реабилитированный дед.
 Воротился, но узнав, что мой пала - замначглав,
 Тут же тихо убыл на тот свет.

В этот год различных дат стал я тоже кандидат
 И гляжу на папу своего -
 Он, конечно, молодцом, но в кармане боковым
 У меня есть тоже кой-чего...
 И вообще он стареет с годами,
 Новых тонкостей в толк не берет,
 Называет Израиль "жидами"
 И, тем самым, на мельницу льет...

- - -

Живем мы в нашем лагере, ребята хоть куда.
 Под красными под флагами ударники труда.
 Кругом так много воздуху, сосняк тебе, дубняк...
 И кроме зоны отдыха, есть зона просто так.

Начальник наш - родитель нам, точнее скажем "кум",
 И под его водительством беремся мы за ум.
 Живем мы, как на облаке, есть баня и сортир...
 А за колечей проволокой пускай сидит весь мир.

- - -

Песня, посвященная новому жанру и направлению в современной литературе -
 эпистолярному.

В Центральной Комитет КПСС от некоторых представителей отдельной советской
 интеллигенции частное письмо:

До чего же плохо все у нас пока,
 А куда же смотрит наш родной ЦК?

-Ах, что вы говорите, так искренно причем.
 Пишите нам, пишите, а мы прочтем, прочтем.

А куда же смотрит наш родной ЦК?
 Ничего не видит он наверняка.

«Да что вы говорите, так искренно причем.
Пишите нам, пишите, а мы прочтем, прочтем.
Прочтем и погутаим, и снова перечтем,
И сами все напишем, и вышлем, и пошлем...

— Ах, что вы говорите, все так знакомо нам.
Пишите нам, пишите по новым адресам.
Пишите нам, пишите по новым адресам...

— — —

Люблз свою бандуру за этакий настрой —
Ну так и тянет, дуру, поклеветать на строй.
Поочернить действительность, позлобствовать на власть.
На собственную бдительность ей, видимо, накласть.

Ведь что же получается? — Чуть тронешь инструмент —
Тотчас же начинается двусмысленный момент.
Чуть тронешь эти гусли — растут со всех углов
Увесистый ли ус ли, развесистая ль бровь. /2 раза/

Решусь быть чистым загодя, и все ж перехожу
От цветочков к Ягоде, от Ягоды — к Ежу
И далее по-быстроу, покуда не дождусь
Как Счастливым приставом запахнет на всю Русь. /2 раза/

— — —

Все улицы как будто стали краше,
И солнце как бы входит в каждый дом.
Сегодня все трудящиеся наши и не наши
Испытывают радостный подъем.

Рабочие, крестьяне, инженеры,
Покинувши заводы и жнивье,
Интеллигенты и милиционеры
Единство демонстрируют свое.

Они идут с плакатами, цветами,
На них костюмы новые видать.
Давно уже расстались мы с цепями,
Нам, слава Богу, есть чего терять...

Теперь добавьте что-нибудь про космос,
Чего-нибудь про радостный расцвет,
Потом поставьте собственную подпись
И тут же отнесите в Комитет.

— — —

Четырнадцать лет пацан попал в тюрьму,
В одну из камер - номер сорок восемь /вот бедняга!/.
Четырнадцать статей предъявлено ему:
Политбандит, вообще семит, и неизвестно чей наймит,
И поджигатель кажется Кремля, не то Рейхстага/вот это передрыга/.

Вот это арестант! Наверно, он - талант,
Вообще они талантливы, все эти иудеи.
Четырнадцать лет, пацан еще и шкет,
А он уже политбандит, уже наймит, уже семит,
И вроде поджигатель Третьяковской галереи.
Уж эти мне евреи.

А чтобы не скучал способный сорванец
И правильно воспитывался в камере вонючей,
К нему и посадил заботливый отец
Одних ученых десять тыщ, и неученых десять тыщ,
И несколько миллионов просто так, на всякий случай.

Тра-та-та, тра-та-та, волокли в тюрьму kota,
Чирика, собаку, петьку-забияку, обезьяну, попугая -
Вот компания какая, вот компания какая
Была проведена... Три тыщи лет тому
У племени муму обычай был - детей дарить языческому богу,
И гибли пацаны, не зная почему,
А сейчас известно хоть кому, за что его и что ему -
Прогресс ведь все-таки движется куда-то понемногу.
Ну и слава Богу...
А то, куда он движется, и то, на чем он зиждется,
Известно Одному, а больше никому...
Четырнадцать лет пацан попал в тюрьму.
За что и почему, не ясно никому, а только Одному... Ау...

- - -

Весна за окном. Она была три года назад. 8 марта 63 года он встретился с ней... Она была... советская интеллигенция.

Солище светит, но не греет, это не беда.
Разлилося половодье - полая вода.
Радости для мелкого и крупного скота -
"Оттепель" настала, но не та...
Эх, полая вода, веселая вода, мутная, распутная, беспутная вода.
Берите невода, кидайте кто куда, тяните, братцы, рыбку из пруда.

Среди неба ясного грянул первый гром.
Все кипит и пенится, как будто старый ром.
Весенний шум, зеленый шум идет, цветет, бредет,-
Как сказал Некрасов... но не тот.

Эх, полая вода, веселая вода, ой, мутная, распутная, беспутная вода.
Берите невода, кидайте кто куда, тяните, братцы, рыбку из пруда..

Ах, какое времечко, не времечко - мечта,
Как раскукарекались повсюду Кочета.
Ведь такого пения, какое на дворе,
Я не слышал даже в "Октябре".

Весенняя вода, веселая вода, мутная, распутная, беспутная вода.
Берите невода, кидайте кто куда, тяните, братцы, рыбку из пруда...

Запомни же, товарищ, если ты не пень,
Первый наш весенний праздник... то есть женский день.
Против формалистов, сионистов и проныр
Пусть цветет наш новый, новый, новый "Новый мир".
Весенняя вода, веселая вода, мутная, распутная, беспутная вода,
Берите невода, кидайте кто куда, тяните, братцы, рыбку из пруда...
Потому что в мутной водичке легко рыбку ловить, между прочим...

Между прочим, настал октябрь 64 года.

Иные времена настали наконец-то,
Иные имена поставлены на место.
Полундра! Так держать!
Без шума и парада -
С одной стороны,-пущать!
С другой стороны,-не надо...

Не надо грозных фраз,
А также подлой лести.
Сижу я ради вас
На том же самом месте.
Уж больше не кричу
И совесть понимаю.
С одной стороны, молчу,
С другой стороны, воняю...

Не слушайтесь меня,
Уж я интеллигентен,
В искусстве вашем я
Совсем не компетентен.
Твори себе, дерзай,
Греми своей бандурой.
С одной стороны,-валяй!
С другой стороны,-подумай, подумай, подумай...

- - -

КАССЕТА 111-5Борис Алмазов

Под громкое, троекратное, раскатистое "ура!"
 Присягу императору давали юнкера.
 Каникулы, каникулы, в собраниях вечера...
 Этот вальс вас ублаживал, опьянял вас, юнкера.

Этот вальс, этот вальс, этот вальс,
 Наивный, как весна.
 Этот вальс, этот вальс, этот вальс,
 И вам, юнкера, не до сна.
 Этот вальс, этот вальс, этот вальс,
 Струится воженный паркет.
 Этот вальс, этот вальс, этот вальс,
 Шестнадцать юнкерских лет.

А после под вой шрапнельный мальчишки по Дону прошли...
 Зашитые в полу шинели тряпицы российской земли.
 В бензиновом, в асфальтовом, в парижском бреду
 Этот вальс вас успокаивал, отводил от вас беду.

Этот вальс, этот вальс, этот вальс,
 Оркестра военная медь.
 Этот вальс, этот вальс, этот вальс
 До сих пор продолжает звенеть.
 Этот вальс, этот вальс, этот вальс,
 Как будто все было вчера.
 Этот вальс не забыл, этот вальс помнит вас,
 Юнкера, юнкера, юнкера.

- - -

Все резче графика у глаз, все гуще проседи мазня.
 А дочь моя не родилась, и сына нету у меня.
 И голос нежности моей звучит томительно и зло,
 Как шмель в оконное стекло в июльской духоте ночей.

И в темноте, проснувшись вдруг,
 Всей грудью чувствовать - вот тут -
 Затылка невесомый пух
 И детских пальцев теплоту...

А утром настаеть окна в сад,
 И слышать в гомоне ветвей
 Невыдуманных мной детей
 Всамделишные голоса.

Все резче графика у глаз, все гуще проседи мазня.

- - -

Мне теперь все чаще снится
 Все минувшее давно:
 Как ты юбкой своей ситцевой
 Занавесила окно.
 И весь день до самой ночи

Миловалася со мной.
 Что ты, что ты, что ты?
 Она говорит, — День мой.
 День мой, час мой, что ж я с тех пор несчастный?
 День мой, час мой, такой далекий.
 Что ж я с тех пор одинокий?

Ворочусь ли, не спросила,
 Как ушел я по росе.
 Лента алая пылала
 В твоей спутанной косе.
 День мой, час мой.
 Что ж я с тех пор несчастный?
 День мой, час мой, такой далекий.
 Что ж я с тех пор одинокий?

Мне теперь все чаще снится
 Все минувшее давно:
 Как ты юбкой своей ситцевой
 Занавесила окно.
 День мой, час мой.
 Что ж я с тех пор несчастный?
 День мой, час мой, такой далекий.
 Что ж я, как перст, одинокий?

— — —

Солнце, горячее солнце мне голову плавит,
 Щеки мне жжет полынный ветер-горюн.
 Видишь, летит, летит, будто рыжее пламя.
 Слышишь, кричат жеребцы, — это скачет табун.

Ночь все закроет, закроет все шапкой мохнатой.
 Я отыщу тебя в пыльном твоём кишлаке.
 Выйди, родная, выйди, родная, кохане,
 Звезды сияют, как дыры в моем башлыке.

И как будто нет городов и дорог за спиной.
 Тысячу верст, тысячу зим, тысячу лет.
 Степь да табун, степь да табун со мной.

/Припев/

Ветер грудь, грудь тебе расцелует.
 Как не боится он губы обжечь тобой?
 Каменный идол, каменный идол танцует,
 Пляшет и скачет, скачет под белой луной.

Припев .

— — —

Мы ушли и в дорогах запутались,
 Потеряли мы путь домой.
 Но мы помним тебя, мы помним,
 Дом родной и Дон родной.

Степь моя — широта нераспаханная,

Орлы на курганах сидят
И на солнце глядят не мигая,
Тоскливо и вольно глядят.

/Припев/

Ты прости, земля кровью политая,
Может, плохо хранили тебя.
По дорогам, путям растерялися
Твои бедные сыновья.

Ты простишь, ты ж такая добрая,
Будто мать, ты не помнишь зла.
Где-то бродят по трудным дорогам
Твои горькие сыновья.

Припев.

- - -

Мой дед летал во сне до самой старости,
Отталкивая землю на бегу.
А я вот не могу, такая жалость,
Моложе, а летать я не могу.

Не могу летать, не могу мечтать,
Не могу надеяться, верить, как он.
Только и осталось - гордости малость,
Звание казачье да синеглазый Дон.

А дед мой был куда меня несчастливей,
И не его была вина -
Беды, аресты, напасти,
Кровавая гражданская война.

А он все ждал, ждал, ждал, он все надеялся
На новый век, на добрый век.
Хороший мой, честный мой, славный мой, наивный мой,
Несчастный счастливый человек.

А он во сне летал до самой старости,
Отталкивая землю на бегу.
А я вот не могу, какая жалость,
Моложе, а летать я не могу.

Не могу летать, не могу мечтать,
Не могу надеяться, верить, как он.
Только и осталось - гордости малость,
В сундуке лампасы да синеглазый Дон.

- - -

По каким Италиям судьбы разметали вас,
По каким Америкам пропали вы, донцы?
Не дождались дети вас, не дождались жены вас,
Не дождались матери, отцы.

Где вы бродите, в каких краях скитаетесь,

Где могилы ваши замечает пыль?
 А у нас все так же песни не кончаются,
 Да в степи качается серебряный ковыль.

Повторяется первая строфа.

- - -

А ты говоришь, я не рад,
 А ты говоришь, я не весел.
 Я тысячу лет подряд
 Не пел и не складывал песен.

Тихо, тихо, тихо, тихо,
 Слышишь слева? Дай ладони.
 Будто маленькая птица,
 Что-то плещется в груди.
 Ко мне милая вернулась,
 Ко мне сердце воротилось,
 Я теперь опять спокоен,
 Только ты не уходи.

/Припев/

А мне без тебя от тоски нет спасенья,
 Я просто мертв, когда мы с тобой врозь.
 И каждая капля дождя осеннего
 Меня, будто тень, пробивает насквозь.

Что мне делать, если сердце покатилося за тобой
 Желтым мячиком по шпалам, желтым зайцем по стене.
 Проводком горело в лампе, золотило снег зимою,
 Помогало улыбаться и летать тебе во сне.

А мне без него от тоски нет спасенья.
 Я просто мертв, когда мы с тобой врозь.
 И каждая капля дождя осеннего
 Меня, как мишень, пробивает насквозь.

Припев.

- - -

Вот и вспомнил я старые истины: пожар, мол, не страшен нищему,
 Одна голова не бедна, а коли бедна - все одна.

Над моей забубенной головешкой
 Только небес синева,
 По моей разудалой головешке
 Метелью пошла седина.

А пил и гулял, и грехов не считал -
 Грехи сосчитают за мной.
 И женщин, конечно, подряд целовал
 И не пропускал ни одной.

Но в шумном пиру, где вино как вода,
 И бабы хохочут до солнца,
 Я помнил везде, я помнил всегда -

За все расплатиться придется.

Тяжела мне ладонь твоя, Господи,
Тяжела, горяча.
Придавила печаль меня, Господи,
Как свинец на плечах.

Вот и вспомнил я старые истины: пожар, мол, не страшен нищему,
Одна голова не бедна, а коли бедна — все одна.

Над моей одинокой головешкой
Только небес синева.
По моей разудалой головешке
Пожаром пошла седина.

- - -

Где ж скрылись вы, серебряные кони,
В какой вы сон, в какую степь ушли?
Наверно вас и время не догонит,
Не остановят травы-ковыли.

Вы снитесь мне ночами голубыми,
Прозрачен и бесшумен ваш галоп,
И снятся мне табунчики седые
В папах, грустно сдвинутых на лоб.

Вас не вернуть, как не вернуться в детство,
Как родины ушедшей не вернуть,
Вас не забыть, не выбросить из сердца,
Не отыскать до счастья скорый путь.

Повторяется первая строфа.

- - -

Да что вперед загадывать, что умом раскидывать?
Судьба меня не спросится, на то она — судьба.
И под окном зацокает тревожными копытами,
Прощай, моя красавица, прощай ли навсегда.

За стремя не удержишься и рухнешь в пыль дорожную,
Прощай, моя хорошая, зовет, кричит труба.
Прощай, моя хорошая, вернуться невозможно мне,
Казачья моя доля — тревога и война.

И белый сад закроется за мной, как белый занавес.
Прости меня, красавица, зовет, кричит труба,
Прощай, моя хорошая, вернуться невозможно мне,
Казачья моя доля — тревога и война.

Повторяется первая строфа.

- - -

Предок, кинжал не носил я бесценный,
Шашки старинной не брал я в бои.

Так не судите меня за измену,
Предки мои, предки мои.

Песни свои я пишу на бумаге,
Мерю пальто городского сукна.
Но без упорства, без вашей отваги
Грош мне цена, грош мне цена.

Много я видел невиданных вами
Стран и народов, неведомых вам,
Но, воротясь, припадал я губами
К отчим камням, к отчим камням.

Повторяется первая строфа.

- - -

А у нас по Дону осенью дожди, дожди идут,
А по дорогам, да по проселочным рекрутов на станции ведут.

Ох, и заплачут рельсы под вагоном,
Ох, и нельзя, нельзя, не велено назад.
На плечах твоих, мальчишка погоны,
Твое звание солдат, солдат, солдат.

Да что-то душу, да туча черная,
Как будто очи едим дымом заволочило.
Там за холмом моя станица,
Моя станица, хаты заколочены.

А прежде там сирень цвела, взрывалась,
Соловей в саду, как пьяный, щебетал. /Припев/
Моя станица, что с тобою сталося?
Да кто ж тебя, родную, так заколдовал?

А мимо окон, да все знакомые,
Да все родные, все станичные места.
А нам не жить здесь по закону,
А нам не будет здесь ни дома, ни креста.

Припев

А по Дону ~~последней~~ осенью дожди, дожди идут,
А по дорогам по проселочным казачков на станции ведут.

- - -

За Охтою, за Охтою, на Выборгской стороне
Вчерашние солдаты пели о войне.
Мотался дым над трубами, закат пылал в окне.
Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горюшь в огне. /2 раза/

Со смены шли рабочие, за Охтою дождик лил,
И, ручку шарманки ворочая, безногий на водку просил.
Убитых фотографии пылились на стене.
Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горюшь в огне. /2 раза/

Вагоны, бараки, землянки, марлевый вдовый уют.
 Еще утрами ранними по карточкам хлеб дают.
 Сквозь годы, расстояния звенит, болит во мне:
 Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горюшь в огне.

/2 раза/

- - -

Из дальнего детства, как сон незабываемый,
 Мчит конь, стремянами звеня.
 Дедовы руки, сожженные ветром,
 В седло поднимают меня.

Багровое солнце катилось над степью,
 Отара пылила вдали.
 Я все голоса, я все запахи помню
 Полынной казачьей земли.

Ах, как сердце горит, ах как жжет простыня по весне.
 Снова белые хаты, снова крик петушинный мне видеть во сне.
 И та капелька крови, что от предков досталась, будто уголь разгорелась
 в груди.
 Ах ты, ветер полынный, ах ты, ветер горячий, душу мне разбередил.

Куда мне деваться от черного ветра,
 От песни о черных конях?
 Напрасно ты ищешь свое отраженье
 В моих побелевших глазах.

Из дальнего детства, как сон незабываемый,
 Мчит конь и уносит меня,
 До тихого Дона, до синего Дона
 Мчит конь, стремянами звеня.

- - -

Мечтающий о чуде, о корме, о тепле,
 Ходил последний мамонт, последний на земле.
 Среди костей товарищей, обглоданных ветрами,
 Ходил, как на пожарище, живой огромный памятник.

И перед тем, как лечь на снег, как помереть ему,
 Он думал, думал, думал - за что и почему?
 Орел кормился кровью, а мамонты травой,
 Но мамонты повыверли, а вот орел живой.
 А может, стать поменьше, согнуться в три погибели -
 Комар с лягушкой выжили, а мамонты погибли.

Теперь тот мамонт выкопан, посажен под стекло.
 Экскурсоводы тыкают указками в него.
 А он сидит, не чувствует, согнув покорно спину,
 И все решить не может вопрос неразрешимый.

- - -

Я выйду из товарного вагона
 На площадку родного перрона.
 Ой вы, горы, ой вы, горы, вы, Карпаты,
 Я домой вернулся, был солдатом.

Ой вы, горы, мои горы, лист зеленый.
 Первым делом я сниму, выброшу погоны.
 Ой ты, птица - воробей в серенькой шинельке.
 Я из бука при дороге вырежу жилейку.
 Ни регалий, ни наград нет. Я домой иду живой в двадцать лет.
 Говорят, - свинья, солдат ты, молдаванин. -
 Ну какой же я солдат? Я - крестьянин.
 Ой ты, птица-воробей в серенькой шинельке.
 Я из бука при дороге вырежу жилейку.

Ни регалий, ни наград нет.
 Я домой иду живой в двадцать лет.

- - -

Сквозь печали, боль, тоску
 Я прошел живой.
 Прислонился к косяку -
 Я пришел домой.

Только притолока в доме, только притолока в доме
 Стала мне низка.
 Да одежда моя прежняя, да одежда моей юности
 Мне в плечах узка.
 Только мама моя стала легкая, как тень.
 За окошком сад разросся,
 Одичал мой виноградник, повалил плетень.

Сад ты мой заброшенный,
 Виноград мой неопаненный.
 Заросла злой крапивой некошенной
 Тропка та, что тобою протоптана.
 Как проходишь ты стороной,
 Я шмрю из-за плетня,
 На руках твоих мальчонка,
 Не похожий на меня.

Я не плачу, я - солдат,
 Люди зря смеются.
 Это кислый виноград, одичал мой виноград -
 Вот и слезы льются.

Сквозь печали боль, тоску.....
 /Повторяются первая и вторая строфы/.

- - -

И падал я в душные травы,
 Горячие губы лоя.
 Российские добрые бабы
 Любили, жалели меня.
 Жалели меня, окаянного,

Стирали мои рубахи,
Дурного, побитого, пьяного
Спасали из уличной драки.

Любили меня застенчиво,
И я не буду прощен,
Что доброе имя "женщина"
Я в лицах у них не прочел.

За то, что я их обманывал,
За то, что я их не любил,
За то, что утрами туманными
Я слишком легко уходил,
Не падать мне в жаркие травы,
Горячие губы лова.
Российские добрые бабы
Наверно, простили б меня,

Но я их имен не запомнил,
Я их не умею позвать.
А голос мой пропитый сорван,
Его самому не узнать.

И скошены травы густые,
Колочая колет стерня.
И только колосья пустые
Торчат, словно тычут в меня.

Здесь падал я в душные травы,
Горячие губы лова.
Российские добрые бабы
Любили, жалели меня.

- - -

-Ой мамо, мамо, чтой-то у нас в жити?
Ой мамо, мамо, казак лежити.
-Не бойся, мий сыночко,
Да он же спит.

-Ой мамо, мамо, чтой-то на нем красное?
Ой мамо, мамо, мени страшно.
-Не бойся, мий сыночко, це ж мака лепестки
Упали на казака, на грудь, на виски.

-Ой мамо, мамо, у него ж глаза открыты.
Ой мамо, мамо, а вин убитый.
-Молись за него, сыночка,
За нас с тобой полег.

- - -

На заржавленных рельсах у сожженных вагонов
От Лены-реки и до Буга
Мальчишки в буденовках, мальчишки в погонах
Перестреляли друг друга.

И валились на землю, сырую и внешнюю,

И на них белый сад опускал лепестки.
 На глаза их незрячие, на глаза их нездешние,
 Садились бабочки, мотыльки.

Да по дальним концам разоренной России,
 В городах, у икон в деревнях
 Только матери голосили
 О жестоких своих сыновьях.

Повторяется первая строфа.

- - -

В чулках полосатых, в жилетке тесной,
 В новой шляпе набекрень
 Шагал я в то утро воскресное
 На ярмарку а Литл-Гейм.
 Я в Литл-Гейм, я в Литл-Гейм,
 На ярмарку в Литл-Гейм.

А где меж камней хохотала река,
 Лицо я от пыли умыл
 И возле моста повстречал старика,
 Он с берега рыбу удил.
 Я в Литл-Гейм, я в Литл-Гейм.
 Он с берега рыбу удил.

Плотва серебрилась, скакал окунек
 В ведре, что поставил он в тень.
 -Далеко ль так рано шагаешь, сынок?
 Я ответил, - В Литл-Гейм.
 Я в Литл-Гейм, я в Литл-Гейм,
 На ярмарку в Литл-Гейм.

-Так, стало быть, есть еще ярмарки?
 Я, помню, на них танцевал.
 Девчонку я встретил на ярмарке
 И там в суете потерял.
 Как годы бегут, ах как годы летят,
 Текут, как меж пальцев вода.
 Но ту сероглазую с ярмарки
 Мне не забыть никогда.
 О Литл-Гейм, о Литл-Гейм,
 Юность моя, Литл-Гейм.

-Старик, не грусти по ушедшим годам,
 Былую любовь позабуди.
 Хочешь, я рыбу твою продам
 И куплю тебе что-нибудь?
 Я в Литл-Гейм, я в Литл-Гейм
 Куплю тебе что-нибудь.

- Ты прав, паренек, грусти - не грусти,
 Упустишь - не вернешь потом.
 Купи мне немного молодости,
 Устал я быть стариком.
 Как время бежит, ах как время течет,
 Но, кажется, сбрось я года,

Вернул бы ту прежнюю ярмарку
И не жалел никогда.
О Литл-Гейм, о Литл-Гейм,
Юность моя, Литл-Гейм.

В чулках полосатых, в жилетке тесной,
В новой шляпе набекрень
Шагал я в то утро воскресное
На ярмарку в Литл-Гейм, на ярмарку в Литл-Гейм, на ярмарку в Литл-Гейм.

- - -

Где ж ты, моя Настенька?
Где ж ты, моя ластонька?
Кто глядит теперь в твои цыганские глаза?
Моя медсестреночка, зелена гимнастерочка,
Я ж тебе заветных самых слов не рассказал.

Да пой, гитара, ох, сироту,
Да струны рвитесь, тоненько звеня.
А я не знаю к тебе дороги, /2 раза/
А мне негде увести коня.

Где ж ты, моя Настенька?
Где ж ты, моя ластонька?
Кто глядит теперь в твои цыганские глаза?
Ты ж моя девчоночка, зелена гимнастерочка.
На дороге пыльной след твой не сыскать.

- - -

Давайте после драки помашем кулаками.
Не только пиво-раки мы ели и лакали.
Нет, назначались сроки, готовились бои, /2 раза/
Готовились в пророки товарищи мои.

Теперь все это странно, звучит все это глупо -
В семи соседних странах зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов - фанерный монумент /2 раза/
Разгадка тех талантов, развязка тех легенд.

За наши судьбы личные, за нашу славу общую,
За ту строку отличную, что мы искали ощупью,
За то, что не испортили ни песню мы, ни стих, /2 раза/
Давайте выпьем, мертвые, за здравие живых.

А мрамор лейтенантов - фанерный монумент
Разгадка тех талантов, развязка тех легенд.

- - -

Нынче осенью все, как огнем, затопило.
Старики говорят, - все приметы к войне.
Вдоль солдатских дорог загорелась, пылает рябина.
Ах, как сердце мне жжет, ах, как жжет мне глаза,
Просто спасу мне нет.

Рябиновый, рубиновый, отчаянный, печальный,
 На весь на летний сад гремит оркестр.
 Уступите хоть раз, подарите мне вальс,
 Этот вальс для солдатских невест.

А вы говорите, – Мой милый, в глазах моих осень,
 И руки мои поцелуем тебе не согреть.
 А вы говорите, – Взгляни, на висках моих проседеь.
 Рябина горит, но она не сумеет сгореть.

Рябиновый, рубиновый, отчаянный, печальный,
 Как журавлиный крик, рыданье труб.
 Рябиновый, рубиновый, отчаянный, прощальный,
 Рябиновая горечь ваших губ.

Нынче осенью все, как огнем, затопило,
 Ах, правы старики, все приметы к войне.
 Вдоль солдатских дорог, будто свечи, пылают рябины,
 Ах, как сердце мне жгут, ах, как жгут мне глаза,
 И спасенья мне нет.

Рябиновый, рубиновый, отчаянный, печальный,
 Как журавлиный крик, рыданье труб.
 Рябиновый, рубиновый, отчаянный, прощальный.
 Рябиновая горечь ваших губ.

- - -

Петух, сумасшедший горнист,
 Трубит, закрывая глаза.
 И солнце над степью висит,
 Слепит, высыхая, роса.

И кажется бедняге петуху,
 Что строятся лихие эскадроны,
 И кажется, блестят в пыли,
 Сияют серебром погоны.
 И строятся, строятся в ряды
 Белые казачьи рубахи,
 И скалятся, скалятся в пыли
 Чубатые, кудлатые рубахи.

Повторяется первая строфа.

- - -

О польское счастье, под месяцем узким
 Дорога хрустит и скрипит.
 Царевна Марина с царевичем русским
 По снежному полю летит.

Сквозь звезды, сквозь ветер летит и томится,
 Ласкает щекой соболя.
 Расшит жемчугом на ее рукавице
 Орел двуглавый Кремля.

Ты смотришь на звезды, зарытые в иней,
 Ты слушаешь вереск саней.

Серебряный месяц над белой пустыней,
Серебряный пар от коней.

Вся ночь в серебро переплавится скоро,
Весь пламень в дыханьи твоём.
Звенит на морозе венгерская шпора,
Поёт ледяным соловьём.

О польская гибель! В сугробах сирени,
В глубоком вишневом цвету.
Горячее сердце, и снег по колени,
И цокот копыт налету....

- - -

Как я мечтал о мужской руке, о колючей щеке,
Чтоб прижаться губами.
Как нам трудно жилось в небольшом городке,
Ах как трудно жилось моей маме.

Ужмылялись взрослые, дразнили дети,
И шло беззащитное, трудное, долгое отрочество,
И были отцы у всех на свете,
А у меня было только отчество.

И в темном углу, за мусорным ящиком
Так сладко мечталось, так грезилось мне,
Как отец мой придет в мохнатой папахе
Во главе эскадрона на белом коне.

И возьмет на прицел он весь наш городок,
И затихнут в нем шутки, замолкнет в нем говор, увянет в нем смех.
-Кого за обиды прикончить, сынок?
И я бы ответил, ответил, - Зарежь их всех!

Как я его ждал, он мне снился ночами,
Без этой мечты я бы детства не вынес.
Но он не пришел, он растаял с годами...
Распрямись, моя мама,- я вырос.

- - -

Эту песню услышал впервые,
Как отец мой вернулся с войны
В долгополой казацкой шинели,
С деревяшкою вместо ноги.

И медали на нем не звенели,
Лишь кричала гармошка навзрыд:
Ой вы, кони мои вороные,
Черны вороны, кони мои.

Рассказал он, что был под Полтавой
В те кровавые первые дни.
Как с клинками ходили на танки,
Эскадронами на небо шли.

А остатки побитых дивизий
Запутались в крови и в пыли,
И кричали на проволоке кони,
Черны вороны, кони мои.

Но мне снятся, мне снятся ночами
Пламенеющие башлыки,
Как на танки несутся с клинками
Удалые мои земляки.
Как вы страшно, как глупо погибли,
Отчего же заполнили сны
Удалые, лихие, горячие,
Черны вороны, кони мои.

Казаки, присягнувши однажды,
До конца выполняли свой долг.
И взлетал к небесам отважно,
Скинув ножны, бессильный клинок.

И в последней пресмертной агонии
Перед танками встав на дыбы,
Замирали, как статуи, кони,
Черны вороны, кони мои.

Никогда мне вас больше не видеть,
Вы как детство далеко ушли.
Ой вы, кони мои вороные,
Черны вороны, кони мои.

- - -

По улице нашей зеленой
За взводом проходит взвод.
Идут, на плечах погоны.
Труба с барабаном поет.

И я, босоногий мальчишка,
На них замирая, гляжу.
Забыты игрушки, книжки -
В руках я ружье держу.

А солдаты идут, а солдаты поют,
Стучат сапогами по камням.
Солдаты, солдаты, солдаты,
Как я завидовал вам.

Но дни пролетели
Безмолвно и веско.
Из теплой постели
Я поднят повесткой.

По улице нашей зеленой
В солдатском строю я иду,
Несу на плечах погоны,
Солдатские песни пою.

А мальчишки бегут, а мальчишки орут,
Бегут за нами по пятам.
Мальчишки, мальчишки, мальчишки,
Как я завидую вам.

- - -

Когда затихала больница до самого до утра,
Пугливую белую птицей склонялась ко мне медсестра.
В ладонях моих колотилось девчоночье сердце ее,
А может, мне это приснилось, а может, пригрезилось все.

Еще не застыли ладони, но вышел рассвет на крыльцо,
И в утреннем сумраке тонет усталое ваше лицо.
И тает, как след поцелуя, как иней в начале весны.
И кто-то, наверно, досмотрит мои белоснежные сны.

Когда затихала больница до самого до утра,
Пугливую белую птицей склонялась ко мне медсестра.
В ладонях моих колотилось девчоночье сердце ее,
Наверно, мне это приснилось, наверно, пригрезилось все.

- - -

Ты ушла в Мазурские болота,
Сокращая Франции престиж.
Русская разутая пехота, /2 раза/
Понаслышке знавшая Париж.

А Россия получала займы,
Вас отдав Антанте за аванс.
Лишь кувшинки, полные слезами, /2 раза/
До сих пор оплакивают вас.

И уходит в землю кровь густая,
Унося с собой пожаров жар.
Будто вся земля внутри пустая, /2 раза/
Сколько крови нужно в этот шар.

- - -

Ах вы, тоненькие мальчики в шинельках черных,
Строевые, рядовые, плохо обученных,
Как вы шли, как шли цепочкой тоненькой -
По винтовке на троих, врагам на смех.
И на белый снег вас покляли всех,
Черной ленточкой на белый невский снег.

Кто ж послал вас вместо пушек с песней?
Тот, должно, живой, должно, на пенсии.
А на площади парад, и барабан гудит.
Он на вас, должно, с трибун глядит.

Он не поседел, умом не тронулся,
Вы ему не снитесь по ночам.
Самоварное разлито золото
По груди его и по плечам.

А над площадью грохочут самолеты,
Ордена в ответ поют, смеются.
А по площади молотят роты, только ленточки черные вьются.
А по площади грохочут роты, только ленточки черные вьются.

- - -

Туман голубыми кудрями
Запутался в синей листве.
И звезды-ягнята над нами
Пасутся в безоблачной мгле.

В мой бедный шалаш из полыни
С вечерней росой ты придешь
И полог небес темно-синий
У входа рукой отведешь.

Никто никогда не узнает,
Что ночь ты со мной провела,
Как жены чужие ласкают
Меня, сироту, в ковылях.

Повторяется первая строфа.

- - -

Окраина, заводами пропахшая,
Поет гармонь в субботу на окне,
Как возвращались без вести пропавшие
И на войне, и не на войне.

Как шли они, постриженные наголо,
В холодные осенние утра.
И как чернели пятнами на ватниках
Места, где нашивали номера.

А бывший ЗЭК молчит про все на свете.
-Не плач, жена, на стол накрой, сдержись.-
А у твоей жены чужие дети,
А у твоей жены чужая жизнь.

Но на окраине никто не вешался
И в омут не кидался головой.
Лишь водку пили, пили пуще прежнего,
А жизнь как шла, идет сама собой.

А пьяные буянили,
Роняли головы на край стола.
И новые рубахи им горбатили
Лопатки, как два срезанных крыла.

А жизнь, как шла, так и идет по-старому,
И крутят в клубе новое кино.
И мальчишки не слышали про Сталина,
А в школах не проходят про него.

Повторяется первая строфа.

- - -

Леонид Нахамкин

Плывут над миром облака,
 Плывут, как дым от табака,
 Они рождат дождь и снег
 Без остановки на ночлег.

А мне ночлег необходим, -
 Чтоб был огонь и горький дым,
 Мне нужен дождь, мне нужен снег,
 Мне нужен близкий человек.

Но есть вокзал и рельсов километры.
 Манят меня ночные поезда,
 Где-то вдали горланят песни ветры,
 Где-то в земле лежит моя руда.

Руда рудой, а жизнь идет -
 Она всегда полна забот,
 Она проходит морем слов,
 Сливаясь с пылью городов.

Простите, мне пора идти -
 Мой светлый дождь уже в пути,
 Простите мне мою напасть -
 Меня дорога зажала.

Идет мой вокзал и рельсов километры,
 Манят меня ночные поезда.
 Где-то вдали горланят песни ветры,
 Где-то в земле лежит моя руда.

Мир, в облака закутанный, как пледом,
 Пусть я для вас законченный чужак.
 Мой светлый дождь - такой же непоседа,
 Первым залез в заштопанный рюкзак.

- - -

Я рад, что жизнь пришла ко мне,
 Дала мне счастье и тревоги,
 И дни, как тысячи камней,
 Лежат на пройденной дороге.

Судьбу свою в любых краях
 Приму, как есть, чего там спорить,
 Веру ее, она моя,
 С дождями, радостью и горем.

Мне жизнь на все дает ответ
 Крутым движением запястьев,
 А кто твердит, что счастья нет,
 Тот никогда не будет счастлив.

Я рад, что жизнь пришла ко мне,
 Дала мне счастье и тревоги,
 И дни, как тысячи камней,
 Лежат на пройденной дороге.

/2 раза/

- - -

Время летит скворцом, светится старый дом,
И под его окном - вечер...
Где-то горит закат, где-то моря штормят, /2 раза/
Где-то несет фрегат ветер.

Время не знает слез, время стучит в мороз,
Голой судьбой берез в сердце.
В доме мое тепло, гладит рукой стекло, /2 раза/
Ах, по душе без слов скерцо.

Тенью былых забот память в углу живет,
Вздуется, разольет речкой.
Может быть, ты права, просто все лишь в словах, /2 раза/
Время горит в глазах свечкой.

- - -

Первый гром обозами прокатил над озером -
Над Онегой, Ладогой выпил море слез,
И потом под крышами долго-долго слышим мы, /2 раза/
Как ласкает сумерки бахрома берез.

Первый луч над городом разлетелся голубем,
Размахнулся радугой, распахнул окно,
И на нашей улице расплескался лужицей, /2 раза/
Рассмеялся радостно, как веселый гном.

Первый снег морозами прилетит за грозами,
Ляжет мягкой шапкою на копну волос,
И тогда под крышами лишь во сне услышим мы,
Как ласкают сумерки бахрому берез. /2 раза/

- - -

Слышите, стонет в мокром кювете,
Словно он ранен был на рассвете,
Ветер, ветер, ветер,
Плачет мальчишкой, мечется волком,
Будто затравлен был ненароком,
Ветер, ветер, ветер.

Подлым убийцей, беглым пиратом,
Цезарем страшным, мудрым Сократом
Не был, не был, не был.
Только стремился, листья рассеяв,
Между деревьев вытянув шею,
В небо, в небо, в небо.

Тихо крадется, словно босая,
Сладким дурманом в кожу вращает
Слабость, слабость, слабость.
Жизни бросает сверху на скалы,
Перед сраженьем копы сломала
Слабость, слабость, слабость.

Вечной надеждой в будущем свете,
 Молча и гордо на парапете -
 Старость, старость, старость.
 Людям грядущим жизнь адресуя,
 Потом и кровью след свой рисует
 Старость, старость, старость.

Крыльями машет, мыслями правит,
 Хуже болезни, крепче отравы -
 Подлость, подлость, подлость.
 Зло побеждая силой эмоций,
 Гроном небесным в мысли ворвется
 Радость, радость, радость.

Если однажды голая правда
 К вам постучится в окна мансарды -
 Верьте, верьте, верьте.
 Значит, над миром листья рассеяв,
 Вырвался в небо, вытянув шею,
 Ветер, ветер, ветер.

/2 раза/

- - -

Отлет, только я не лечу,
 Уж очень я птица простая -
 Во сне лишь свободно летаю,
 Очнусь - ветер бьет по плечу.

За кругом я делаю круг
 Над красной печальной рябиной.
 Настолько мы с ней едины,
 Что я забываю про мг.

И так хорошо мне с тобой,
 Что я и не думаю вовсе,
 Какая мне выдастся осень,
 Какая мне выпадет боль.

Отлет, только я не лечу...

- - -

Валентин Глазанов

А ну как разыскать мне тебя
Среди карельских озер?
Ну как разыскать мне тебя -
Понять не могу до сих пор.

Похожая, да не та,
Сердцу - ему не прикажешь.
И опять маята,
Сердцу - ему не прикажешь.

Желтый лист, как ладья,
Отражения звезд пересек.
Так и я, так и я,
Где-то тень твою пересек.

И тебе невдомек,
Что ишу я тебя так давно,
К тебе ни троп, ни дорог,
А ишу я тебя так давно.

Ну как разыскать мне тебя
Среди карельских озер?
Ну как разыскать мне тебя -
Понять не могу до сих пор. /2 раза/

- - -

Мокрый клен за окном,
Дробь дождя на стекле.
Вы зачем о былом
Песню дарите мне?

Кто сказал, что я сдал,
Что мне рук не поднять, /2 раза/
Что я с песней порвал,
Что рюкзак не собрать?

Увожу в рюкзаке,
Что хранил и берег,
Что подарено мне
От озер и дорог.

Небо синего синь,
Скал слепящий оскал, /2 раза/
Строки мне отодвинь -
Я свое не сказал.

Повторяются две первых строфы.

- - -

Все дела, дела, неупорот...
 На краю села девочка живет.
 Из ромашек венки, голосок-ручечек,
 У прибрежных осок на влажный песок
 След босых ее ног.

Дела, дела... прохожу, не гляжу.
 Вышел я из села, присел на межу.
 Пчелы гудят деловой над моей головой,
 И полуденный зной над дорогой дрожит.

А миражи, миражи - перепелкой во ржи.
 У дорожной межи я сужу свою жизнь.
 Все дела, все дела, нет покоя от дел,
 За занавесом дел что-то я проглядел.

- - -

Давай сойдем на полустанке,
 Где сосны так задумчиво-тихи,
 Там, где река-беглянка
 Плетет прозрачные стихи.

Березы светлые, как дети,
 Не знают стука топора.
 Ведут мелодию о лете
 По робким клавишам утра.

И молча сняв с плеча поклажу,
 Прижмусь губами к бересте,
 Березы белый шелк поглажу -
 Мой Бог, распятый на кресте.

Луч солнца пал в пахучий вереск,
 Стою - и глаз не отвести...
 Ну как ты можешь не поверить,
 Что мне с тобой не по пути?

Давай сойдем на полустанке...

- - -

А мы ночуем в облаке,
 Прижав друг к другу спины,
 Ждем без пива воблу.
 На это есть причины.

Как Прометей у стены,
 На крючках карабины.
 В святые мы занесены
 Уже наполовину.

А утром розовый туман
 Потянется под нами.
 Стоит стена, как истукан,
 И шевелит бровями.

А здесь спины не разогнуть,
Окаменела шея.
Над головой такая жуть —
Прихожая Кашея.

Шлямбур дятлом в тишине —
Для черта работенка.
Лезут гномы по стене
На паутинках тонких.

Не век же лезть — вершина есть —
И сядем, свесив ноги. /2 раза/
Пройти такую круговерть
Дано не так уж многим.

- - -

Плывут над озером туманы прядями,
Над лесом поздняя горит заря.
Не провожай меня с тоской упрямой,
Улыбкой деланной не мучь меня. /2 раза/

Гонит к берегу волну озерную,
Ночь опускается на камыши.
Разлуку долгую, ревность вздорную
Дарить в дорогу мне ты не спеши. /2 раза/

Роняет золото береза белая,
А ветви по ветру, как две руки.
Разлука-странница, что ж ты наделала?
Искала б ты друзей себе других. /2 раза/

- - -

По жухлой листве поземка шуршит,
По сопкам идет запоздалый рассвет.
А мы все свое — все шурфы да шурфы,
А меди все нет, и нет сигарет.

И солнышка нет — погреть ишнас,
Прораб материт вертолетную часть —
Запчасти не шлет, третий день материт,
А лету всего какой-нибудь час.

Одна благодать — комарье отцвело,
А то не спасали ни водка, ни дым.
Так что ж вспоминать? — Таково ремесло.
Давай о другом поговорим.

Свистит бурундук — полосатый арбитр,
Во встрече с тайгой в счете осень ведет.
И ветер-скрипач положил на пюпитр
Осеннюю грусть из желтеющих нот.

Ах как по утрам в небе гуси кричат,
Призывной трубой за собой манят,

А я карабин не срываю с плеча -
Увидишь гусей - вспомни меня.

- - -

На фронт трамвай уходил...
Комкала мать платок,
Плечо мне ладонью сдавил, -
Держись на ногах, сынок.

Крест на крест бумагой окно,
Сирены простуженный хрип...
Зимой пришло письмо -
У Средней Рогатки погиб.

Голод, блокада, мороз,
Потом весна - лебеда...
А я все не верил всерьез,
И писем ждал от тебя.

В школе на карте флажки,
Самый большой - Берлин.
Годы войны прошли,
Нет ни тревог, ни руин.

У матери муж другой,
Сказала, мол, жизнь есть жизнь.
И в церковь за упокой
Подавала - ты ей не снись.

Мне уже тридцать пять,
Я старше тебя, отец.
Я внучку твою гулять
Вожу, где свистел свинец.

Сейчас там дома, дома,
Сейчас там сады, сады...
И внучка уже сама
Тебе собирает цветы.

На фронт трамвай уходил
Двадцать пять лет назад.
А я ничего не забыл.
Цветы на могиле лежат.

- - -

Мирей Визбор

О Москва, Москва святая
В переулочках кривых.
Тополиный пух летает
Вдоль умытых мостовых.

Может, есть другие страны,
Может, лучше есть жите,е,
Я настаивать не стану,
Видно каждому свое.

Я бродил по Заполярью,
Спал в сугробах, жил во льду,
Забредал в такие дали,
Что казалось, пропаду.

На высоких перевалах
В непутевом том краю
Ты мне руку подавала,
Руку верную свою.

О Москва, Москва святая,
Я встречал тебя везде:
В синих просеках Алтая
И в далекой Кулунде.

Ты не просто город где-то,
Ты видна в любой ночи.
Развезли тебя по свету,
Словно песню, москвичи.

- - -

Зимний вечер синий лес окутал в иней,
Под луною ели стали голубей,
Замели снежинки все пути-тропинки,
Замели метели память о тебе.

/2 раза/

Я и сам не знаю, рядом с кем шагаю
По путям вечерним, по глухим ночам.
Лес стоит, как в сказке, и нехитрой ласки
Хочется, наверно, и тебе сейчас.

/2 раза/

А с тобою в паре ходит статный парень,
Отчего же часто ты вздыхаешь вновь?
В этот вечер синий слишком нежен иней,
Слишком больно гаснет старая любовь.

/2 раза/

- - -

Солнце дрожит в воде,
Вечер уходит вдаль,
Вот уж который день
Я прихожу сюда.

Видеть, как ты плывешь,
Слушать, как ты поешь.
Парус крылом махнет -
Сердце на миг замрет.

Снова тьма пришла,
Речка белым-бела,
Свернуты паруса,
Хмурятся небеса.

Снег и печаль кругом
Кружится в ноябре,
Не махнет крылом
Парусник на заре.

Вот и любовь прошла.
Речка белым-бела,
Свернуты паруса.
Хмурятся небеса.

Снег и печаль кругом
Кружится в ноябре,
И не махнет крылом
Парусник на заре.

- - -

Я смутно помню огни вокзала,
В ночном тумане гудки дрожат.
Ты улыбнулась и мне сказала,-
Не надо слишком грустить, сержант.

/2 раза/

А поезд дальше на север мчится,
Толкут люди - забудь о ней...
А мне улыбка твоя приснится
И две полоски твоих бровей.

/2 раза/

Наверно, скоро устанет осень.
Давно в Хибинах снега лежат.
И там, наверно, никто не спросит,-
О чем ночами грустишь, сержант?

- - -

Ты уйдешь, усталая,
Слов не говоря,
И погаснет алая
Зимняя заря.

И дорогу ровную
Заметет пурга -

Злые подмосковные /2 раза/
Синие снега.

Будут ночи черные
Мчатся без следа,
Как туманы горные,
Будут плыть года.

Но любовь зачлена
Навсегда моя
На лихих, отчаянных,
Мертвых якорях.

Ты не пишешь писем мне,
Телеграмм не плешь,
В неизвестной стороне
Без меня живешь.

Но однажды вечером,
Сердце потеряв,
Ты поймешь, как мечется /2 раза/
Алая заря.

Мой характер ангельский
Ты тогда поймешь,
Прилетишь с Архангельска,
С Воркуты придешь.

На дорогу ровную
Не мети, пурга.
Стайте подмосковные /2 раза/
Синие снега.

— — —

Тихим вечером, звездным вечером
Ходит по лесу листопад,
Елки тянутся к небу свечками,
И в туман уходит тропа.

Над ночной рекой, речкой Истрой
Мне бродить с тобой допоздна,
Средне-русская, сердцу близкая,
Подмосковная сторона.

Шепчут в сумерках обещания
Губы девичьи и глаза.
Нам ли сетовать на скитания,
В сотый раз покинув вокзал.

Вот вагон качнул звезды низкие,
И бежит, бежит вдоль окна
Средне-русская, сердцу близкая
Подмосковная сторона. /2 раза/

За Звенигород тучи тянутся,
Под Подлитками льют дожди,
В проливных дождях тонут станции,
Ожидая нас впереди.

И пускай гроза где-то рыскает,
 Мне с тобой она не страшна,
 Средне-русская, сердцу близкая, /2 раза/
 Подмосковная сторона.

Где-то плещется море синее,
 Мчатся белые поезда.
 А на севере тонут в инее
 Предрасветные города.

По земле тебя не разыскивать,
 Изю всех краев ты видна,
 Средне-русская, сердцу близкая, /2 раза/
 Подмосковная сторона.

- - -

Ночами долго курят астрономы,
 Кошмет космос звезды-ковьли,
 Там, в океане пламя неземного,
 Вскипают бури неземной любви.

Какой корабль, надеждой окруженный,
 Рванется разузнать, что там во мгле?
 Какие убиваться будут жены
 Сгоревших в неразгаданной стране?

И долго где-то горе будет плавать,
 И голосить у ветра на крыле,
 И долго свет созвездий будет плакать
 Над памятью сгоревших кораблей.

Но кто-нибудь опять начнет атаки,
 Чтоб закрепить открытий фонари...
 Но ты держись подальше этой драки,
 Но ты не открывай меня - сгоришь.

- - -

Взметнулась вверх рука.
 -Прощай! - Пока.-
 Покачивают ночь на спинах облака,
 Покачивают ночь на спинах облака.

Мужчина, не дури, кури, кури,
 До синих петухов, до утренней зари,
 До синих петухов, до утренней зари.

А утром - был таков, шагается легко
 И мимо петухов, и мимо облаков,
 И мимо петухов, и мимо облаков.

Задышит горячо в твое плечо
 Распахнутый рассвет, разрезанный лучом,
 Распахнутый рассвет, разрезанный лучом.

Взметнулась вверх рука.
 -Прощай! - Пока. -
 Покачивают ночь на спинах облака,
 Покачивают ночь на спинах облака.

- - -

Льжи у печки стоят,
 Гаснет закат за горой,
 Месяц кончается март,
 Скоро нам ехать домой.

Здравствуйте, хмурые дни,
 Горное солнце, прощай,
 Мы навсегда сохраним
 В сердце своем этот край.

Нас провожает с тобой
 Гордый красавец Эрцог,
 Нас ожидает с тобой
 Марево дальних дорог.

Вот и окончился круг,
 Помни, надейся, скучай.
 Снежные флаги разлук
 Вывесил старый Данбай.

Что ж ты стоишь на тропе?
 Что ж ты не хочешь идти?
 Нам надо песню запеть,
 Нам надо меньше грустить.

Снизу кричат поезда,
 Правда, кончается март, /2 раза/
 Ранняя всходит звезда,
 Где-то лавины шумят...

- - -

Снова просеки костром горят,
 Здравствуй, осень милая моя.
 Полустанки и полутона,
 Заплутавшие во снах.

В легкой грустности твоих шагов,
 В ожидании твоих снегов,
 Ветром сорванные облака
 На моих лежат руках.

Понимаешь ли - в глаза гляжу,
 Понимаешь ли - такая жуть,
 У лесного черного ручья
 О любви поют друзья.

В этом свет какой-то заключен,
 Я касаюсь до луны плечом,

Я плащом черпаю синеву,
Звезды падают в траву.

Дорогая осень, ты сама
Покажи свои нам закрома,
Золотые сундуки зари
Перед нами отвори.

За опушку спрячь ты облака,
За опушкой погаси закат,
За опушкой, где живет луна,
Ходит девочка-весна.

- - -

Вставайте, граф, рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянув воды,
И кстати, та, вчерашняя, молочница,
Уже поднялась, полная беды.

Она была робка и молчалива,
Но, ваша честь, от вас не утаю, -
Вы несомненно сделали счастливой
Ее саму и всю ее семью.

Вставайте, граф, уже друзья с мультуками
Коней седлают около крыльца,
Уж горожане радостными звуками
Готовы в вас приветствовать отца.

Не хмурьте лоб, коль было согрешение,
То будет время обо всем забыть.
Вставайте, мир ждет вашего решения -
Быть или не быть, любить или не любить.

И граф встает, ладонью трет будильник,
Берет гантели, смотрит на дома,
И безнадежно лезет в холодильник,
А там - зима, пустынная зима.

Он выйдет в город, вспомнит вечер давешний,
Где был, что ел, кто доставал питье.
У перекрестка встретит он товарищей,
У остановки подождет ее.

Она придет и взглянет мимоходом.
Что было ночью - будто трин-трава.
-Привет! - Привет. Хорошая погода.
Тебе в метро? А мне ведь на трамвай.

А продают на перекрестках сливы,
И обтекает постовых народ...
Шагает граф, он хочет быть счастливым,
И он не хочет, чтоб наоборот.

- - -

На плато Расвумчор не приходит весна,
 На плато Расвумчор - все снега да снега,
 Все зима да зима, да ветров кутерьма,
 Восемнадцать ребят, три недели пурга.

Мы сидим за столом, курим крепкий табак,
 Через час вылезать нам на крышу Хибин,
 И ломиться сквозь вой, продираться сквозь мрак,
 Головой упираясь в проклятые пурги.

А пока мы сидим за дощатым столом,
 Курит старший механик московский "Дукат",
 Привезенный сюда сквозь ужасный циклон
 В двух карманах московского пиджака.

Он сидит и грустит неизвестно о чем,
 Мой милейший механик, начальник дорог,
 Через час ему биться с плато Расвумчор,
 По дороге идя впереди тракторов. /2 раза/

Потому что дорога несчастий полна,
 И бульдозеру нужно мужское плечо,
 Потому что сюда не приходит весна -
 На затылок Хибин, на плато Расвумчор. /2 раза/

По сегодняшний день, по сегодняшний час
 Мы как черти здоровы, есть харч и табак,
 Мы еще не устали друзей выручать,
 Мы еще не привыкли сидеть на бобах.

Нас идет восемнадцать здоровых мужчин,
 Забинтованных снегом, потертых судьбой,
 Восемнадцать разлук, восемнадцать кручин,
 Восемнадцать надежд на рассвет голубой.

Что вам снится, девушки, в предутренний час?
 Если снег и разлука - так это не сон...
 На плато Расвумчор не приходит весна.
 Мы идем, через вьюгу надежду несем. /2 раза/

- - -

Пошел на взлет наш самолет,
 Прижав к земле тоскливый вереск,
 Махнул рукой второй пилот
 На этот уютный берег.

Ночной полет - тяжелая работа,
 Ночной полет - не видно ничего,
 Ночной полет не время для полета,
 Ночной полет - полночный разговор. /Припев/

А на земле не то чтоб лес,
 А просто редкие березы.
 Лежат на штурманском столе
 Еще не пройденные грозы.

Припев

Летим всю ночь по курсу ноль,
 Давным-давно нам нодоело
 Смотреть на жизнь через окно
 И делать дело между делом.

А я не сплю, благодарю
 Свою судьбу за эту муку,
 За то, что жизнь я подарил
 Ночным полетам и разлукам.

- - -

Лето село в зарю, за сентябрь, за погоду,
 Лето пало на юг, словно кануло в воду.
 От него лишь следы для тебя, дорогая,
 Фиолетовый дым-в парках листья сжигают.

Вороха те легки в золотых эполетах,
 И горят, как стихи позабытых поэтов,
 Бессердечен и юн, ветер с севера дует,
 То ль сгребают июнь, то ли август скирдует.

/2 раза/

Словно два журавля по веселому морю,
 Словно два косаря по вечернему полю,
 Мы по лету прошли, только губы горели,
 И под нами неслись, словно звезды, недели.

Солнца желтый моток- лето плыло неярко,
 Словно синий платок над зеленой байдаркой.
 И летят не кусты, это встречи мелькают,
 И горят не листья - наше лето сжигают.

/2 раза/

- - -

Л.Фрайтер и Н.Комиссарова

Ходим с тобой по одним площадям,
В одних троллейбусах ездим,
Только беда - нас никогда
Не повстречают вместе.

А солнце одно смеется в окно,
Светит для нас оно.
А счастье одно нам суждено...
Только тебе все равно.

/Припев/

Вьется дымок и колеса стучат,
Сердце, как стук колес.
Губы молчат, губы хранят
Имя твое, как вопрос.

Припев

Вот и опять я тебя буду ждать
Медленно, день за днем,
Буду я ждать и повторять
Милое имя твое.

Припев .

- - -

Шурша мостовыми, шурша за порогом,
Растают шаги во мгле.
Но снова за ними уйду я в дорогу
На тысячу зим и лет.

Но будто во сне, уходят куда-то
По городам глухим
Шаги в тишине, шаги по асфальту, /2 раза/ /Припев/
Даже по сердцу - шаги.

Их просишь вернуться, забыв осторожность,
За ними бежишь вослед.
И счастье становится невозможным
На тысячу зим и лет.

Припев

А люди уходят и дни остаются...
Забыт и потерян след.
Но снова тебя я прошу вернуться
На тысячу зим и лет.

Припев

/Первая строка: Но будто во сне, уйдут без возврата/.

- - -

Средь всех любимой слышная,
В сплетенье рук и бед
Ты от меня не слышала —
Любима или нет.

Так не смотри тоскующе
И верь своей звезде.
Хорошую такую же
Я не встречал нигде.

Все так, но силы мало ведь,
Чтоб жить взахлеб любя,
Ну а тебя обманывать —
Обманывать себя.

И заменять в наивности
Вовек не научусь
Я чувства без взаимности
Взаимностью без чувств.

Когда все это кончится? —
Я думаю опять.
И брать любовь не хочется,
И страшно потерять.

Повторяется вторая строфа.

— — —

Я вас люблю, мои дожди,
Мои тяжелые, осенние,
Чуть-чуть смешно, чуть-чуть рассеянно
Я вас люблю, мои дожди.

А листья ластятся к стволам,
А тротуары словно зеркало —
И я плыву по зеркалам,
В которых отражаться некому.

Где, как отсутлые моржи,
Машины фыркают моторами,
И вьются рельсы монотонные,
Как серебристые ужи.

Где оборванцы — фонари
Бредут шеренгой заляпанной,
И осень, огненный парик
Сдирает ливневыми лапами.

Спасибо вам, мои дожди,
Спасибо вам, мои осенние,
За все, что вы во мне посеяли,
Спасибо вам, мои дожди.
Спасибо вам, мои дожди.

— — —

Догорает старый вальс на твоих подсвечниках,
 Догорит, уплывет - только прикоснусь.
 Ночь моя, ночь моя, кровь моя - древняя, вечная,
 Я в апрель ухожу в синюю весну.

/2 раза/

Гнать по следу такси, жать моторной руганью -
 А дома-близнецы на одно лицо.
 Путь зачеркнуть, зачеркнуть назад косыми переулками,
 Где троллейбус цепной стережет кольцо.

/2 раза/

Раздувает зарю ветер озабоченный,
 Поднимает фонарь медную луну...
 Пусть загремит, ударит в ночь телефона очередь -
 Я в апрель упаду, в синюю весну.

/2 раза/

Догорает старый вальс на твоих подсвечниках,
 Догорит, уплывет - только прикоснусь.
 Ночь моя, ночь моя, кровь моя - древняя, вечная,
 Я в апрель ухожу, в синюю весну.

/2 раза/

- - -

Рассыпаны звезд голубые горошины,
 Идет по земле человек огорошенный -
 Измотанный шаг, размотанный шарф -
 А небо плетется порошею.

Ах ноченька, ноченька, синяя ноченька,
 Без слов и без слез, и без имени отчества..
 Плечами опав, чужая судьба
 Бредет по снегам одиночества.

Шагает судьба, опоясана инеем,
 Глаза у судьбы ослепительно синие,
 А с ней наяву бегут в синеву
 Дорожные синие линии.

Шагает судьба по змеящимся улицам,
 Руками кричит и зрачками сутулится...
 И, словно во сне, сиреневый снег
 Сугробами синими дуется.

/2 раза/

- - -

Там, за снежной пылью,
 За метель скользят,
 Небылицей - быть!
 Жаркие глаза.

Быль-небылицей
 Очи предо мной,
 Так быстрее ж, птицы,
 Шибче, коренной.

Ой вы, кони, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черный да серый, черный да серый,
Черный да серый да медвежий мех.

/Припев/
/2 раза/

А глаза сияют,
Ласком маня.
Не меня встречают,
Ищут не меня.

Только жгут без мерз,
Из-под черных дуг...
Эй, чубарь мой серый,
Задумчивый друг.

Припев

Я рыдать не стану,
В дурь не закучу -
Я тебя достану,
Я тебя умчу.

Припадешь устами,
Одуришь, как дым,
Молнией с конями
К черту полетим.

Припев.

- - -

Стою, стою, роняя руки,
В глуши лесной, в глуши лесной,
А три сосны, как три разлуки,
Передо мной, передо мной.

/2 раза/

Проходит лось тропой лесною,
Шумят дубы, шумят дубы,
А три сосны передо мною,
Как три судьбы, как три судьбы.

/2 раза/

И сердце рвется на три части,
Щемит в груди, щемит в груди -
Три счастья или три несчастья
Там впереди, там впереди?

/2 раза/

И кажется, весенним ветром
Оживлены, оживлены,
Горят три солнца в небе светлом
И три луны, и три луны.

/2 раза/

- - -

Прости меня, растерянно кляня,
Прости меня,
Пусти меня, минувшее уняв,

Пусти меня.
Нельзя судить, когда озяб,
Когда трясет...
Пусти меня, прости меня
За все.

За что ты так? - Пыряешь, как пятак,
Зачем ты так?
Распни меня, на выстраданных днях
Распни меня.
Казни, но только не гони...
Закат, как смерть,
Никчемная, ничейная,... Не смей!

Смеюсь навзрыд. Зрачков твоих костры
Горят на взрыв.
Пойми меня, огнями глаз маня,
Прими меня.
Любовь - и боль ее и боль -
Зажав в горсти,
Прости меня, прости меня,
Прости.

- - -

Над Бабьим Яром, над Бабьим Яром,
Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно, Мне сегодня столько лет,
Как самому еврейскому народу...

Мне кажется,сейчас, мне кажется, сейчас,
Мне кажется, сейчас я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту,
А вот я на кресте распятый гибну,
И до сих пор на мне следы гвоздей...

Мне кажется, я мальчик, мне кажется, я мальчик,
Мне кажется, я мальчик в Белостоке...
Кровь льется, растекаясь по полам,
Бесчинствуют вожди трактирной стойки,
И пахнут водкой с луком пополам.

А я, ногой отброшенный, а я, ногой отброшенный,
А я, ногой отброшенный, бессилен.
Напрасно я погромщиков молю,-
Под гого: - Бей жидов! Спасай Россию! -
Насилует лабазник мать мою.

Над Бабьим Яром, над Бабьим Яром,
Над Бабьим Яром, как беззвучный крик...
Над тысячами тысяч погребенных
Я - каждый здесь замученный старик,
Я - каждый здесь расстрелянный ребенок.

Ничто во мне, ничто во мне,
Ничто во мне об этом не забудет...
Интернационал пусть прогремит,
Когда навеки похоронен будет
Последний на земле антисемит.

- - -

Весенней ночью думай обо мне,
 И летней ночью думай обо мне,
 Осенней ночью думай обо мне,
 И зимней ночью думай обо мне.

/Припев/

Я не хочу, чтоб думала ты днем,
 Пусть день перевернет все кверху дном,
 Прокурит дымом и зальет вином...
 О чем угодно можешь думать днем,

Но ночью только обо мне одном.
 Весенней ночью думай обо мне,
 И летней ночью думай обо мне,
 Осенней ночью думай обо мне,
 И зимней ночью думай обо мне.

Пусть я не там, с тобой, а где-то вне,
 Молю тебя в тишайшей тишине,
 Под легкий дождь, шумящий в вышине,
 Под теплый снег, мерцающий в окне,
 Уже во сне, и все же не во сне -

Припев

- - -

Ночь напролет, целый вечер, целый день напролет,
 Дождь все идет, все стучит по крышам, тите, тите.
 Он не уйдет, он кого-то здесь, под крышами, ждет
 Ночь напролет, целый вечер, целый день напролет.

Там, впереди, для тебя идут другие дожди,
 Видно, от них никуда теперь не деться сердцу.
 Снова мне ждать и по мокрому асфальту шагать,
 Ждать и не знать, где тебя мне отыскать.

Ночь напролет, целый вечер, целый день напролет
 Все тебя ждет в этом доме, в этих окнах мокрых,
 Дождь все идет, даже дождь тебя без усталости ждет,
 Ночь напролет, целый вечер напролет.

Ну оглянись, ну когда-нибудь внезапно вернись,
 Ну улыбнись, и с тобой улыбнется солнце,
 Ночь напролет, целый вечер, целый день напролет
 Дождь все идет, целый вечер напролет.
 Дождь.

- - -

Третий день пляшут метели,
 Третий день - ели да ели
 Им стоять здесь на века,
 Подперев облака.

Тишина залила уши.
 Тишину хочется слушать.
 И следы на белизне
 По тишине, по тишине.

Нам идти мимо ночлега
По любви, словно по снегу,
Через ночь и через дым,
Оставляя следы.

Теплый сок склеит ресницы,
Мокрый снег выхлещет лица,
Только мы - дети пути -
Будем идти, будем идти.

А потом кто-то устанет,
А потом кто-то отстанет,
В вихревой вьюжной пыли
Растворится вдали.

И под злой хохот метели
Побегут около елей
По снегам нашей беды /2 раза/
Только следы, только следы.

- - -

Прости меня, дружок, за пьяное перо,
На эту болтовню, пожалуйста, не сетуй,
Но знай, что до сих пор заплеванной Пьеро
На тоненьких ногах шатается по свету.

И мы встречаюсь с ним на ленточках дорог,
Не ведаем, бредя - Пьеро почти что рядом -
Что просто он подрост, напялил свитерок
И стер с лица сурьму, белила и помаду.

Отросив мишуру фигляра и шута,
В нем корчится душа, орущая, живая,
И полночью, когда с улыбкою у рта
Людские души спят, душа Пьеро пылает.

И на его огне он стряпает стихи
И дремлет на плече у розовой зорьки.
Рука его легка, глаза его сухи,
А строки на бумаге солони и горьки.

Но утро позовет - и сумку, как суму,
Забросив за плечо, он скатится с порога.
И все же я, представь, завидую ему,
И все же я, поверь, иду его дорогой.

Повторяется первая строфа.

- - -

Ноченька, ой зимняя, очень - очень синяя,
Коченею, стыну я, посинел от инея.
Ты была и не была, ты гнала и нежила,
Добрая или злобая - теперь никак не вспомню я.

Никуда я не пойду, никого я не найду,
Только нежный снежный круг, да семицветов звездный звук.

- - -

Снова твое бесконечное "жди"
Белой дорогой мне в окна глядит,
Снегом о снежный стучится настил.
Я не хочу, чтобы ты уходил.

В снег не хочу и в жару не хочу.
Я прислоняться к чужому плечу.
Хватит ли сил мне, не хватит ли сил -
Я не хочу, чтобы ты уходил.

Мне все равно, сколько лет позади,
Мне все равно, сколько бед впереди,
Я не хочу, чтобы ты уходил,
Не уходи - слышишь? - не уходи.
Я не хочу, чтобы ты уходил,
Не уходи, или не приходи.

- - -

Листья пожелтели, улица рябая,
Осень грустно плачет, сдерживая дрожь,
И сложила ковшиком, тихо улыбаясь,
Белые ладошки, чистые, как дождь.

Скоро будет полдень, ковшик свой бездонный,
Не скупясь, его ты до краев нальешь,
Скоро жадно буду я пить с твоих ладоней
Озорное счастье, чистое, как дождь.

/2 раза/

- - -

Дождь стучит, в окно стучит, ночь и день,
Сколько дней таких пройдет, пока придешь?
Стукнет ставень, в дверь войдет чья-то тень,
Тень, а не дождь.

День, этот день, весны, тепла -
Как тебя зиму всю ждешь...
Мелко стучит в темноту стекла
Дождь, все дождь.

Вдруг шаги, твои шаги, знаю их,
Как гроза, прозрачен свет в твоих глазах,
Мокрых листьев красных цвет в руках твоих,
Дождь на губах.

Жарок огонь твоего тепла,
Как его жадно ждешь!

Мелко стучит в темноту стекла
Дождь, наш дождь.

- - -

Когда стучится в окна ветер хмурый
И гонит в дверь холодные глаза -
Нам надо петь и очень долго думать,
И уходить на десять лет назад.

Когда со стен спускается несчастье
И плакать даже попросту нельзя -
Мы снова верим в старенькие сказки,
Оставленные десять лет назад.

Но вот придут и встанут у порога
Хорошие,нескожие друзья,
И подломят, и погрустят немного,
И уведут на десять лет назад.

Но снова в окна проберется темень,
Застынет вечер - маленький солдат...
Мы вспомним те - забытые поэмы,
Написанные десять лет назад.

А если станет весело и шумно,
И звезды закачаются в глазах -
Мы будем снова почему-то думать
И уходить на десять лет назад.

/ 2 раза /

- - -

Сосны да ели вокруг,
Снежные хвойные лапы,
Если, о если бы вдруг
Ты здесь явиться могла бы.

/ 2 раза/

В зимнем лесу тишина,
Ветка нечаянно хрустнет,
Может, ты тоже одна,
Может, тебе тоже грустно.

/2 раза/

Сколько хороших девчат,
В этом заснеженном крае...
Как тяжело без тебя,-
Ты лишь об этом не знаешь.

/2 раза/

Лес синей дымкой одет,
Вьюга следы замечает,..
В этой хмельной красоте
Только твоей нехватает.

/2 раза/

- - -

Снова выросла у лета
Золотая лебеда.
Снова лето, снова лето,
Будто старая беда. /2 раза/

И спешу я по тропинке,
Убегая от беды.
Все песчинки, все травинки,
Будто старые следы. /2 раза/

И когда они сотрутся,
Заметет их снегопад? -
Остаются, остаются,
Возвращаются назад. /2 раза/

Снова выросла у лета
Золотая лебеда.
Снова лето, снова лето,
Будто старая беда. /2 раза/

- - -

Который раз ко мне приходит облако,
Заходит в дом, садится у стены.
И я все двери запираю в комнате,
В который раз отпугивая сны.

Оно подушкой ляжет мне под голову,
Оно котенком греется у ног.
И я все окна запираю в комнате,
И ветер выпускаю за порог.

Но только утро постучится,-
Оно растает, как в дыму.
Ну почему так небо чисто?
И окна настезь почему?

Я целый день хожу за ним по городу,
И небо застилает мне печаль,
А я хожу, а я ишу то облако,
Которое приходит по ночам.

Я всех людей на свете расспрошу о нем,
Мне кажется уже который год,
Что если я когда-то отыщу его -
Оно конечно больше не уйдет.

Но только утро постучится -
Оно растает, как в дыму.
Ну почему так небо чисто?
И окна настезь почему?
Ну почему так небо чисто?..

- - -

Не осталось ни спиченки,
 Ни одной, ни одной.
 Затуманилось личико
 Грусть-печалью-тоской.

Ты печаль в сигарете спрячь -
 За дымком, за дымком.
 И хотя бы при мне не плачь
 Все о том, все о том.

Видно, трудно на свете жить,
 Не любя, не любя,
 И по тем же местам бродить
 Без тебя, без тебя.

На любовь постарели мы,
 На одну, на одну.
 И тебя сквозь чужие сны
 Я тихонько зову.

Не осталось ни спиченки,
 Ни одной, ни одной.
 Затуманилось личико
 Грусть-печалью-тоской,
 Грусть-печалью-тоской.

- - -

У льва есть хвост могучий, длинный,
 А у осла есть хвост ослиный,
 У кошки есть и у коня,
 Но нет у вас и у меня.

Когда я буду именинник,
 Куплю я хвостик за полтинник,
 Мне продавец измерит рост
 И подберет отличный хвост.

Скажу я льву, ослу, верблюду,-
 Я вам завидовать не буду,
 Смотрите, с нынешнего дня
 Завелся хвост и у меня,
 Завелся хвост и у меня.

- - -

Пони девочек катает,
 Пони мальчиков катает,
 Пони бегаёт по кругу
 И в уме круги считает.

А на площадь вышли кони,
 Вышли кони на парад,
 Вышел в огненной попоне
 Конь по имени Пират.

И пожал плечами пони -

Разве, разве я не лошадь?
 Разве мне нельзя на площадь?
 Разве я вожу детей хуже взрослых лошадей?

Я лететь могу как птица,
 Я с врагом могу сразиться,
 На болоте, на снегу - я могу, могу, могу.

Приходите, генералы,
 В воскресенье в зоопарк -
 Я съедаю очень мало,
 Меньше кошек и собак.

Я выносливее многих -
 И верблюда, и коня -
 Подогните ваши ноги,
 И садитесь на меня.
 На меня.

- - -

Распахнуты двери и скалы открыты,
 Простят ему выдумку, бегство, исканья,-
 А ей по зеленой траве малахита
 Бродить улыбаясь - она ведь из камня.

Что с каменной станет?... Все душно и мелко,
 Ревнивое чувство. теперь она глушит.
 Приникла к стволу ошалелая белка,
 Трусливые зайцы расправили уши.

Хозяйка идет, и не в том ее сила,
 Что стоит ей только кивнуть головою -
 И дерево вдруг упадет вековое,-
 А в том, что Данилу домой отпустила.

Повторяется первая строфа.

- - -

Было восемь - стало семь,
 Было семь - стало шесть,
 Видно, это насовсем,
 Так уж есть.

Листопад нам не попад,
 Он во всем виноват,-
 Что нахмурились леса
 И глаза.

Плачут женщины одни -
 О тебе, обо мне.
 Только в их чужие дни
 Хода нет -

Не любовь и не тоска -
 Просто стынет рука,

Просто надо отдохнуть
Где-нибудь.

Кто-то плачет взабытьи,
И грустит про тепло.
Нам наверно на пути
Повезло.

Было восемь - стало семь,
Было семь - стало шесть.
Неужели будет пять?..
Наплевать.

/2 раза/

- - -

Евгений Бачурин

Бежит ручей, он ничей, у берегов твоих очей.
Напьешься однажды – погибнешь от жажды.

Течет ручей с твоих плечей, и нет ни дней и ни ночей,
Лишь облачко в небе да дырочка в хлебе.

И шепчет он моей душе, что с милой рай и в шалаше,
В гостях, а не дома солома едома.

Поет он песенку одну, что я однажды утону
В ручье, а не в море, в хмелю, да не в горе.

Бежит ручей, ручей течет, и в нем играют в чет-нечет
Стрекозы и рыбы, как мы бы могли бы, как мы бы могли бы.

- - -

Огюст, Орест и Оноре сидели как-то в кабаре.
-Ах Оноре, – сказал Огюст, – я должен вылепить с вас бюст.
Орест сказал: – Послушай, брат, нельзя ли вылепить мой зад?
-Вот, вот, – воскликнул Оноре, – а я от кофею помре. /2 раза/

Огюст, Орест и Оноре сидели снова в кабаре.
-Ах, Оноре, – Огюст сказал, – меня народец не признал.
-Зачем, – сказал ему Орест, – признают, как поставят крест.
-Да, да, – воскликнул Оноре, – а я от кофею помре. /2 раза/

Огюст, Орест и Оноре опять сидели в кабаре.
-Ах, Оноре, – сказал Огюст, – свободы нету для искусств.
-Ну что ж, – сказал ему Орест, – давай напишем манифест.
-Нет, нет, – воскликнул Оноре, – уж я от кофею помре. /2 раза/

Теперь открою вам секрет – кто там сидел, того уж нет,
А тех, кто нынче не сидят, посадят, если захотят.
От кабаре один лишь вред, у нас их, слава Богу, нет.
А то б воскликнул Оноре: – Мы б все от кофею помре. /2 раза/

- - -

Сизый, лети, голубок, в небо лети голубое.
Ах, если б крылья мне тоже пожаловал Бог, я б улетел за тобою.
Что нам земля зелена, что нам любимых объятья?
Здесь, обретая свободу без края и дна, мы с облаками, как братья.

Это биение крыл там по ночам только снится,
Здесь все забыто, лишь душу восторг озарил, здесь мы с тобой только ^{птицы}.
Вот мы летим и летим, только бы не возвращаться.
Господи, дай надышаться простором твоим, вольностью дай надышаться.

Но побеждает меня грозной земли тяготенья.
И, как расплата за взлеты минувшего дня, – наша свобода паденья.
Да, мы не птицы, а жаль, жаль, что живем не крылато.
Лишь поднимаем глаза и на сердце печаль, будто летали когда-то.

Сизый лети, голубок, в небо лети голубое.
Ах, если б крылья мне тоже пожаловал Бог, я б улетел за тобою.

- - -

Ах, что-то нынче во дворе похолодало.
Ты согреть меня, Маруся, приходи.
Мы идем, мы идем, как бывало, /2 раза/
Барабан, барабан на груди.

Ах, я живу теперь отдельно на квартире,
Приходи, вдвоем уместимся вполне.
Мы идем, мы идем в целом мире, /2 раза/
Барабан, барабан на ремне.

Ах, ты позволь, Маруся, мне опохмелиться,
Я от маковой росинки стану пьян.
Мы идем, мы идем кверху лица. /2 раза/
Барабан, барабань, барабань.

Ах, говорят, судьба играет человеком.
Мой сосед Ефим играет на трубе.
Мы идем, мы идем в ногу с веком. /2 раза/
Барабан, барабан при себе.

- - -

Кто крепко держится в седле, того судьба и носит на крыле,
Тому и мели нипочем, и в деле он учен, и в князи наречен. /2 раза/

А ты - не пойманный, а вор. А чей тот суд, того и приговор.
Постой, приятель, не шути, давай повороти, чтоб было по пути. /2 раза/

Пускай сошелся клином свет, не перед вами мне держать ответ,
Не вам судить мои дела, коль ярость довела, коль милость не мила. /2 раза/

Скачи, покуда хватит сил, покуда белый свет тебе не мил,
Туда, где небу провода, где рыбе невода, а вольному беда. /2 раза/

И ходят люди по земле, пока земля их носит на себе,
Пока белеют облака, и любитесь пока, и верится слегка. /2 раза/

- - -

Куда, куда ты уносишь меня средь белого дня
Шумный поток? Долог твой путь и далек.
Сколько лет, сколько зим по тебе все скользим,
А уплыть никуда нету сил.

Зачем, зачем ты меня устремил без руля и ветрил
В бездну твою, где на краю все пою.
Сколько лет, сколько зим по тебе все скользим,
А уплыть никуда нету сил.

Взгляни, взгляни, посмотри - здесь и там люди жмутся к домам
И к деревьям, жмутся к твоим берегам.
Сколько лет, сколько зим по тебе все скользим,
А уплыть никуда нету сил, нету сил, нету сил.

- - -

Ты - крупица, я - крупица, нас с тобою двое,
Из таких крупиц водица бережок намоеет.
Бережок намоеет.
Зыбь песочком поиграет, пока не наскучит,
Господин хороший случай врозь не разбросает.
Врозь не разбросает.

И погонит прочь из дому к берегу иному,
Тебя влево, меня вправо - вот и вся забава.
Вот и вся забава.
Разметет по белу свету, отыщи попробуй,
Ни ответа, ни привета не дожидаться чтобы.
Не дожидаться чтобы.

Как принять такую участь, что все это значит:
Вместе маются друг с другом, а в разлуке плачут.
А в разлуке плачут.
Ты - крупица, я - крупица, нас с тобою двое,
Из таких крупиц водица бережок намоеет.
Бережок намоеет.

- - -

Из придорожно-влажной тени глаза лукавые растений,
Глаза лукавые растений зовут меня.
Но завернув лицо в газету, вы не заметите и эту,
Вы не заметите и эту примету дня.

Толпа, гонимая делами, не разговаривает с вами,
Не разговаривает с вами, - она бежит
Стремглав по уличному руслу, забыв, что с каждым днем так грустно,
Забыв, что с каждым днем так грустно, так грустно жить.

- - -

Злодейство и варварство, любовь и коварварство -
Таков этот мир без прикрас.
И как сотворишь справедливое царство,
Когда его нет внутри нас, его нет,
Ах, когда его нет внутри нас.

Кто строит, кто пашет, кто ручками машет,
Кто прет, закусив удила.
И все в этом мире, как в общей квартире -
Никак не уладишь, дела не наладишь,
Ни с кем не уладишь дела.

Ведь мы не медведи, а вроде соседи -
В одном проживаем лесу.
Не будем же драться, рычать и кусаться,
В чужом ковыряться, носу ковыряться,
В чужом ковыряться носу.

От этих недугов не съешь лекарства,
Ни пиво не лечит, ни квас.
И как сотворишь справедливое царство,
Когда его нет вокруг нас, его нет возле нас,
Его нет внутри нас.

- - -

Ты, негаданный, нежданный,
 Что не вовремя пришел,
 Не ходи в мои поляны, /2 раза/
 Коля луг себе нашел.

Я ни в чем не виновата -
 Время злое разлило.
 Не тобой трава примята, /2 раза/
 До тебя все отцвело.

Вот бы время нам иное,
 Вот бы целый век вдвоем.
 Нам бы небо голубое, /2 раза/
 А не облако на нем.

Кабы не было разлуки,
 Кабы цветики в саду, -
 Взявшись за руки, за руки, /2 раза/
 Мы б ходили на виду.

А теперь живи без горя,
 Не оглядываясь вспять.
 Хорошо гулять на воле, /2 раза/
 Если ноженьки связать.

- - -

Если падают листья и жмутся к земле,
 Если больше им некуда деться, -
 Значит, снова готовься к жестокой зиме,
 Значит, снова она по соседству.

Мы живем в ожидании вишен,
 В ожидании лета живем, /Припев/
 А за то, что одной лишь надеждою дышим,
 Пускай нас осудят потом.
 Пускай нас осудят потом.

Если падают звезды на скошенный луг,
 Если ночью им в небе не спится, -
 Мы теряем друзей своих поутру вдруг,
 Не умея за них заступиться.

Припев

Если падают рядом и голову гнут
 От нужды или денежной жажды, -
 Оставляйте их рядом, пускай подберут
 Их другие, упавшие дважды.

Припев

Мы плывем и плывем по течению лет,
 Мы плывем и платочками машем,
 А про то, сколько зим до весны, сколько бед,
 Вам другие придут и расскажут.

Припев.

- - -

Над миром - небо, над морем - ветер,
Облака высоки.
Под небом - люди, под морем - рыбы,
Под ногами - пески.

Ты ходи, волна, гуляй
Через море, через край.
Безмерно небо, безбрежно море,
А ты с камушком споришь.

От неба - крыша, от ветра - стены,
От себя не уйдешь.

Ты ходи, волна, гуляй
Через море, через край.
Свободно небо, открыто море,
И погода ясна.
С попутным ветром уплыл бы в лодке,
Только нету весла.

Ты ходи, волна, гуляй
Через море, через край.
Ветру с волною,
Мужу с женою,
А мне маяться с кем?
Журавль в небе,
Корабль в море,
А мой дом - на песке.

Ты ходи, волна, гуляй
Через море, через край.

- - -

Откуда нам знать, почему -
По сердцу или по уму,
По точной причине иль так /2 раза/
Живет непутевый чужак.

Впотьмах он гуляет, как днем,
А днем он играет с огнем,
Городит на каждом шагу /2 раза/
Такое, что спеть не могу.

Откуда нам знать, почему
Не светит богатство ему,
И бедность его не сечет, /2 раза/
И знатность к себе не влечет.

Он ропщет на общих пирах,
Танцует на похоронах.
Он правду нам в морду сует, /2 раза/
И душу, как грушу, трясет.

Чего он морочит людей?
Чего он бормочет о ней?
Скажите, какого рожна /2 раза/
Ему эта правда важна?

Откуда нам знать, почему
И мы подпеваем ему.
А слово такой воробей:
Чуть скажешь — живи и робей. /2 раза/

Пора оказать ему честь
И чарку с отравой поднести.
Он братьями нас назовет,
Он выпьет и снова нальет.

Откуда нам знать, почему?
Откуда нам знать, почему?

- - -

За окном шуршат деревья, словно мыши-великаны,
Словно маленькие кошки, притаились облака,
И ромашки, как деревья, наклонились из стакана,
И над ними вьются мошки, как ночные облака. /2 раза/

За окном большие мыши зашуршали, как деревья,
И ромашки наклонились, как ночные облака,
И котята, словно мошки, словно маленькие кошки,
По серебряной дорожке убежали в облака. /2 раза/

- - -

Я куплю себе последние ботинки,
Заработаю на свой последний хлеб.
Я в последний раз жемую на блондинке,
А потом, чтоб я оглох, а потом, чтоб я ослеп,
Буду жить от вечеринки к вечеринке. /2 раза/

А в последний раз займу у друга денег,
В час получки захватив его врасплох.
Он в последний раз мне скажет: Ты — бездельник!
А потом, чтоб я оглох, а потом, чтоб я ослеп,
Мы продолжим воскресенье в понедельник. /2 раза/

Нелегко тому, кто мнит себя кумиром,
Или к власти пробивается чуть свет.
Лучше просто быть случайным пассажиром.
А потом, чтоб я оглох, а потом, чтоб я ослеп,
Только выпивший не в меру правит миром. /2 раза/

Даже поздняя любовь меня не греет,
Только валится на голову, как снег.
Я в последний раз любви подставляю шею,
А потом, чтоб я оглох, а потом, чтоб я ослеп,
Я устрою ей последний день Помпеи. /2 раза/

А когда меня настигнет час последний,
Отшумит в душе земной переполох,
На меня костюм наденуте самый летний.
А потом, пусть я ослеп, а потом, пусть я оглох,
Подымусь я, чтобы выпить по последней. /2 раза/

Если падает перо из рук поэта,
Оставляя за собой прощальный след.
Значит, песенка его недаром спета.
Значит, даже если я оглох, значит даже если я ослеп, /2 раза/
Много выпито и слишком мало съето.

- - -

Олень, ветвистые рога,
Куда ты мчишь, зовешь куда?
Где Бог свидетель, зверь скакун /2 раза/
И леса шум.

Не уноси прекрасных ног,
Я не охотник, не стрелок.
Мой зверь лесной, мой добрый зверь, /2 раза/
Постой, поверь.

И он ответил, - Не могу,
Я все волнуюсь, все бегу,
И выстрел жду я каждый день, /2 раза/
Ведь я олень.

И мир, и солнце - все вокруг,
Но мы внезапны, как испуг,
И обретаем красоту /2 раза/
Лишь налету.

- - -

Жила безвестная старушка,
И не имея "тех" затей,
Она - в руках судьбы игрушка -
Лепила глиняных детей,
Лепила глиняных детей.

Вот пионер с поднятым горном
Встречает набежавший день.
По барабану бьет упорно
Другой в пилотке набекрень,
Другой в пилотке набекрень.

Их устанавливали в парке
Среди газонов и аллей,
И лучше не было подарка
Старушке той на склоне дней,
Старушке той на склоне дней.

Но как недолго счастье длится,
Везде преследует нас рок -
В пылу работы мастерица
Не рассчитала плотность ног.
Не рассчитала плотность ног.

А глина тяжелей фанеры -
Природных сил не обуздать -
И повалились пионеры

На сотворившую их мать,
На сотворившую их мать.

Ее с почетом хоронили,
И, отдавая дань судьбе,
Поставили их на могиле
При барабанах и трубе,
При барабанах и трубе,
При барабанах и трубе.

- - -

Я спрошу у Господа спросу неразумного:
Отчего мы, Господи, стали, как безумные?
Отчего мы носимся, словно угорелые,
Друг на друга косимся, будто дело делаем?

Я спрошу у Господа слова покаянного:
Отчего мы попросту стали окаянными?
От житей кабального нету часа лишнего,
Для расчета дальнего не жалею ближнего.

Что железа разного, лому понаделали,
Вместо лета красного — одни зимы белые.
Вместо сада буйного — поросли случайные.
Было в нас смирение, стало в нас отчаянье.

По какому поводу, по чьему велению
Были люди добрые, стало — население.
Так помилуй, о Боже мой, души наши грешные
За деньки острожные, за дела кромешные.

- - -

Если б дали мне в златой короне власть,
Я б сидел себе весь день на троне всласть.
Я б не слезил с того трону ни на миг,
Чтоб другой на это место не проник.

Всех министров бы, вельмож поразогнал,
Сам бы правил, сам бы ел, да пил, да спал.
А чтоб видеть, кому мил, кому не мил,
Я б колесики ко трону привинтил.

И то место, куда царь ходил пешком,
Привязал бы прямо к трону ремешком.
Вот бы ездил то вперед, а то назад,
Все бы слышал, что в народе говорят.

Ох, народ честной, честной он до поры,
А как что не так — опять за топоры.
Как ни масли их и чем ни ублажай,
Все равно для них тиран ты и мамай.

Что царя, они пропьют родную мать,
Руки-ноги бы им всем пообломать.
Хлопотливо это, что ни говори,
Не пойду, пожалуй, братцы, я в цари.

Там, на троне, ломит спину, давит грудь,
 Лучше просто так на стуле отдохнуть.
 Лучше просто так на стуле посидеть,
 Да в окошко на погоду поглядеть.

Ну-ка, женка, подавай скорей вина,
 А то что-то вид унылый из окна:
 Поливает, хоть из дому не вылазь.
 Ну и слякоть, ну и напасть, ну и власть.
 Ох, ну и власть, эх, ну и власть.

- - -

Снились сны: зеленые луга,
 Их сыны любимые-стога.
 Пели птицы, вестники добра,
 Про любовь - кувшин из серебра.
 Снились сны, зеленые луга.

Распахали луги в пух и прах.
 Города стоят на городах.
 Но живет там грустный гражданин,
 Он боится расплескать кувшин.
 Но живет там грустный гражданин.

Он не хочет бегать взад-вперед,
 Он не водит общий хоровод,
 Он среди людей, среди машин
 Все боится расплескать кувшин.
 Он не хочет бегать взад-вперед.

Можно быть с судьбою не в ладу,
 Можно вынести горе и нужду,
 Но нельзя, сколь сердце не готовь,
 Расплескать надежду и любовь.
 Нет, нельзя, сколь сердце не готовь.

- - -

Осторожность превыше всего,
 Стража быта и жизни охрана.
 Не суди выше лба своего,
 Но и будь не глупее барана.
 Лучше голову в плечи убрать,
 Чем сложить ее, сделав оплошность.
 Осторожность превыше добра.
 Осторожность.

Если что - обойди стороной,
 Если нет - пробирайся украдкой.
 На дороге у сильных не стой,
 Только слабого бей без оглядки.
 Только с нищего требуй рубли,
 Доброта ненадежная должность.
 Осторожность превыше любви.
 Осторожность.

Добывая себе на прокорм,
Отрекись от великих служений.
Опасайся высоких платформ,
Берегись силовых напряжений.
Каждый миг под колеса судьбы
Может сбросить любая ничтожность.
Осторожность превыше борьбы.
Осторожность.

Пусть болтает безглазый народ,
Будто главное в мире - доверье.
Кто других пропускает вперед,
Тот всегда остается за дверью.
Тот всегда пропадает вниз,
Проклиная свою безнадежность.
Осторожность превыше безумств.
Осторожность.

Ты у всех в неоплатном долгу -
У родных, что в беде поучают,
У друзей, что по слабости лгут,
У врагов, что с плеча величают.
Ты в долгу у себя самого,
И пока не закрыта задолженность -
Осторожность превыше всего.
Осторожность.

- - -

КАССЕТА III-9Александр Галич

Белая вошь

Когда вьюга к утру, ошалев с тоски, задерет у ночи подол,
 Но спит еще мирно Гудзонов пролив - он многих, сука, подвел,
 И спят ЗК, как в последний раз, /натянул бушлат и - пока!/
 И вохровцы спят, как в последний раз, - научились спать у ЗК,

И начальнички спят, брови спят, и лысины, и усы,
 И спят сапоги, и собаки спят, уткнувши в лапы носы,
 И тачки спят, и лопаты спят, и сосны прячутся в тень -
 И еще не пора, не пора, не пора начинать им доблестный день.

И лишь вертухай на вышке торчит, но ему не до спящих масс -
 Он занят любовью по младости лет - свистит и дрочит на Марс.
 А люди спят, и лопаты спят, и земля сопит, как сурок.
 И еще до подъема часа полтора, а это немалый срок.

И вот в этот-то час, как тупая дрожь, над землею плывет тоска.
 И тогда просыпается белая вошь - повелительница ЗК,
 А мы ее называли все королевой материка.

Откуда всевластье ее взялось - попробуй, спроси иных! -
 Но пришла она первой в эти края и последней оставит их.
 Будет день - и профессор каких-то щей подобьет на счетах итог,
 И увидит, что кончились все срока и не капает новый срок.

Тогда сложат из тачек и нар костер,
 И волчий забыв раздор,
 Встанут рядом, рядом ЗК и лбы
 И напишут в тот костер.

Сперва за себя, а потом за тех, кто пьет теперь божий морс -
 Кого шлепнули влет, кто ушел под лед, кто в дохлую землю вмерз,
 Кого Кольма - от аза до аза - вгоняла в горящий пот -
 О, как они ссали б, закрыв глаза - как горлица воду пьет.

А потом пропоет неслышно труба и расступится рвань и голь -
 И ее величество белая вошь подойдет и войдет в огонь,
 И взметнутся к небу тысячи искр, но не просто, не как-нибудь -
 Навсегда крестом над Млечным путем протянется вшивый путь.

Но басенки - ложь и побасенки - ложь, и не стать им правдой пока...
 Встает, просыпается белая вошь - повелительница ЗК,
 Которую все называли мы: королева материка!

Говорят, что однажды в тридцать седьмом, в том самом лихом году,
 Когда в тайге на всех языках пропели славу труду,
 Когда призвала народ Кольма к доблестному труду,
 И ночами покойников в штабеля укладывали на льду,

Когда побрякивала тайга от доблестного труда -
 В тот год к королеве пришла любовь - однажды и навсегда.

Он сам напросился служить в конвой, он сам пожелал в Дальлаг,
И ему с королевой крутить любовь, ну просто нельзя никак.
Он в нагрудном мешочке носил чеснок, и деньги, и партбилет...
А она - королева, и ей плевать, хочет он или нет.

И когда его ночью столкнули в клеть - зачлись подлецу дела -
Она до утра на ружьем снегу слезы над ним лила.
А утром пришли, чтоб его зарыть, смотрят - а тела нет.
И куда он пропал, не узнал никто, и это ее секрет.

А потом на конвойных пошел падеж - то им пуля, а то срока:
Не простила им слез своих белая вошь, повелительница ЗК,
И мы назвали ее не зря: королевой материка.

А еще говорят, что какой-то чмырь, начальникек из Москвы,
Решил объявить королеве войну, пошел так сказать "на вы".
Он гонял на прожарку и в зоне и за, он вопил и орал "даешь!"
А был бы начальникек чуть поумней - он пошел бы с ней на дележ.

Чтоб и пайку им пополам рубить, и в трубу пополам трубить...
Но начальник умным не может быть, потому что не может быть.
Он надменно верит, что он - не он, а еще миллион и он,
И что каждый шаг его - миллион, и слово его - миллион.

Но когда ты один, и ночь за окном, и метет за окном пурга, -
Тогда ты один, и тогда беги, если жизнь тебе дорога.
Тогда тебя не спасет миллион, не отобьет конвой...
И всю ночь, говорят, над зоной плыл протяжный и странный вой.

Его нашли в одном сапоге и от страха рот до ушей,
И на вздувшейся шее тугой петлей удавка из белых вшей.
И никто с тех пор не вопит "даешь!" и смеется исподтишка
Ее величество белая вошь - повелительница ЗК!
Вот тогда-то ее и называли все - королева материка!

Ковыряют историю этак и так, то ругань слышна, то медь -
Но мы-то знаем, кто вел нас в бой и кто провожал на смерть.
Валеты рвутся попасть в тузы, сменяется мастью масть -
Но мы-то знаем, какая власть была и взаправду власть.

Но мы-то знаем, какая власть нам в руки дала кайло,
И все мы подданные ее и носим ее клеймо.
Когда-нибудь все - кто придет назад и кто не придет назад -
Мы в честь ее устроим парад, и это будет парад!
По всей вселенной - пойдя, сдержи! - свой каторжный славя труд,
Ее величества белой вши подданные пройдут.

Ее величества белой вши данники всех времен...
А это сумеет любой дурак - по заду втянуть ремнем,
А это сумеет любой дурак - палить в безоружных власть -
Но мы-то знаем, какая власть было и взаправду власть.

И покуда не кончились страх и ложь, и покуда стучат срока, -
Ты ведешь нас и властвуешь, белая вошь - повелительница ЗК.
Ее величество белая вошь - королева материка!

Разговор с музой

Наплевать, если сгину в какой-то Ите,
Все равно мне бессмертные счастьем потрафили
На такой широте и такой долготе,
Что ее не найти ни в одной географии -
В этом доме, в этом доме у маяка.

В этом доме не стучат ставни,
Не таращатся в углах вещи,
Там не бредят о пустой славе,
Там все истинно и все вечно -
В этом доме, в этом доме у маяка.

Если имя мое в разговоре пустом
Будут втаптывать в грязь с безразличным усердьем -
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где тебя и меня наградили бессмертьем -
В этом доме, в этом доме у маяка.

В этом доме не бренчать моде,
В этом доме не греметь джазам,
Но приходит в этот дом море,
Не одно, а все как есть - разом -
В этот дом у маяка.

Если враль записной тебе скажет о том,
что, мол, знаете, друг-то ваш был, мол, - и вышедши,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом, -
Я там жду тебя, слышишь? Я жду тебя, слышишь ты?
В этом доме, в этом доме у маяка.

В этом доме все часы - полдни,
И дурные не черны вести.
Где б мы ни были с тобой, помни -
В этом доме мы всегда вместе
В этом доме у маяка!

Если с радостью тайной партком и местком
Сообщат, наконец, о моем погребении -
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где спасенье мое и мое воскресение -
В этом доме, в этом доме у маяка.

— — —

Непричастный к искусству,
Недопущенный в храм -
Я пою под закуску
И две тысячи грамм.

Что мне пениться пеной
У беды на краю?
Вы налейте по первой,
А уж я вам спою.

А уж я позабавлю,
Вспомню мера и чудь,
И стыда ни на каплю -
Мне не стыдно ничуть.

Спину вялую сгорбя,
Я не просто хулу,
А гражданские скорби
Сервирую к столу.

Как живете, караси? -
Хорошо живем, мерси.

Заходите, люди добрые -
Боже правый, помоги!/
Будут песни, будут сдобные,
Будут с мясом пироги.

Сливы, ягоды соленые,
Выручайте во хмелю,
Вон, у той глаза зеленые -
Я зеленые люблю.

Я наполню рюмку первую,
Про запас еще налью,
Песню новую, непетуну
Для почина пропую!

-Справа койка у стены, слева койка.
Ходим вместе через день облучаться -
Вертухай и бывший номер такой-то -
Вот где снова довелось повстречаться.

Мы гуляем по больничному садику,
Я курю, а он стоит на атасе,
Заливаем врачу-волосатику,
Что здоровье - хоть с горки катайся.

Погуляем полчаса с вертухаем,
Притонимся и стоим отдыхаем.
Точно также мы гуляли с ним в Вятке,
И здоровье было тоже в порядке...

Опоздавшие гости
Прерывают куплет.
Их вбивают, как гвозди,
Ибо мест уже нет.

Мы их лиц не запомним,
Мы как будто вдвоем,
Мы по новой наполним
И в охотку допьем.

Ах, в мундире картошка,
Разлобезная Русь...
И стыжусь я немножко
А верней не стыжусь.

Мне как гордое право
Эта горькая роль,

Эта легкая слава
И привычная боль.

Как жуе, караси?
Хорошо жуем, мерси.

Колокольчики, бубенчики,
Пьяной дурусти хамеж.
Кто истцы, а кто ответчики,
Нынче вроде не поймешь.

Все подряд истцами кажутся,
Всех карал единый бог,
Все одной зеленой мажутся -
Кто от пуль, а кто от блох.

Ладно, пейте, рюмки чистые,
Помолчите только впредь.
Тише, черти голосистые!
Дайте, дьяволы, допеть.

Слева койка у стены, справа койка.
А на улице февральская выгга...
Вертухай и бывший номер такой-то -
Нам теперь невмоготу друг без друга.

И толкуем мы о разном, о ясном -
О больнице, о больничном начальстве,
Отдаем предпочтение язвам,
Помереть хотим в одночасье.

Мы на пенсии теперь, на покое,
Наши койки, как суда на приколе,
А под ними на паркете из липы
Наши тапочки, как дохлые рыбы.

Спит больница, тишина, все в порядке,
И сказал он, приподнявшись на локте,-
Жаль я, сука, не добил тебя в Вятке,
Больно ловки вы, жида, больно ловки.-

И упал он, и забулькал, заойкал,
И не стало вертухая, не стало,
И поплыла вертухаева койка
В те края, где ни конца, ни начала.

Я простышкой вертухая накрою...
Все снежок идет, снежок над Москвою.
И сынок мой по тому ль по снежочку
Провожает... вертухаеву дочку.

Голос гложет, как в вате,
Только струны бренчат.
Все приличия ради
С полминуты молчат.

А потом, под огурчик
Пропустив стопаря, -
Да уж песня в ажурчик,
Приглашали не зря.

Да уж, песенка в точку.
 Не забыть бы стишок -
 Как он эту вот дочку
 Волокет на снежок, -

Незнакомые рожи
 Мокнут в пьяной тоске...
 И стыжусь я до дрожи,
 И желвак на щеке.

Как стучите, караси? -
 Хорошо стучим, мерси.

Все плывет и все качается,
 Добрый вечер, добрый день.
 Вот какая получается,
 Извините, дребедень.

Получайник, получайница,
 Больно много карасей.
 Вот какая получается,
 Извините, карусель.

Я сижу, гитарой тренькаю,
 Хохот, грохот, гогот, звон...
 И хозяйский сын за стенкою
 Прячет в стол магнитофон.

— — —

По рисунку палешанина
 Кто-то выткал на ковре
 Александра Полежаева
 В черной бурке на коне.

Тетка мой - и зависть тайная
 Сердце горем горячи!
 Зависть тайная, "летальная"-
 Как сказали бы врачи.

Славно, братцы, славно, братцы,
 Славно, братцы егеря,
 Славно, братцы егеря -
 Рать любимая царя.

/Припев/

Ах, кивера да ментики,
 Ах, соколы-орлы...
 Кому ж вы в сердце метили,
 Лепажевы стволы?
 Не мне ль вы в сердце метили,
 Лепажевы стволы?

А беда явилась за полночь,
 Но не пулю в висок -
 Просто в путь, в ночную заволочь,
 Важно тронулся возок.

И не спеть, не выпить водочки,
 Не держать в руке бокал...
 Едут трое - сам в середочке,
 Два жандарма по бокам.

Припев

Ах, кивера да ментики...
 Пора бы выйти в знать.
 Но этой арифметики
 Поэтам не узнать.
 Ни прошлым и ни будущим
 Поэтам не узнать.

Где ж друзья твои, ровесники -
 Некому тебя спасать.
 Началось все дело с песенки,
 А потом - пошла писать...

И по мукам, как по лезвию...
 Размышляй теперь о том -
 То ли броситься в поэзию,
 То ли сразу в желтый дом?!

Припев

Ах, кивера да ментики,
 Возвышенная речь,
 А все-таки наветики
 Страшнее, чем картечь.
 Доносы и наветики
 Страшнее, чем картечь.

По рисунку палешанина
 Кто-то выткал на ковре
 Александра Полежаева
 В черной бурке на коне.

Но оставь, художник, вымысел,
 Нас в герои не крои,
 Нам не зная жребий вывесил -
 Носовой платок в крови.

Припев

Ах, кивера да ментики,
 Нерукотворный стяг...
 И дело тут не в метрике,
 Столетие - пустяк.

Мы не хуже Горация

Вы такие нестерпимо ражие
И такие, в сущности, примерные -
Все томят вас бури вернисажные,
Все шатают паводки премьерные.

Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы...
Ну а если ни премьер, ни выставок,-
Десять метров комнатка в Останкине?

Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике,
Вот и все, а этого достаточно.
Есть, стоит картина на подрамнике.
Этого достаточно.

Осудив и совесть, и бесстрашие -
Вроде-не заложить и не купить их!/
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши.

Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени...
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы - Несторы и Пимены.

Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облачно...
"Эрика" берет четыре копии,
Вот и все, а этого достаточно.
Есть, отстукано четыре копии.
Этого достаточно.

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии.
Что ни день фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Бродит кривда.. с полосы на полосу,
Делится с соседской кривдой опытом.
Но гудит напетое вполголоса,
Но гремит прочитанное шепотом.

Ни партера нет, ни ложь, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно... -
Есть магнитофон системы "Яуза",
Вот и все, а этого достаточно.
Есть, стоит картина на подрамнике,
Есть, отстуканы четыре копии,
Есть магнитофон системы "Яуза".
Этого достаточно.

Александр Галич

Все засранцы, все нахлебники,
 Жрут и пьют, и воду месят.
 На одни, считай, учебники
 Чуть не рупь уходит в месяц.
 Люська, дура, заневестила,
 Никакого с нею сладу,
 А у папеньки-то шестеро,
 Обо всех подумать надо.

И того купить, и сего купить,
 А на копеечки-то вовсе воду пить,
 А сырку к чайку или ливерной...
 Тут двугривенный, там двугривенный,
 А где ж их взять?

/Припев/

Люське, дурочке, все хаханьки,
 Все малина ей, калина,
 А Никитушка-то махонький
 Чуть ни на крик от колита.

Подтянул папаня помочи
 И с улыбкой независной
 Попросил папаня помощи
 В кассе помощи взаимной.

Припев

Попросил папаня слезно и
 Ждет решенья, нет покоя.
 Совещанье шло серьезное,
 И решение такое:
 Подмогнула б тебе касса, но
 Каждый рупь-догнать Америку,
 Посему тебе отказано,
 Но сочувствуем, поелику

Припев

Вот он запил как залеченный,
 Два раза бил морду Люське,
 А в субботу поздно вечером
 Он повесился на люстре ...

Ой, не надо скорой помощи,
 Нам бы медленную помощь...
 Скорый врач обрезал помочи
 И сказал, что помер в полночь.

Помер смертью незаметною,
 Огорчения не вызвал,
 Лишь записочку предсмертную
 Положил на телевизор,

Припев.

Красный треугольник

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать,
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Я с Нинулькой гулял, с тетей Пашиной,
И в "Пекин" ее водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый
И в палату с ней ходил Грановитуу...
А жена моя - товарищ Парамонова -
В это время находилась за границей.

А вернулась - ей, привет, анонимочка:
Фотоснимок, а на нем - я да Ниночка.
Просыпаюсь утром - нет моей кисочки,
И ни вещичек ее нет, ни записочки.
Нет как нет, ну прямо нет как нет.

Я к ней в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что все во мне переломано,
Не сердчай, что я гулял с этой падлюю,
Ты прости меня, товарищ Парамонова.

А она как закричит, вся стала черная,-
Я на слезы на твои ноль внимания,
И ты мне лазаря не пой, я ученая,
Ты людям все Расскажи на собрании.

И кричит она, дрожит, голос слабенький...
А холуи уж тут как тут, - каплют капельки-
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дерганов,
И еще тот референт, что из органов.
Тут как тут, ну прямо тут как тут.

В общем - ладно - прихожу на собрание -
А дело было, как сейчас помню, первого -
Я, конечно, бюллетень взял заранее,
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня, вся стала красная...
У них первый был вопрос "Свободу Африке!",
А потом уж про меня в части "Разное".

Ну как про Гану, все в буфет за сардельками,
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами.
А как вызвали меня, я сник от робости,
А из зала мне,- Давай все подробности!
Все как есть, ну прямо все как есть.

Ну и что ж тут говорить, что ж тут спрашивать,
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Я с племянницей гулял, с тетей Пашиной,
И в "Пекин" ее водил, и в Сокольники.

И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Ведь это ж только, говорю, соль без запаха.

И на жалость я их брал да испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал.
Но поздравили меня с воскресением—
Залепили строгача с занесением.
Ой-ей-ей, ну прямо ой-ей-ей.

Взял я тут цветов букет покрасивее,
Стал к подъезду номер 7 для начальников,
А Парамонова, как вышла, стала синяя,
Села в "Волгу" без меня и отчалила.

И тогда прямым путем в раздевалку я
И тете Паше говорю, мол, буду вечером.
А она мне говорит, — С аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего.

И племянница моя, Нина Саввовна,
Она думает как раз то же самое,
Она всю свою морковь нынче продала
И домой по месту жительства отбыла.
Вот те на, ну прямо вот те на.

Я иду тогда в райком, шлю записочку,
Мол, прошу принять по личному делу я...
А у Грошевой как раз моя кисочка —
Как увидела меня, вся стала белая.

И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева, —
Схлопотал он строгача, ну и ладушки,
Помиритеесь вы теперь по-хорошему.

И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в "Пекин" рука об руку,
Она выпила "Дюрсо", а я перцовую
За советскую семью образцовую.
Вот и все.

- - -

Неизвестный, увенчанный славой бранной —
Удалец-молодец или горе-провидец?
И склоняют колени под гром барабанный
Перед этой загадкой главы правительств.

Над немymi могилами — воплем надгробья,
Но порою надгробья не суть, а подобья.
Но порой вы не боль, а тщеславье храните,
Золоченные буквы на черном граните.

Все ли про то спето,
Все ли навек, с болью?
Слышишь, труба в гетто
Снова зовет к бою.

Пой же, труба, пой же,
 Пой о моей Польше,
 Пой о моей маме,
 Там, в выгребной яме!
 Тумбала-тумбала-тубалалайка, тумбала-тумбала-тумбалалайка,
 Тумбалалайка, шпильт балалайка, рвется и плачет сердце мое.

А купцы приезжают в Познань,
 Покупают меха и мыло...
 Подождите, пока не поздно,
 Не забудьте, как это было!

Как нас черным огнем косило
 В той последней, слепой атаке...
 -Маки, маки на Монте-Касино,
 Как мы падали в эти маки!..
 Ну а в Познани все красиво,
 И шуршат то рубли, то марки...
 -Маки, маки на Монте-Касино,
 Ах, как вы почернели, маки!

Но зовет труба в рукопашный
 И приказывает - Войте!-
 Пой же, пой нам о самой страшной,
 Самой вечной в мире валюте.

Помнишь, как шел ошалелый паяц
 Перед шеренгой на Аппельплац?..
 Тумбалалайка, шпильт балалайка...
 В газовой камере мертвые в пляс.

А вот еще: в мазурочке,
 То шагом, то ползком,
 Отправились два урочки
 В поход за языком.
 В мазурочке, в мазурочке,
 Нафабрены усы...
 Затискали в подсумочки
 Трофейные часы.
 Мы пьем-гуляем в Познани
 Три ночи и три дня...
 Ушел он неопознанный,
 Засек патруль меня.
 Ой, зори бирюзовые,
 Закаты - анилин!
 Пошли мои керзовые
 На город, на Берлин.
 Грома гремят басовые
 На линии огня,
 Идут мои керзовые...
 Да только без меня.
 Там, за речной излучиной,
 Зеленая кровать,
 Где спит солдат обученный,
 Обстрелянный, обученный
 Стрелять и убивать.

Среди пути прохожего
 Последний мой постой,
 Но нету, как положено,
 Дочечки со звездой.
 Ты не печалься, мама родная,
 Ты спи спокойно, почивай,
 Прости-прощай разведка родная,
 Товарищ Сталин, прощевай.
 Ты не кручинься, мама родная,
 Как говорят, судьба слепа,
 И может статься, что народная
 Не зарастет ко мне тропа.

А еще: где бродили по зоне казры,
 Где под снегом искали гнилые коренья,-
 Перед этой землей никакие премьеры,
 Полтянувши штаны, не преклонят колени.

А еще: над Окою, над Камой, над Обью
 Ни знамен, ни венков не положат к надгробью,
 Лишь как вечный огонь, как нетленная слава,
 Штабеля, штабеля, штабеля лесосплава.

Нет, не уже - позже,
 Кончим навек с болью.
 Пой же, труба, пой же,
 Пой и зови к бою.
 Медною всей плотью
 Пой про мою Потьму,
 Пой о моем брате
 Там, в ледяной пади.
 Пой, труба, не чуди коленцами,
 Пой, труба, чтобы сила крепла,
 И чтоб встали мы, как в Освенциме,
 Взявшись за руки, среди пепла.

Ах, как зовет эта горькая медь
 Встать, чтобы драться, встать, чтобы сметь...
 Тумбалалайка, шпильт балалайка,
 Песню, с которой шли вы на смерть.

- - -

Бессмертный Кузьмин

Покатились всячины и разности,
 Поднялось неладное со дна -
 Граждане, отечество в опасности,
 Граждане, отечество в опасности,
 Граждане, гражданская война!
 Был май без края и конца,
 Жестокая весна...
 И он сказал, сбежав с крыльца, -
 Моя, моя вина.
 У Царскосельского дворца стояла тишина,
 И тот, другой, сбежав с крыльца,
 Сказал, - Моя вина.

И камнем в омут ледяной упали те слова -
 На брата брат идет войной,
 Но шелестит над их виной
 Забвенья трыв-трава.

А Кузьмин Кузьма Кузьмич выпил рюмку хлебного,
 А потом Кузьма Кузьмич закусил севрюжкой,
 А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагой,
 Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
 Что как истый патриот, верный сын отечества,
 Он обязан известить власти предрежащие...

А где мы шли, там дождь свинца,
 И смерть, и дело дрянь.
 Летела с тополей пыльца
 На бронзовую длань.
 У Царскосельского дворца, у берега сонных вод...
 И нет как нет войне конца, и скоро мой черед.

Было небо в голубиной ясности,
 Но сердца от холода свело:
 Граждане, отечество в опасности,
 Граждане, отечество в опасности,
 Танки входят в Царское Село!
 А чья вина? Ничья вина?
 Не верь ничьей вине,
 Когда по всей земле война
 И вся земля в огне.
 Пришла война - моя вина,
 И вот за ту вину
 Меня песочит старшина,
 Чтоб понимал войну.
 Меня готовит старшина в грядущие бои,
 И сто смертей сулит война, моя война - моя вина,
 И сто смертей мон.

А Кузьмин Кузьма Кузьмич принял стопку чистого,
 А потом Кузьма Кузьмич закусил огурчиком,
 А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагой,
 Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
 Что как истый патриот, верный сын отечества,
 Он обязан известить дорогие органы...

А где мы шли, там дождь свинца, и смерть, и дело дрянь,
 Летела с тополей пыльца на бронзовую длань,
 Там в Царскосельской тишине
 У замутненных вод...
 И нет как нет конца войне,
 И скоро твой черед.

Снова, снова громом среди праздности,
 Комом в горле, пулею в стволе -
 Граждане, отечество в опасности,
 Граждане, отечество в опасности,
 Наши танки на чужой земле!

Вопят прохвосты-петухи,
 Что виноватых нет.
 Но за вранье и за грехи
 Тебе держать ответ.
 За каждый шаг и каждый сбой
 Тебе держать ответ,
 А если нет - так черт с тобой,
 На нет и спроса нет.
 Тогда опеися допьяна похлебкою вранья,
 И пусть опять - моя война, моя вина, моя вина,
 И смерть опять - моя.

А Кузьмин Кузьма Кузьмич хлопнул сто молдавского,
 А потом Кузьма Кузьмич закусил селедочкой,
 А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагой,
 Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
 Что как истый патриот, верный сын отечества,
 Он обязан известить тех, кому положено...

И не поймешь, кого казним,
 Кому поем хвалу...
 Идет Кузьма Кузьмич Кузьмин
 По Царскому Селу.
 Прозрачный вечер, у дворца
 Покой и тишина.
 И с тополей летит пыльца
 На шляпу Кузьмина...

- - -

Все не вовремя

Посвящается В.Шаламову.

А ты стучи, стучи, а тебе бог простит,
 А начальнички тебе, Леха, срок скостят.
 За Окой счас, небось, коростель свистит,
 А у нас на Тайшете-ветра свистят.

А месяц май уже, а все снега белы,
 А вертухаевы на снегу следы.
 А что полноры - тьфу! - это полбеды,
 А что песню спел - полторы беды.

А над Окой летят гуси-лебеди,
 А за Окой свистит коростель...
 А тут по наледи курвы-нелюди
 Двух ЗК ведут на расстрел.

А первый ЗК - он в Севастополе,
 Он там, черт чумной, Херсонес копал,
 Он копал, чумак, что не попади,-
 И на полный срок в лагеря попал.

И жену его, и сына его, и старуху-мать,
 Чтоб молчала, блядь,
 Чтобы знали все, что закаяно
 Нашу родину сподниза копать.

А в Крыму теплынь, а в море сельди,
 И миндаль, небось, подоспел...
 А тут по наледи курвы-нелюди
 Двух ЗК ведут на расстрел.

А второй ЗК - это лично я,
 Я без мамы жил и без папы жил,
 И моя б жизнь была преотличная,
 Да я в шухере стукаря пришил.

А мне сперва вышка, а я в раскаянье,
 А уж в лагере корешей в навал.
 И на кой я пес при Лехе-Каине
 Чумаку подпел "интернационал"?!

А в караулке пьют с рафинадом чай,
 Вертухай идет - весь сомлел.
 Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
 Нас в обед вести на расстрел.
 Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
 Нас в обед вести на расстрел.

- - -

Баллада о том, как надо пить на троих

Не квасом земля полита.
 В каких не пытай краях -
 Поллитра всегда поллитра
 И стоит везде трояк.

Поменьше иль чуть побольше -
 Копейки - какой рожон?
 А вот разделить по-Божьи -
 Тут очень расчет нужен.

Иной размечает тонко,
 Другой на глазок берет,
 И ежели кто без толку,-
 Всегда норовит вперед.

Оплаченный процент отпит,
 И ладно, гуляй беда!
 Но тот, кто имеет опыт -
 Тот крайним стоит всегда.

Он, зная свою отметку,
 Не пялит зазря лицо,
 И выпьет он под конфетку,
 А чаще-под сукнецо.

Но выпьет зато со вкусом,
 Издаст подходящий стон,
 И даже покажет знаком,
 Что выпил со вкусом он.

И первому по затылку
 Отвесит, шутя, пинка,
 А после он сдаст бутылку
 И примет еще пинка.

И где-нибудь среди досок,
 Блаженный, приляжет он,-
 Поскольку культурный досуг
 Включает здоровый сон.

Он спит, а над ним планеты -
 Немеркнувший звездный тир.
 Он спит, а его полпреды
 Варганят войну и мир.

По всем уголкам планеты,
 По миру, что сном объят,
 Развозят его газеты,
 Где славу ему трубят.

И громкую славу эту
 Признали со всех сторон.
 Он всех призовет к ответу...
 Как только проспится он.

Куется ему награда,
 Готовит харчи нажит...
 Не трожьте его, не надо,
 Пускай человек поспит.

- - -

Александр Галич

О принципиальности

Прикрывши дверь, сижу в ночи
С одной мольбой неистовой:
Поговори, поклевещи,
Родной ты мой, транзисторный.

Я, как на карте школьник,
Ищу в пространстве путь.
Товарищ мистер Гольдберг,
Скажи хоть что-нибудь.
Скажи, блям-блям, скажи, блям-блям,
Скажи хоть что-нибудь.

Поговори, поклевещи,
Молю - аж пальцы потные...
Но от зари и до зари
Одни глушилки подлые.

Молчит товарищ Гольдберг,
Не слышно Би-Би-Си.
И только песня Сольвейг
Гремит по всей Руси.
Гремит, блям-блям, гремит, блям-блям,
Гремит по всей Руси.

Я раз пятьсот сказал: "Говно!",
Я проклял небо с сусею.
И до рассвета все равно
Сижу, глушилки слушаю.

- - -

Спрашивает мальчик, - Почему?--
Спрашивает мальчик, - Почему?--
Двести раз и триста, - Почему?
Тучка набегает на чело...
А папаша режет ветчину,
А папаша режет ветчину,
А папаша режет ветчину
И не отвечает ничего.

Снова замаячили - быть -боль,
Снова рвутся мальчики в пыль, в бой.
Вы их не пугайте, не отваживайте.
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте, спрашивайте.

Спрашивайте: как и почему,
Спрашивайте: как и почему,

Как и отчего и почему -
 Спрашивайте мальчики отцов.
 Сколько бы ни резать ветчину,
 Сколько бы ни резать ветчину,
 Сколько бы ни резать ветчину -
 Надо ж отвечать в конце концов.

Но в зрачке-хрусталике вдруг муть,
 А старые сандалики, ух, жмуть.
 Ну и не жалейте их, снашивайте...
 Спрашивайте, мальчики, спрашивайте.

Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
 Спрашивайте, спрашивайте!

- - -

Говорят, что где-то есть острова,
 Где растет на берегу трын-трава.
 Ты пей как чай ее, без спешки-скорости,-
 Пройдет отчаянье, минуют хворости...
 Вот какие есть на свете острова.

Говорят, что где-то есть острова,
 Где не тратят понапрасну слова,
 Где не наградные на стенах лозоньки,
 И даже в праздники не клеют лозунги...
 Вот какие есть на свете острова.

Говорят, что где-то есть острова,
 Где четыре как закон - дважды два.
 Кто б не указывал иное гражданам,-
 Четыре - дважды два для всех и каждого...
 Вот какие есть на свете острова.

Говорят, что где-то есть острова,
 Где неправда не бывает права,
 Где совесть - надобность, а не солдатчина,
 Где правда нажита, а не назначена...
 Вот какие я придумал острова.

- - -

Мы поехали за город,
 А за городом дожди,
 А за городом заборы,
 За заборами вожди.

Там трава несмятая,
 Дышится легко,
 Там конфеты мятные,
 Птичье молоко.

За семью заборами,
 За семью запорами -
 Там конфеты мятные,
 Птичье молоко.

Там и фауна, и флора,
Там и елки, и грачи,
Там глядят из-за забора
На прохожих стукачи -

Ходят вдоль да около
Кверху воротник...
А "сталинские соколы"
Кушают шашлык.

За семью заборами,
За семью запорами
"Сталинские соколы"
Кушают шашлык.

А ночами, а ночами
Для ответственных людей,
Для высокого начальства
Крутят фильмы про блядей.

И, сопя, уставится
На экран мурло -
Очень ему нравится
Мерилин Монро.

За семью заборами,
За семью запорами
Очень ему нравится
Мерилин Монро.

Мы устали с непривычки,
Мы сказали, - Боже ж мой! -
Мы дошли до электрички
И поехали домой.

А в пути по радио
Цельный час подряд
Нам про демократию
Делали доклад.

А за семью заборами,
За семью запорами -
Там доклад не слушают,
Там шашлык едят.

- - -

Баллада о том, как едва не сошел с ума директор
антикварного магазина №273 Копылов Н.А., рассказанная
им самим доктору-психиатру Беленькому Я.И.

Допекла меня все же Тонечка -
Гарнитур купил ей ореховый.
Я ж не брал сперва - ни вот столечко -
А уж как начал, так поехало,

Как пошла молоть прорва адова -
Где по сотенке, где по камушку -

Намолочла мне дачку в Кратово,
Намолочла мне "Волгу"-матушку.

Деньги-денежки, деньги-катыши,
Вы и слуги нам, и начальники...
А у нас товар деликатнейший,
Не какие-нибудь там чашки-чайники.

Чашки-чайники, фрукты-овощи,-
Тут кто хошь возьмет, и без помощи.
А у нас товар на любителей -
Павлы разные и Людовики.
А любителю - чем побитее,
Самый смак ему - что не новенький.

И ни-ни, чтоб по легкомыслию
Спутать Францию там или Швецию...
А недавно к нам "на комиссию"
Принесло одну старушеницу.

И в руках у ей не хрусталина,
Не фарфоровые бонбончики -
А пластиночки с речью Сталина,
Ровно десять штук, и все в альбомчике.

А я стреляный, а я с опытом,
А я враз понял - пропал пропадом!
Пропал пропадом.

Тем речам цена - ровно 30 р.
И принес же черт сучку-пташечку!
Ну какой мне смысл на такой муре
Наблюдать посля "небо в шашечку"?

Вот и вникните в данный факт, друзья,-
На добре ж сижу, не на ветоши!
Мне и взять нельзя и не взять нельзя -
То ли гений он, а то ли нет еще...

Тут и в прессе есть расхождение,
И вообще идут толки разные...
Вот и вникните в положение,
Исключительно безобразное.

Они спорят там, они ссорятся,-
Ну а я решаю, а мне - бессоница!
А мне - бессоница.

Я матком в душе, а сам с улыбочкой
Выбираю слова приличные, -
-За альбомчик, мол, вам спасибочко!
Мол, беру его за наличные.

И даю я ей свои кровные, -
Продавцы вокруг удивляются...
Они, может быть, деньги скромные,
Но ведь тоже зря не валяются.

И верчусь весь день, как на вертеле,
Ой, туманится небо светлое...

И хоть верьте мне, хоть не верьте мне -
А началось тут несусветное.

А я стреляный, а я с опытом,
А я ж враз понял - пропал пропадом!
Пропал пропадом.

Или бабку ту сам засек народ,
Или стукнулась со знакомыми -
Но с утра ко мне в три хвоста черед,
Все с пластинками, все с альбомами...

И растет, растет гора целая,
И наличность вся в угасании...
Указание б чье-то ценное,
Да ведь нет его, указания.

В пух и прах пошла дачка в Кратове,
"Волга"-матушка - мое дитище...
И гвоздит мне мозг многократное:
То ли гений он, а то ли нет еще!

Я маленькая девочка,
Танцую и пою.
Я Сталина не видела,
Но я его люблю...

Но доктор Я.И.Беленький не признал Копылова Н.А. душевнобольным
и не дал ему направления в психиатрическую клинику.

- - -

Как мне странно, что ты-жена,
Как мне странно, что ты жива,
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказанья,
Не смотрите на нас вороватыми
Перепуганными глазами.

Будто призваны вы, будто позваны -
Нашу муку терпеньем мерите...
Ничего, что родились поздно вы,-
Вы все знаете, все умеете.

Как мне странно, что ты-жена,
Как мне странно, что ты жива,
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена.

Никаких вы не знали фортелей,-
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми...

Но ветрами подует грозными -
 Восиком вы беду измерите...
 Ничего, что родились поздно вы,-
 Вы все знаете, все умеете.

Как мне странно, что ты-жена,
 Как мне странно, что ты жива.
 А я-то думал, что просто
 Ты мной воображена.

Не дарило нас время сладостью -
 Раздавало горстями горькость.
 Но великою вашей слабостью
 Вы спасли нам не жизнь, а ... гордость.

Нам сторицей не будет воздано,
 И пройдем мы по веку розно...
 Ничего, что родились поздно вы,-
 Воевать никогда не поздно.

Как мне страшно, что ты-жена,
 Как мне страшно, что ты жива...
 В Ярославле на "пересылке"
 Ты была воображена.

- - -

Баллада о прибавочной стоимости

"Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма".

Коммунистический манифест.

Я научность марксистскую пестовал,
 Даже точками в строчках не брезговал.
 Запятым по пятам, а не дуриком
 Изучал "Капитал" с "Анти-Дюрингом".

Не стесняясь мужским своим признаком,
 Наряжался на праздники призраком,
 И повсюду - где устно, где письменно -
 Утверждал я, что все это - истина.

От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих...
 И пусть я - псих, а кто не псих?
 А вы не псих?

Но недавно случилась история -
 Я купил радиолу "Эстония"
 И в свободный часок на полчаса
 Я прилег позабавиться классикой.

Но гремела та сама опера,
 Но Кармен своего бросила опера,
 А когда открывал Эскамилио,
 Вдруг свое я услышал фамилие.

Ну черти что, ну черти что, ну черти что.
 Кому смешно - мне не смешно.
 А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то и далее,
 Померла у вас тетя в Фингалии,
 И по делу той тети Калерии
 Ожидают вас в Иньюрколлегии.

Ох, и вскинулся я-прямо на дыбы -
 Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!
 Больно тема какая-то склизкая,
 Не марксистская, ох, не марксистская.

Ну, прямо срам, ну, прямо срам, ну, прямо срам!
 А я-то сам - почти что зам.
 А вы - не зам?

Ну, промаялся ночь, как в холере, я -
 Подвела меня курва Калерия.
 Ну жена тоже плачет, печалится:
 Култ не култ, а чего не случается?

Ну, бельишко в портфель, щетка, мыльница,-
 Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться...
 Ну, являюсь, дрожу аж по потрежи.
 А они меня-чуть что не под руки.

И смех, и шум, и смех, и шум, и смех, и шум...
 А я стою - и ни бум-бум.
 А вы - бум-бум?

Первым делом у нас совещание -
 Зачитали мне вслух завещание,
 Мол, такая-то, имя и отчество,
 Все по правилам, все честью по чести,

Завещаю, мол, землю и фабрику
 Не супругу - засранцу и бабнику,
 А родной мой племянник Володечка
 Пусть владеет всем тем на здоровячко.

Вот это да, вот это да, вот это да!
 Выходит так, что мне туда.
 А вам куда?

Ну, являюсь на службу я в пятницу,
 Посылаю начальство я в задницу,-
 Мол, привет, по добру, по-спокойненьку!
 Ваши сто - мне, как насморк покойнику.

Пью субботу я, пью воскресенье,
 Час посплю - и опять в окосение.
 Пью за родину, и за неродину,
 И за вечную память за тетину.

Ну пью и пью, а после счет, а после счет.
 А мне б не счет, а мне б еще,
 И вам - еще!

В общем я за усопшую тетеньку
 Пропил с книжки последнюю сотенку.
 А как встал, - так друзья мои, бражники
 Прямо все как один за бумажники:

-Дорогой ты наш, бархатный, саржевый,
 Ты не брезговай, Вова, одалживай!
 Мол, сочтемся когда-нибудь дружбою,
 Мол, пришлешь нам, что будет ненужное.

-Ну если так, то гран-мерси, то гран-мерси!
 А я за это вам - "джерси",
 И вам - "джерси".

Наодалживал в общем до тыщи я -
 Я ж отдам - слава Зогу, не нищий я!
 А уж с тыщи-то рад расстаться я -
 И пошла ходуном ресторация:

С контробаса - на галстук - басовую,
 Не "Столичную" пьем, а "Особую",
 И какие-то две с перманентиком
 Все назвать норовят меня "Эдиком".

Гуляем день, гуляем ночь, и снова ночь.
 А я непрочь, и вы непрочь,
 И все непрочь...

С воскресенья и до воскресения
 Шло у нас вот такое веселье,
 А прочухался чуть-к понедельнику -
 Сел глядеть передачи по телеку.

Сообщает мне дикторша новости
 Про успехи в космической области,
 А потом: "Передаем сообщения из-за границы. Революция в Фингалии.
 Первый декрет народной власти о национализации фарбрик, земель, заводов
 железных дорог и всех промышленных предприятий. Народы Советского Союза
 приветствуют и поздравляют братский народ Фингалии со славной победой!"

Я гляжу на экран, как на рвотное,
 То есть, как это так - "все народное"?!
 Это наше, - кричу, - с тетей Калею!
 Я ж за этим собрался в Фингалию!

Негодяи, - кричу, - лоботрясы вы!
 Это все, - я кричу, - штучки Марксовы!...

Ох, нет на свете печальнее повести,
 Чем об этой "прибавочной стоимости".

А я ж ее от сих до сих, от сих до сих...
 И вот теперь я - полный псих.
 А кто не псих?

Юлий Ким

Песня гренадеров

Как гром, гремит команда
 "Равняйся!", "Налево!" или "Напра-во!"
 Теперь пускай ударит канонада,
 А там посмотрим, кто кого.

В штыки! А ну-ка, зададим им деру!
 Труба, труби, труба, труби, води!
 И пусть повезет гренадеру
 Живым с поля брани уйти!
 И пусть повезет гренадеру
 Живым с поля брани уйти!

Как гром, грохочут кружки,
 А в них не кофе и не молоко,-
 Шампань, "Клико" - стреляет, как из пушки, -
 Вперед, посмотрим, кто кого!

В штыки! А ну-ка, зададим им деру!
 Труба, труби, труба, труби, води!
 И пусть повезет гренадеру
 Живым с поля брани уйти!
 И пусть повезет гренадеру
 Живым с поля брани уйти!

Как гром, грохочет женка,
 -Болван! Опять надрался ты с чего?! -
 Она - метлу, а я беру заслонку,-
 Вперед! Посмотрим, кто кого!

В штыки! А ну-ка, зададим им деру!
 Труба, труби, труба, труби, води!
 И пусть повезет гренадеру
 Живым с поля брани уйти!
 И пусть повезет гренадеру
 Живым с поля брани уйти!

- - -

Капита Беринг
 Открыл наш дикий берег,
 Что за чудо-капитан!
 И в этот берег дикий
 Стучит волною Тихий,
 Ужасно тихий океан.

Подо мной глубина
 Пять километров до дна,
 Пять километров и двадцать пять акул,
 А волна до небес
 Раскачала МРС,
 Но никто из нас, никто не потонул.

/Припев/

/МРС - малый рыболовный сейнер/

Подношу к свету
Последнюю галету
И дело на семь персон.
"Беломору" нету,
И спичек тоже нету,-
Зато селедки двадцать тонн.

Припев

Если ты смелый -
Ходи да дело делай,
А акулу позабуди.
А если ты не смелый -
Молись, чтоб был ты целый,
Тогда спокойно кончишь путь.

Припев

- - -

Ах, тук-тук-тук, мотор стучит,
А по воде "Бычок" бежит,
Старается.
Едет, едет, ковыляет,
Носом воду ковыряет,
Упирается.

Едет, едет, волны пашет,
А помощник чуть не пляшет
В рубке у руля.
Только бессердечной рыбе
Хорошо на мертвой зыби.
Капитан! Скоро ли земля?

На далеком на просторе
Сто домов стоит на море,
Кажется.
Вот пройдем еще немножко -
И под ними наша "кошка"
Вдруг окажется.

Наш "Бычок" домой вернется,
И помощник улыбнется
В рубке у руля.
Только бессердечной рыбе
Хорошо на мертвой зыби.
Капитан! Скоро ли земля?

Вон бараки, вон палатка -
Там Анатка, там Анатка, там она.
Тарахтит мотор в горячке,
Но теперь уж в этой качке
Не страшна волна.

Палуба качается,
Над нею разливается
Лишь песенка моя. -
Только бессердечной рыбе
Хорошо на мертвой зыби.
Капитан! Скоро ли земля?

Капитан! Вот она, земля!

- - -

Плохо спится палачам по ночам -
Вот и ходят палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи палачей.

На столе у них икра, балычок,
Не какой-нибудь - "КВ" коньячок,
А впоследствии чаек, пастила,
Кекс "Гвардейский" и печенье "Салют"...

И сидят заплечных дел мастера,
И тиконько, но душевно поют:
-О Сталине мудром, родном и любимом...

Мы на страже, - говорят палачи.
Ну когда же? - говорят палачи.
Поскорей бы, - говорят палачи.-
Встань, отец, и вразуми, поучи!

Белый хлеб икрой намазан густо,
Слезы кипяточка горячей.
Палачам бывает тоже грустно,
Пожалейте, люди, палачей!

Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам.
И как в жизни, но еще половчей
Бьют по рыту палачи палачей.

Как когда-то, как в годах молодых, -
И с оттяжкой, и ногой в поддых.
И от криков и от слез палачей
Так и ходят этажи ходуном.
Созывают неотложных врачей
И с тоскою вспоминают о нем -
О Сталине мудром, родном и любимом...

Был порядок, - говорят палачи.
Был достаток, - говорят палачи.
Дело сделал, - говорят палачи,-
И пожалуйста, сполна получи!..

Дышит, дышит кислородом стража.
Крикнуть бы, но голос как ничей.
Палачам бывает тоже страшно.
Пожалейте, люди, палачей.

- - -

Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 года

Над черной пажитью разрухи,
 Над миром, проклятым людьми,
 Поют девчонки о разлуке,
 Поют мальчишки о любви.

Они глядят на нас в тревоге
 И не умеют скрыть испуг,
 Но наши страхи, наши боги
 Для них - смешной и жалкий звук.

И наши прошлые святыни
 Для них - пустые имена,
 И правда - та, что посредине -
 И им и нам еще темна.

И слышит Прага, слышит Сопот
 Истощный шепот тру-ля-ля,
 Но пробивается сквозь шепот
 Керзовый топот патруля.

Нас отпустили на поруки
 На год, на час, на пять минут...
 Поют девчонки о разлуке,
 Мальчишки о любви поют.

Они лады перебирают,
 Как будто лезут на рожон,
 Они слова перевирают
 То в соль мажор, то в ре мажор.

А я, крестом раскинув руки,
 Как оступившийся минер, -
 Все о беде и о разрухе,
 Все в ре минор да в ре минор...

- - -

Композиция 27

-Он не то, чтобы настиг, - он подлез...

-А он им в ЦУМе пылесос и палас...

-А она ему, - Подлец ты, подлец...

-И как раз у них годичный баланс...

А на дворе то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то плач, то смех,
И чей забой - того казна.

А кто в любовь, а кто в "козла".

"Пользуйтесь услугами Аэрофлота,
Экономьте время" и тра-ля-ля.

-В общежитии замок на двери,
В нос шибает то пивком, то потком...-
Отвори! - она кричит, - Отвори! -
А тут его и цап-царап - на партком.

А на дворе то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то плач, то смех.
Кому во Львов, кому в Казань.
А кто в любовь, а кто в "козла".
"Покупайте к завтраку рыбные палочки.
Вкусно и питательно" и тра-ля-ля.

-Говорят, уже не первый сигнал...
-А он им в чай и намешай намбутил...
-А им к празднику давали сига...
-По-советски ж, а не как-нибудь там...

А на дворе то дождь, то снег,
Все тот же дождь, и тот же смех.
И словно гром, гремит гроза.
А кто в любовь, а кто в "козла".
"Граждане, подписку на газеты и журналы
Оформляйте вовремя" и тра-ля-ля.

-В общем вышло у него так на так...
-А она опять, подлец ты, подлец...
-Обождите, не бросайте пятак...
-Ну, поставили на вид, и конец...

А на дворе то дождь, то снег,
Все тот же смех, один на всех.
И не беда, что тот же смех,
А вот беда, - все тот же век.
"Предъявляйте пропуск в развернутом виде
При входе и выходе" и тра-ля-ля.

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи -
 Не ходить вам в камергерах, евреи.
 Не горюйте вы зазря, не стенайте -
 Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
 И ходить вам без шнурков на ботинках,
 И не делать по субботам лэ-хаим.
 А таскаться на допрос с вертухаем.

Если ж будешь торговать ты елеем -
 Можешь стать вполне полезным евреем,
 Называться разрешат Россинантом
 И украсят лапсердак аксельбантом.

Но и ставши в ремесле этом первым,-
 Все равно тебе не быть камергером,
 И не выйти на елее в Орфеи...
 Так не шейте ж вы ливреи, евреи.

- - -

По-осеннему деревья налегке.
 Фиолетовые пятна на реке,
 Керосиновые пятна на воде.
 Ты сказала мне тихонько,-
 Быть беде!

Я позабыл твое лицо,
 Я пьян был к полдню,
 Я подарил твое кольцо,
 Кому - не помню...

Из шутовства, из хвастовства
 В том балаганье
 Я бросил все твои слова
 На поруганье.

Качалась пьяная мотня
 Вокруг прибойно.
 И ты спросила у меня,
 Тебе не больно?!..

Не поймешь - не то январь, не то апрель.
 Не поймешь - не то метель, не то капель.
 На реке не ледостав, не ледоход.
 Старый год, а ты сказала, -
 Новый год!..

Их век выносит на-гора
 И - марш по свету!
 Одно отличие - номера,
 Другого нету.

О, этот серый частокол,
 Двадцатый опус,
 Где каждый день, как протокол,
 А ночь - как обыск.

Где все зазя, и все не то,
 И все непрочно,
 Который час - и то никто
 Не знает точно.

Лишь неизменен календарь
 В приметах века:
 Ночная улица, фонарь,
 Канал, аптека...

В этот вечер, не сумевший стать зимой,
 Мы дороги не нашли к себе домой.
 Я спросил тебя, - А может, все не зря?
 Ты ответила старинным, -
 Быть нельзя...

- - -

В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом вираже...
 Все еще только входят, а свечи погасли уже.
 И лежит в сельдерее, убитый злодейским ножом,
 Поросенок с бумажной розой, покойник, пижон.

А полковник-пижон, что того поросенка принес,
 Открывает боржом и целует хозяйку в засос.
 Он совсем разнуздался, подлец, он отбил от рук -
 И следят за полковником три кандидата наук.

А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила...
 И уже за столом, как положено, куча мала -
 Кто-то ест, кто-то пьет, кто-то ждет, что ему подмигнут...
 И полковник надрался, как маршал, за десять минут.

Над его головой произносят заздравную речь
 И суют мне гитару, чтоб общество песней развлечь.
 -Ну помилуйте, братцы, какие тут песни, пока
 Не допили еще, не доели цыплят-табака.

Вот полковник желает исполнить романс "Журавли" -
 Но его кандидаты куда-то поспать увели.
 И опять кто-то ест, кто-то пьет, кто-то плачет навзрыд.
 -Что за праздник без песни? - мне мрачный сосед говорит.

Я хотел бы, товарищ, от имени всех попросить,
 Не могли б вы, товарищ, нам что-нибудь изобразить? -
 И тогда я улягусь на стол на торжественный тот
 И бумажную розу засуну в оскаленный рот,

И под чей-то напутственный возглас - в дыму и в жаре
 Поплыву, потеку, потону в поросычем желе.
 Это будет смешно, это вызовет хохот до слез,
 И хозяйка лизнет меня в лоб, как признательный пес,

А полковник, проспавшись, возьмется опять за свое
 И, отрезав мне ногу, протянет хозяйке ее...
 А за окнами снег, а за окнами белый мороз,
 Там бредет одноногая тень мимо белых берез.

Мимо белых берез и по белому снегу и прочь -
 В петроградскую ночь, прямо в белую давнюю ночь,
 В ночь, когда по скрипучему снегу в трескучий мороз
 Не пришел, а ушел - мы потом это поняли - белый Христос.

И поземка, следы замата, мела и мела...
 А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила.
 Зазвонил телефон, и хозяйка махнула рукой -
 Подождите, не ешьте, оставьте кусочек-другой.

И уже в телефон, отгоняя ладошкой дым, -
 Приезжайте скорее, а не то - мы его доедем.
 И опять все смеются, смеются, смеются до слез...
 А за окнами снег, а за окнами белый мороз.

Там бредет моя белая тень мимо белых берез.

101 псалом

Посвящается Борису Чичебабину

Я вышел на поиски Бога,
В предгорьи уже рассвело.
А нужно мне было немного -
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел осторожно костер,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

...

Что знал я в ту пору о Боге,
На ранней заре бытия? -
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я при свете огня,
Что будет он добрым и мудрым,
Что он пожалеет меня.

Когда ж он померк, этот длинный
День радостей всех и скорбей,
Мой бог, сотворенный из глины,
Сказал мне, - Иди и убей!

И канули годы и снова
Все так же, но только грубей,
Мой бог, сотворенный из слова,
Твердил мне, - Иди и убей!

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И бог, сотворенный из праха,
Твердил мне, - Иди и убей!

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог
На поиски доброго Бога,
И, ах, да поможет мне Бог!

- - -

Цыганская песня

Повстречала девчонка бога,
Бог пил мертвую в монопольке.
Ну а много ль от бога прока
В чертовне и в чаду попойки?

Ах, как пилося к полночи,
Как в башке гудело,
Как цыгане-сволочи
Пели "Канавэла"!

А девчонка сидела с богом, -
 К богу фасом, а к прочим боком.
 Ей домой бы бежать к папане -
 А она чокается шампанью.

Ах, елочки-мочалочки,
 Сладко вина пьются
 В серебряной чарочке
 На золотом блюде.

Кому чару пить?
 Кому здраву быть?
 Королевичу
 Александрычу!

С самоваров к чертям полуда,
 Чад летал над столами сотью...
 А в четвертом часу - под утро -
 Бог последнюю кинул сотню.

Бога, пьяного в дугу,
 Все теперь цукали,
 И цыгане - ни гу-гу,
 Разбредлись цыгане.

И друзья, допив до дна -
 Скатертью дорога!...
 Лишь девчонка та одна
 Не бросала бога.

А девчоночка эта с Охты,
 И глаза у нее цвета окры.
 Ждет маманя свою кровинку,
 А она с богом сидит в обнимку.

И надменный половой
 Шваркал мокрой тряпкой.
 Бог с поникшей головой
 Горбил плечи зябко.

И просил у цыган хоть слова,
 Хоть немножечко, хоть чуть слышно.
 А в ответ ему - жбан рассола -
 Понимай, мол, что время вышло.

Вместо водочки - вода,
 Вместо пива - пена...
 И девчоночка тогда
 Тоненько запела.

Ах, как пела девчонка богу -
 И про поле, и про дорогу,
 И про сумерки, и про зори,
 И про милых, ушедших в море.

Ах, как пела девчонка богу,
 Ах, как пела девчонка Блоку!
 И не знала она, не знала,
 Что бессмертной в то утро стала:

Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в "Соловьином саду".

- - -

Вот он скачет, витязь удалой,
С чудищем стоглавым силой меряясь,
И плевать на ту, что эту перевязь / 2 раза/
Штопала заботливой иглой.

Мы не пели славы палачам,
Удержались, выдержали, выжили...
Но тихонько, чтобы мы не слышали, / 2 раза/
Жены наши плачут по ночам.

- - -

А врач сказал, - Будь здоров, паралич! -
Помирает Иван Ильич.

Ходят дети с внуками на цыпочках,
И хотя разлука не приспела,
Но уже месткомовские скрипочки
Принялись разучивать Шопена.

А врач сказал, - Может день, может два -
Он и сейчас уже дышит едва.

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом,
Пахнет в доме скорыми мытарствами
По различным ЗАГСам и СОБЕСам.

А врач сказал, - Ая-яй, вот те раз!
А больной-то, братцы, помер у нас.

Был он председателем правления,
Но такая вещь жите-бытье:
Не напишешь просьбы о продлении -
Некому рассматривать ее.

А врач сказал, - Извиняюсь, привет! -
Ждал врача подгоревший обед

- - -

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца.
И лошадь на парады выезжала
И маршалу про жабу ни слова.

А маршал бедный мучился от рака,
Но тоже на парады выезжал.
Он мучался от рака, но однако,
Он лошади об этом не сказал.

Нам этот факт великая эпоха
Воспеть велела в песнях и в стихах,
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала сгноили в Соловках.

- - -